

СТАЛИНОГОРЦЫ

от Бобрикстроя

до марша Победы

**юбилейный Новомосковск
год 2010-й**

СПЕЦИАЛИНГОРЦЫ: от Бобрикстроа до марша Победы

72447-к-14/

юбилейный Новомосковск

год 2010-й

МУК "Новомосковская
библиотечная система"

Новомосковцы Герои Советского Союза

АЛЕКСЕЕВ Иван Павлович
АРЧАКОВ Николай Иванович
АСТАХОВ Иван Михайлович
БАТЯЕВ Василий Сергеевич
ВАГИН Сергей Тимофеевич
ГОЛИЦИН Анатолий Васильевич
ГОЛОВИН Иван Васильевич
ДЕМИДОВ Александр Александрович
ЗАГРЯДСКИЙ Иван Иванович
КАРАСЕВ Борис Иванович
КАРПОВ Александр Алексеевич
КУДРЯВЦЕВ Николай Гаврилович
КУКУНИН Сергей Александрович
КУРБАТОВ Георгий Дмитриевич
ЛУНЬКОВ Николай Алексеевич

МАРКИН Сергей Степанович
ПОЛУКАРОВ Николай Тихонович
ПОЛУЯНОВ Григорий Павлович
ПРИСЯГИН Николай Алексеевич
РОМАНОВ Егор Дмитриевич
САПЕЛКИН Иван Федорович
СЕБРОВА Ирина Федоровна
СИДОРОВ Дмитрий Степанович
СТРИЖКОВ Матвей Петрович
ТРЕЩЕВ Константин Михайлович
ФАЛИН Василий Константинович
ФЕДОТОВ Семен Васильевич
ФРОЛОВ Михаил Иванович
ШАРОВ Дмитрий Михайлович

Кавалеры ордена Славы

БАЖАНОВ Михаил Дмитриевич
КОМОВ Федор Александрович
САБАНИН Михаил Григорьевич
ФЕДОНОВ Аркадий Тихонович
ФЕДОРОВ Василий Устинович

Дорогие земляки!

Неумолимое время распорядилось так, что среди нас год от года все меньше людей поколения первостроителей Сталиногорска. Продолжателями дел тружеников Бобрикстроя, положившего начало нашему общему дому у истока Дона, гигантам отечественной химии и энергетики середины прошлого века, ныне являются их дети, внуки и даже правнуки.

В грозные годы гитлеровского нашествия около 28 тысяч сталиногорцев по призыву и в составе добровольческих формирований выступили на защиту столицы страны, родного Подмосковья и Тульского края. Не вернулись с войны более трети наших славных воинов, о чем красноречиво говорят святые места их захоронений на родине и по всей стране в границах 1945 года.

Издание, которое в эту минуту в ваших руках, - новое напоминание о героях-строителях, героях-фронтовиках, о жизни многотрудной, праведной, одухотворенной. Эта

книга и о нас с вами, ибо всему прошлому (от первого колышка на поле великой стройки, до пуска гигантов, их разрушения перед лицом опасности и реставрации) мы - прямые наследники.

Авторы произведений альманаха уже тем интересны, что несут своим повествованием оптимизм созидателей, сыновью веру в Отечество, в силу солдата, одолевшего величайшую силу зла прошлого века. В летопись города, вступившего в девятое десятилетие, в Книгу воинской славы новомосковцев (сталиногорцев) в году 65-летия Великой Победы внесены еще несколько ярких штрихов.

Е.А. КОЗИНА,
глава муниципального образования город

Новомосковск
В.А. ЖЕРЗДЕВ,

глава администрации муниципального образования
город Новомосковск

Ушли, чтоб возвратиться

Чем больший временной отрезок отделяет нас от тех или иных событий, тем выше интерес к истории Сталиногорска (Новомосковска), к документальным и, тем более, к свидетельским подтверждениям этих событий. Еще живы немногие из первостроителей города, еще кровоточат сердца строивших грандиозные предприятия, тех, кому пришлось взрывать в начале войны своими же руками возводимое, чтобы не достались стратегические объекты врагу...

Поэтому инициатива творческого коллектива газеты «Новомосковская правда», ее журналистов в издании этой книги к 65-летию Великой Победы и к 80-летнему юбилею Новомосковска с воодушевлением была поддержана администрацией города. Практически все материалы книги не являются трудами профессиональных литераторов и, даже обработанные серьезными журналистами, они, наверное, не все будут считаться художественными произведениями. Тем не менее эти материалы несут в себе нечто большее: мудрость народную, чистоту и откровенность суждений и, самое главное, душевность, присущую всем без исключения авторам публикаций.

Некоторых из авторов уже нет в живых. Но со страниц книги, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, разговаривают с современниками и потомками люди,

ушедшие, чтобы... возвратиться. Возвратиться самой своей причастностью к изложенным событиям. Возвратиться, чтобы взглянуть нам всем в глаза и спросить: «А что ты сделал для города, который я строил, защищал, возрождал, украшал и возвеличивал?!».

Огромный пласт истории Новомосковска отражен в этом редком издании. Но жизнь продолжается! Все новые и новые славные страницы открываются в каждодневных буднях и светлых праздниках нашего замечательного города труженика.

Очень хотелось бы, чтоб книга эта имела продолжение, чтобы уже мы с позиций участников и свидетелей трудовых и культурных свершений современности могли со страниц очередного альманаха посмотреть в глаза нашим потомкам. И уже по праву людей нового поколения спросить: «А что ты сделал для моего города?!».

Валентин КИРПОВ,
член Союза писателей России,
автор Гимна Новомосковска.

Иван СЕЛИВАНОВ

Дни и ночи строителя

Его имя с 30-х годов прошлого столетия долгое время находилось под запретом. Петр Георгиевич Арутюнянц своей судьбой повторил судьбы миллионов репрессированных советских людей. Уроженец северного Азербайджана, выпускник Бакинского коммерческого училища и Московского коммерческого института (ныне Плехановский), Арутюнянц после победы Октября был избран в Совет депутатов трудящихся Замоскворечья, работал заместителем председателя, начальником разных отделов Совета. С 1928

года заведовал Совнархозом столицы. В 1930-м Петр Георгиевич возглавил Бобриковское строительство.

В НАЧАЛЕ строительства жилого массива показатели его темпов не вызвали оптимизма. Посетивший 9 октября 1931 года стройку академик А.Е. Ферсман отметил большое место новостройки: слабую разработку вопросов городского и коммунального строительства. Забила тревогу и печать. Газета «Подмосковный гигант» писала: «План строительства соцгорода не выполнен даже наполовину. Всего построено 14 четырехэтажных домов». Надо помнить, что за год население в Бобриках увеличилось до 28960 человек. В основном это была молодежь. В городе на ту пору уже было выстроено 259 бараков, 45 семейных общежитий, 26 деревянных домов, гостиница, 14 каменных домов. Открыты были две школы, 24 столовые, 15 магазинов и палаток, 4 бани, прачечная, кинотеатр.

На партийном пленуме весной 1932 года начальник строительства Петр Арутюнянц в докладе фактически подтвердил,

что сообщалось в печати, и без оптимизма добавил, что «эти первые дома, конечно, только основа будущего рабочего города». Главной причиной низких темпов была нехватка рабочих рук и специалистов – каменщиков, штукатуров, маляров, плотников. Петр Георгиевич мог исправить положение только через учебу строительным специальностям. Потому очень скоро были открыты соответствующие курсы, школы ФЗУ. В стройбригадах поднялась производительность труда, поднялась и зарплата. Отставание в строительстве жилищного сектора обнажило слабость руководителей среднего звена. Для его укрепления Петр Георгиевич перебрасывает ряд отличившихся ударников производства на строительные объекты. При этом он наказывал своим подчиненным: «Меньше думайте о себе. Думать о себе трудно, но стыдно. Нам поручено построить социалистический город будущего. Вот о будущем и нужно думать: о детях, внуках и уже об их детях и внуках. Такая наша планка – работать на будущее».

Люди рассказывали, что слова Петра Георгиевича доходили до сердца. Они действовали лучше всех призывов и лозунгов. Преодолеть провыв в жилищном строительстве Арутюнянцу помогла прежде всего молодежь. Комсомольцы-первостроители Степан

Минаевич Пережогин и Борис Кузьмич Прошкин не забыли тех горячих дней и не раз рассказывали, как Петр Георгиевич обращался за поддержкой особенно в дни всеобщих «авралов». Чаще всего это были разгрузка поступивших стройматериалов (песок, кирпич, лес и т.д.) и доставка их к месту строительства.

Начальник не приказывал: «Ребята, я очень прошу вас, подналяжем, еще немного - и мы обязательно сдвинем воз! С такими молодцами я обещаю неудачи прошлого вытолкнуть успехами настоящего!».

Вообще рассказывают, что Петр Георгиевич обычно только давал ориентировку, указывал путь. А как хорошо идти по дороге, на которой расставлены дорожные знаки! Начальник строительства мыслил на многие годы вперед. Взять, к примеру, борьбу за здоровый быт и образ жизни – она имела громадное значение воспитания нравственных черт человека. Или взять пропаганду спорта. Для начала Петр Георгиевич на опушке «графского леса» оборудовал площадку для развлечений, теперь она стала стадионом, а на севере площадка в 1,5 гектара, огороженная дорожками, стала местом прогулок молодых пар. Острословы называли этот сквер «Козий

загон». Теперь этот сквер примыкает к ДК ГРЭС. Создание таких очагов отдыха поднимало дух людей. Встречи с деятелями культуры, с писателями, артистами, с героями труда и подвигов, прославивших Родину, при содействии Петра Арутюнянца оказывали огромное влияние на упрочение дружбы и подъем трудовой активности строителей.

В газете «Сталиногорский пролетарий» за 7 ноября 1934 года есть информация просто на удивление. Трудно представить границы рывка, совершенного к 1934 году: химкомбинат сдал работникам 33090 квадратных метров жилья в капитальных домах. Почти 67% городского фонда тех лет! На случай амбициозных планов сограждан Петр Георгиевич предусмотрел строительство элитных домов и коттеджей для инженеров химкомбината, для передовиков производства, стахановцев. Если достижения 76-летней давности сравнивать даже с нынешним временем, то и теперь самый привередливый руками разведет: да, молодцами были наши предшественники!

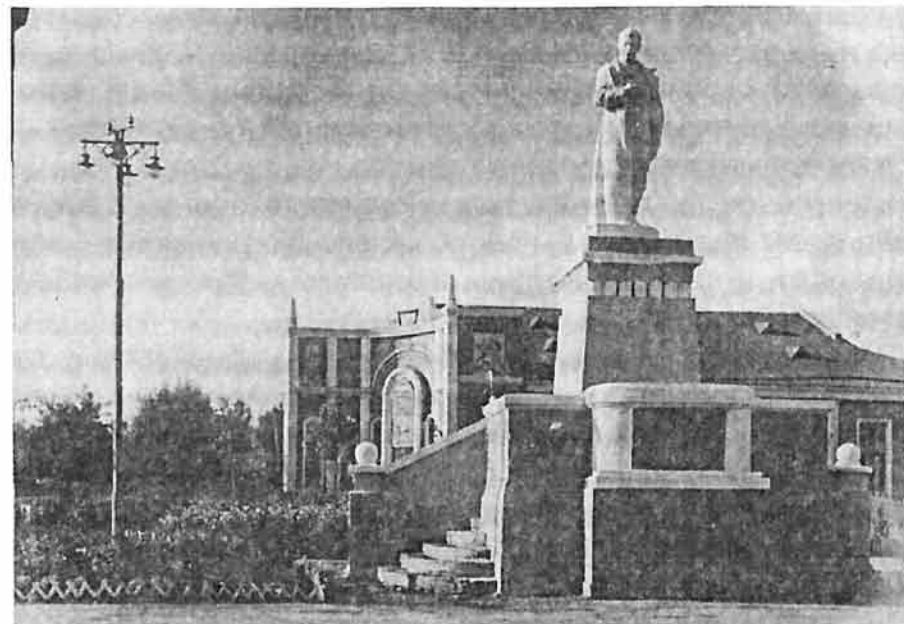
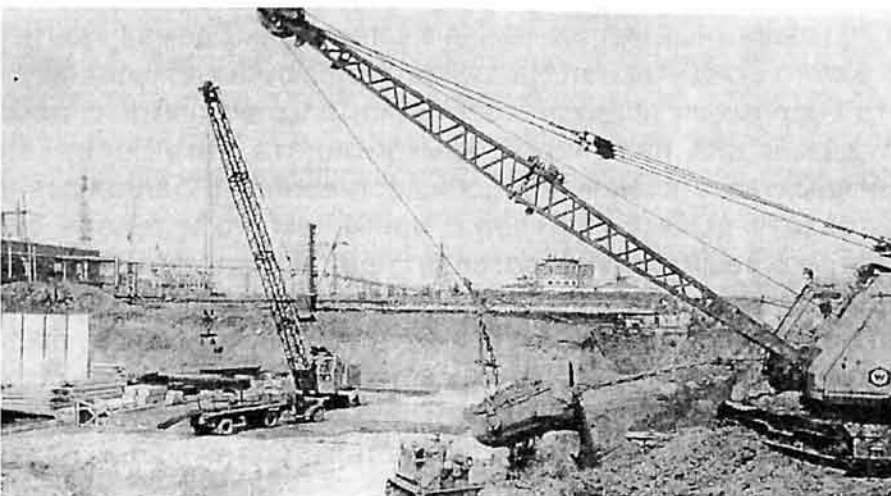
Так за 7 лет руководства стройкой Арутюнянец на Южной площадке создал основу города на 50 тысяч жителей. Этот первый микрорайон (историческая часть города) более зримые очертания границ получил перед началом войны. От него прирастал город на восток, на север,

на северо-запад и далее по планам строительства на многие годы вперед. Лесной массив (бывший графский лес) хорошо вписался в городскую черту, по сей день служит прекрасным местом отдыха. Было правилом сдавать жилье с обязательным набором социально значимых объектов, как говорится, в «шаговой доступности».

П.Г. Арутюнянц осознавал высокую ответственность перед теми, для кого строил, и перед химкомбинатом. Жилье вводилось с максимально комфортными условиями. К новоселам, рассказывает пресса, однажды пришел директор Петр Георгиевич Арутюнянц. В тот день многие рабочие получили из его рук ключи. Людям не верилось, что из бараков и землянок они переселились в благоустроенное жилье. Рассказывают очевидцы, что директор новоселам вручал подарки: кому – стол, кому – телефон, кому – стулья или диван. Был радостным, счастливым, как садовник бывает счастлив выращенным цветам или яблокам. Человек высочайшего ранга, о котором тогда писали почти все союзные газеты, сидел со своими подчиненными, распивая чай и водочку по случаю новоселья. Переселялись люди не просто в новые квартиры. В иное жизненное пространство – ближе к цивилизации!

Новорожденным - комбинату и городу - из госбюджета приходили средства на бытовое строительство и благоустройство. Но будем объективными – денег не хватало. Поэтому не переоценим энтузиазм

горожан. На субботниках ремонтировали бараки, высаживали саженцы деревьев и кустарников, траву и цветы на газонах.

Архитектор Н.Н. Васильева не особенно надеялась, сдавая проект благоустройства зеленой зоны, на его скорую реализацию. И вот чудо: в несколько месяцев комсомольцы химкомбината подарили Сталиногорску (в полном значении слова подарили – им за это не платили) чудный парк в Урванском лесу: две широченные аллеи, одна из которых - аллея ударников, кафе, танцплощадка, киоски, открытая эстрада, летний-кинотеатр, аттракционы, детская площадка, освещение. Люди мечтали о хорошем будущем, не жалея сил работали, приближая его.

Город строился, стремительно шел от неизвестности к славе. Город, не имевший сначала даже настоящего имени, стрелой летел к образцовости. В порыве наземного движения родилась идея беспрецедентная, к которой еще никто в стране не обращался. Идея строить жилье и культурно-бытовые объекты – в южной части, промышленные предприятия – в северной, на 12 километров удаляясь

от домов, дворцов и скверов. Кому принадлежала эта идея, остается «за кадром». От многих первостроителей слышал, будто о здоровье жителей города позаботился П.Г. Арутюнянц и его соратники. И за это, говорят, он пострадал. Так ли это? Петр Георгиевич в 1956 году был реабилитирован, с него сняты все обвинения, ему возвращены все награды.

А прежде, в 30-х годах, начали раздаваться упреки относительно дороговизны проекта: надо было обеспечить транспортное сообщение. Именитые архитекторы пытались спорить с властями, доказывая необходимость создания здоровой воздушной среды. «Ожесточенная классовая борьба» продолжалась и в области градостроительства. Архитекторы-новаторы сумели настоять на своем. Но как только проект стал приобретать осязаемость, всю группу обвинили во вредительстве. В конце тридцатых следы авторов замечательной идеи, одобренной всем миром, потерялись на Лубянке. Всех до единого! За что? За подрыв государственного бюджета неоправданными тратами. Защитить тогда некому было, слишком много возникло противоречий (верить или не верить) и подозрений.

Об этом и многом другом мне рассказывал бывший главврач, начальник медсанчасти химкомбината, к.м.н. И.П. Барский, работавший в лагерной системе НКВД. А ему, в свою очередь, рассказывали попавшие в «больничку» заключенные из числа легко отделавшихся ИТР химкомбината, отбывавших срок за одобрение проекта московских архитекторов-«вредителей».

Такова цена у «юга» и «севера» Сталиногорска. С тех пор прошло много лет. Заводы и жилой массив соединяет красивая, протяженностью 11 километров, автомагистраль – Комсомольское

шоссе. Эту дорогу построила молодежь в 1933 году. На ее строительство были мобилизованы 100 комсомольцев. Душой всей работы молодых людей был директор Петр Георгиевич Арутюнянц. Он поддерживал ребят словом и помогал обеспечить строительство материалами.

Семь лет (1930-1937 гг.) П.Г. Арутюнянц возглавлял гигантскую стройку – одну из 18 ударных 30-х годов прошлого века. Под его руководством на голом месте рождался город.

Гуляя по любимым бульварам и улицам своего первого микрорайона, я думал: а ведь все, что я вижу, воздвигнуто под руководством Арутюнянца, имеет его характер – та же масштабность, основательность, надежность. Химкомбинат, электростанция и другие предприятия славятся своей продукцией на весь белый свет. Он выполнил обе задачи: построил город и заводы. Он в наследство оставил сына Юрия. Как сам Петр Георгиевич, Юрий добродушен к людям. Он воспитал приемную девочку. После реабилитации Петра Георгиевича в 1956 году Юрий Петрович посетил химкомбинат, город своего отца и родительский дом на берегу Любовского водохранилища. Кое-что из личных вещей отца передал в городской музей.

Михаил РАКИТИН

Работа во имя и во благо людей

У истоков строительства города Новомосковска, а также градообразующего предприятия – Новомосковского «Азота» стояло поколение людей самых разных, прибывших практически из всех регионов необъятного Советского Союза. Илья Матвеевич Барский не вбивал первых колышков в землеотвод под первые объекты, но именно его влиянию обязано все градостроительство Новомосковска в первые послевоенные годы.

ХАРЬКОВСКИЙ выпускник химико-технологического

института и тамошний житель перекочевал в наш край не в годы сооружения гиганта отечественной химии. Комбинат имени Сталина уже работал и даже пережил катастрофу – гитлеровское нашествие.

В 177 миллионов советских рублей оценивался ущерб, нанесенный фашистами за две недели оккупации только химкомбинату. За восстановление стратегически важного объекта лично отвечал заместитель наркома Березовский. Вот тогда, в 1942 году, и поручил он первому заместителю начальника по сути нового строительства Илье Матвеевичу Барскому восстанавливать предприятие.

Из доверенности Наркомата химической промышленности следует, что товарищ Барский «уполномочивается руководить

производственно-хозяйственной деятельностью строительства». Всякий производственник с большим стажем знает: такие полномочия распространялись на все виды приобретений, на прием и увольнение работников, реализацию продукции, работу с банками и даже распоряжение кассовой наличностью.

Именно с подачи Ильи Матвеевича Новомосковский «Азот» был переведен с дорогостоящего кокса на природный газ. Это была настоящая революция в технологии. Менялось сырье – менялись цены. Для послевоенного Сталиногорска это был знаковый шаг.

В ту пору восстановления народного хозяйства Барский позволил себе мысль о создании научной базы, этакой кузницы кадров для химкомбината. Илья Матвеевич уже тогда знал, что без института, без хорошей инженерной поддержки «Азоту» не суждено развиваться. Так был рожден в городе филиал Московского химико-технологического института. А с ним и нынешний корпус НИ РХТУ, который привычно называют в народе «старым», лаборатории, жилье для ученых, преподавателей и вся цепочка объектов, именуемых инфраструктурой.

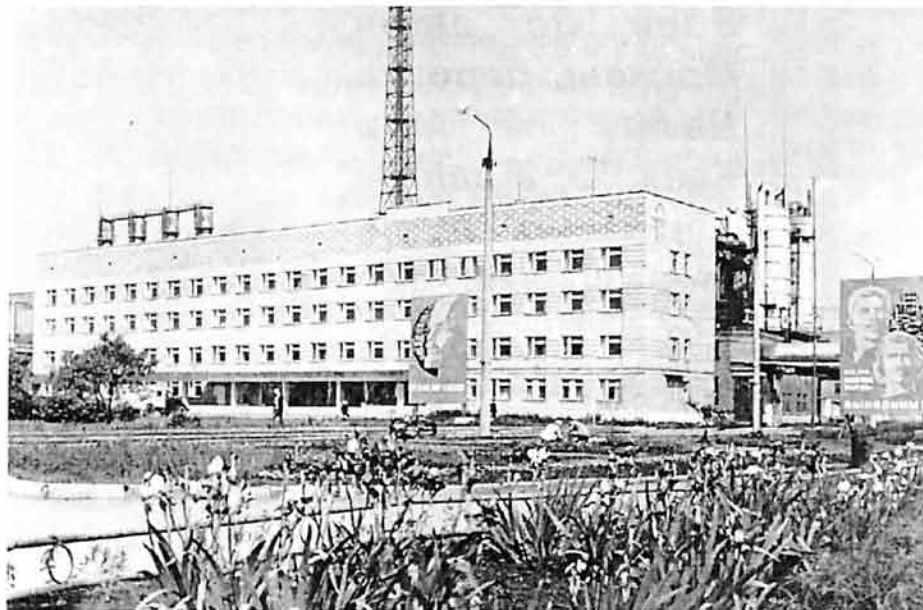
В 50-х годах минувшего столетия еще существовала барачная система проживания тружеников комбината. Барский первым предложил покончить с этим безрадостным фактом. Жилье с улучшенной планировкой строилось в центре города под контролем руководства «Азота» и личным патронажем Ильи Матвеевича.

Уже не одно десятилетие химики ездят на «Азот» и обратно электропоездами. И мало кто знает, что эта челночная «передвижка рабсилы» затеяна была Барским, им задумана, при его участии организована.

Гостиницы, здравницы, детские сады, казалось бы, строились сами собою. Но это не так. Градообразующее предприятие, его трудовой коллектив делали многомиллионные затраты во имя процветания родного города. Не всякий раз удавалось «пробить» в столице лишнюю копейку под строительство того или иного объекта. Особенно – социального. Родина экономила. Годы после войны были жесткими ко всяким «излишествам».

Таким излишеством посчитали министры и нынешний Дом спорта. Это сейчас тысячи людей разных возрастов отдыхают здесь, набираются сил. А в свое время Илья Матвеевич Барский, главный «затейник» «развлекательного» объекта, получил строгий выговор «...за нарушение порядка финансирования и строительства, установленного Постановлением ЦК КПСС и решением Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 29 марта 1961 года».

Выговор, занесенный в учетную карточку (кстати, не единственный за подобные добрые дела), до сих пор хранит личное дело Барского в музее НАК «Азот». А сам герой нашего повествования еще в те годы восстановления врагом порушенной

страны волей той же партии был назначен начальником главного управления химической и газовой промышленности Тульского Совнархоза. Уже не один «Азот», а все объекты химии и нефтехимии контролировал Илья Матвеевич...

В Москве нашему прославленному герою доводилось руководить главным управлением химической промышленности в Совнарком России. Были еще годы плодотворной работы в Госплане СССР.

До десятка одних только правительственных орденов и грамот в перечне наград Ильи Матвеевича в разные годы. В 1980 году решением исполкома горсовета народных депутатов Илье Матвеевичу было присвоено звание Почетного гражданина города Новомосковска. Важное, ответственное решение было принято не случайно. Давайте просто оглянемся на перечень дел, которыми прославлен наш почетный гражданин.

Строительство жилых массивов, Дома спорта, Дворца культуры, гостиницы «Октябрь», больницы фенольного завода, поликлиники, заводоуправления, профилактория, организация филиала МХТИ, перевод комбината на природный газ, большие агрегаты, множество

других начинаний в послужном списке Ильи Матвеевича Барского – незаурядного человека, талантливый организатор строительства химической промышленности Советского Союза.

О «пробивной» способности Ильи Матвеевича ходили легенды. Казалось, для него не существовало властных кабинетов, вход в которые был бы ему заказан. Для пользы дела добивался приема у Булганина, Хрущева, Косыгина, не боясь попасть под «горячую руку» самых-самых.

22 июня - День памяти и скорби. Начало Великой Отечественной войны (1941 г.)

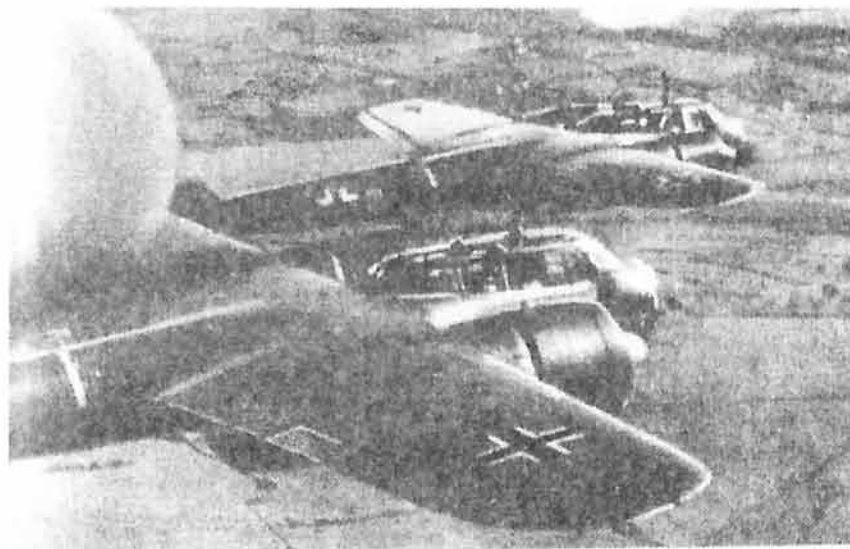

ВОЙНА... Она неожиданно ворвалась в жизнь страны, круто отделив все вчерашнее от суровой действительности дня - первого из долгих и тяжелых 1418 военных дней и ночей.

Время успело запахать траншеи на полях бывших сражений. Однако оно бессильно ослабить память о нестигаемой стойкости и героизме миллионов людей страны. За четыре года смертельной схватки с фашистским агрессором они прошли суровый путь борьбы через неудачи и отступления, от первых приграничных боев до стен Москвы, берегов Волги и гор Кавказа, а затем нелегкий путь **м о щ н о г о** победоносного наступления.

Воины Красной Армии мужественно вынесли все фронтовые невзгоды, потери и лишения.

1418 шагов через войну. Нетленна только память людская...

Александр ГЛАДКОВ
Юрий НАЛИВАЙКО

Как укрощали «Тайфун»

Группы армий «Центр» и «Север» гитлеровское командование объединило для широкомасштабного наступления на нашу столицу еще в сентябре 1941-го.

«Тайфун» - таким было кодовое название операции. К тому времени командующего войсками Западного фронта Тимошенко Верховный Главнокомандующий направил на юг, где вся Украина попала в очень серьезное положение. На Западном фронте командующим был назначен генерал Конев.

15 наших общевойсковых армий с численностью в один миллион солдат испытывали нехватку артиллерии, минометов, танков. О самолетах и говорить не приходилось. Наспех сформированные части в начальный период несли тяжелые потери.

О событиях осени и зимы 1941 года сегодня повествуют краеведы Александр Васильевич ГЛАДКОВ, ветеран Новомосковской ГРЭС, участник восстановления станции, и Юрий Афанасьевич НАЛИВАЙКО, инженер, шахтер и член комиссии горсовета ветеранов по увековечению памяти героев Великой Отечественной войны.

В ОКТЯБРЕ Молотов, Ворошилов, Василевский, Булганин уже готовили свое заключение по факту бездарного командования Конева, когда явился в штаб фронта Жуков по поручению Верховного. По телефону новый командующий просил Сталина оставить предшественника своим замом и доверить генералу Калининское направление. Он же предложил объединить Резервный фронт с Западным. Верховный согласился.

Опускаем большую цепь событий ради более подробного рассказа об обороне нашего края. 29 октября 1941 года со стороны Щекина

на Косую Гору вышла первая колонна вражеских танков. Уже через день вторая подошла к Туле со стороны Орла. Наши 31-я кавалерийская, 154-я стрелковая дивизии держали оборону на Косой Горе. Областной центр защищали четыре дивизии фронта и еще 258-я Московская стрелковая. 108-ю танковую военный совет 50-й армии оставил в качестве стратегического резерва. Кстати, чуть раньше, 23 октября, в командование 50-й армией вступил генерал-майор Ермаков, с именем которого тесно связаны многие оборонительные операции в Подмоскowie и под Тулой.

История засвидетельствовала звонок Сталина секретарю Тульского обкома Жаворонкову. На вопрос Верховного о принимаемых мерах защиты он ответил, что с 22.10.41 г. в городе действует комитет обороны и Тула врагам сдана не будет.

Все так и произошло. В недельный срок город сформировал два рабочих полка и ряд подразделений охраны. Тула поделилась на пять боевых участков. Рабочие защищали Рогожинский поселок.

В составе одного из этих полков в дни обороны названного поселка опять (через документы и свидетельства живых участников сражения) узнаем сталингорцев. Второй батальон практически полностью состоял из наших земляков. Сражались

молодые, не обстрелянные в боях ребята на подступах к Туле. Известен эпизод, когда мотострелки «Полка великой Германии» (это его подлинное наименование) вынуждены были спешиться со своих машин и вступить в рукопашную. Происходило это у Всесвятского кладбища, что вблизи Рогожинского поселка. История не знает, сколько наших людей полегло в схватке. Доподлинно известно только то, что фашисты с той поры потеряли интерес к встречам с русскими один на один: в кулачном и штыковом бою.

Бок о бок вместе с ополченцами сражался в дни обороны батальон местной милиции. Зенитчики прямой наводкой стреляли по танкам врага. Гитлеровский полководец Гудериан со своей броневой мощью не смог прорваться в Тулу, хотя вся его рать имела численное превосходство в 5-6 раз. Только на одном участке обороны – у Косой Горы – за три дня враг потерял 30 танков и несколько сотен пехотинцев.

О войске Народного комиссариата обороны надо сказать отдельно. Вся пятая рота была сформирована из сталиногорцев. Именно наши парни, вчерашние химики, строители, шахтеры, противостояли фашистам на их главном направлении. Удары врага сдерживали стойко: защищали они родную землю, понимая, что завтра фашисты могут ворваться в город, где остались дети, жены, матери. Вся рота практически полностью погибла. Потому так мало сведений о наших доблестных земляках воинского призыва 1941 года.

5 ноября все атаки с юга и орловской дороги захлебнулись. На северо-

западе Тулы насмерть стояли бойцы 194-й и 258-й стрелковых дивизий.

На помощь Туле в начале ноября подоспели и 12 тысяч сибиряков-красноармейцев. Разгружались эшелоны на станции Северная нашего Сталиногорска. Рассредоточивались полки в полосе обороны на рубеже Нижние Присады – Сергиевское – Трушкино – Дубовка. Один полк свежего пополнения воевал в самом пекле, коим являлась в суровом ноябре 1941-го деревня Быковка.

Отчаявшийся Гудериан оставил непокоренную Тулу в осаде и перешел в наступление на Москву через Болохово, Сталиногорск, Венев и Каширу. Всем хорош был бы замысел, кабы не просчет высшего гитлеровского руководства. Фашисты планировали завершить «блицкриг» уже в сентябре, а потому экипировали войска по летне-осеннему сезону. Враги наши полагали, что зимовать будут в московских квартирах. Так привычная русскому солдату зима объективно стала надежным союзником Красной Армии.

В свете ноябрьских событий 1941 года особенно яркой представляется нам фронтовая судьба 413-й стрелковой дивизии, которая обороняла Тулу, дерзко выдвигалась в глубь фашистских позиций, а затем откатывалась, дабы не подвергаться

разгрому по частям.

В районах Узловой, Сталиногорска, п. Маклец было сосредоточено особенно много вражеских войск. Наши стрелки отходили по Сталиногорскому шоссе практически без боев, опасаясь потерь. Секретарь Тульского обкома Жаворонков обвинил командующего 50-й армии Ермакова в необдуманности принятых решений, и, по некоторым сведениям, именно Жаворонков телеграфировал Жукову и Сталину свою позицию. При этом просил Верховное командование укрепить 50-ю армию более смелыми и надежными кадрами. 21 ноября член ГКО Маленков звонил от имени Верховного о рассмотрении телеграммы. На другой день находившийся уже в Веневе Ермаков сдал дела новому командующему Болдину, а сам выехал в Москву, где был предан суду военного трибунала. Позднее Ермаков был помилован: успешно дрался до конца войны и даже дослужился до генерал-лейтенанта.

Мало что известно о встрече нового командующего с членами комитета обороны Тулы. Но практически сразу Болдин объявился в Сталиногорске, где уже взрывались объекты химии, энергетики и шахты округи. Даже на Любовском мосту был ликвидирован один пролет, дабы им не воспользовались танки Гудериана. Осмотрев все это, Болдин с горечью доложил командованию фронта о фактической сдаче города, а сам проследовал в Венев, где немедленно своей

властью создал боевой участок. 115-й полк НКВД с охраны подступов к Сталиногорску был снят и оборонял уже Венев. Бойцы строили укрепления и одновременно поджидали со стороны Каширы кавалеристов корпуса генерала Белова.

24 ноября завязалось сражение на подступах к Веневу. Трое суток сдерживали наши красноармейцы с передовым полком НКВД атаки сотни танков и тысяч солдат мотопехоты. 6 вражеских самолетов, 36 бронемашин, свыше 1000 пехотинцев уничтожили бойцы круговой обороны Венева до подхода кавалерии.

Меж тем осложнялось положение Тулы, оказавшейся во вражеском кольце. Организованная Болдиным и ополченцами города защита отражала наступления фашистов одновременно со стороны Орла, Воронежа, Калуги, Венева и Одоева. Геройски держались наши солдаты и в боях под Каширой, где 30 ноября Гудериан от своего генштаба запросил передышку для войск. Понял к началу декабря и сам Гитлер, что не радоваться уже солдатам вермахта теплу московских квартир. Фашистские армады исчерпали свой резерв на Восточном фронте. А главное – гитлеровцы потеряли былую спесь и веру в свою безусловную победу на московском направлении. 5 декабря 1941 года великое противостояние на подступах к столице завершилось контрнаступлением Красной Армии.

Екатерина КОМОВА

Мы помним

СТАЛИНОГОРСК не вошел в число внезапно захваченных городов. Труженики наших предприятий сумели подготовиться и к отражению вражеского наступления, и к возможному отступлению наших солдат на новые рубежи. О том, как проходила жизнь в самые тревожные для города дни 1941 года, попытаюсь рассказать.

В ту пору проживала на ул. Механическая. К моменту вторжения в город немецких оккупантов химкомбинат, ГРЭС, мясокомбинат, хлебокомбинат были взорваны. Это происходило буквально на наших глазах.

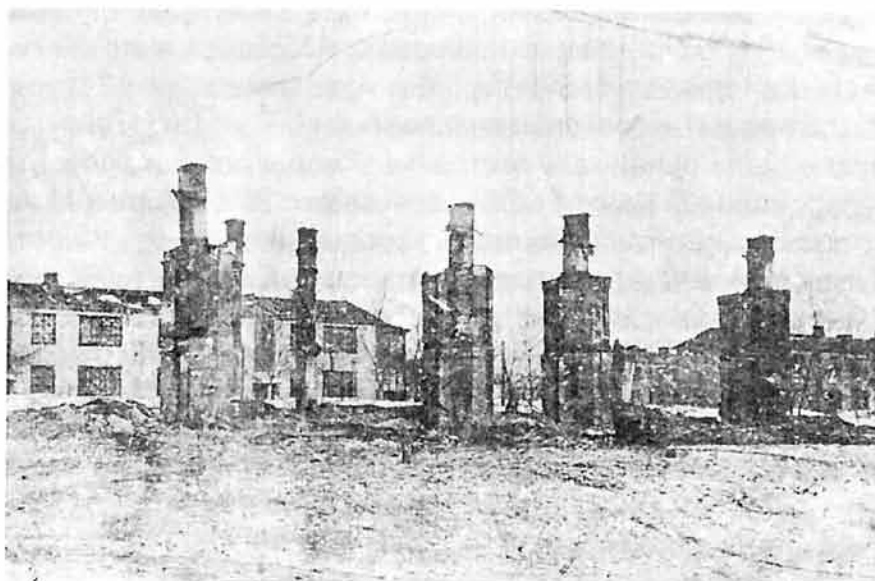
Немецкие танки (целая колонна) появились у нас в 20-х числах ноября 1941 года. Был солнечный морозный день. Мы вышли из барачков посмотреть на немцев. Танки уверенно двигались по плотине от фенольного завода. На них, к нашему удивлению, сидели... красноармейцы, все они ежились от холода и, конечно, были голодными. Женщины, стоявшие вдоль дороги, стали передавать им хлеб и воду. Но немцы автоматами оттесняли народ от пленных. Неожиданно мужчина (фамилию его не помню), проживавший в нашем поселке, вышел с хлебом-солью встречать немцев и на ломаном немецком языке приветствовал их как освободителей. Никто из жителей к нему не присоединился. У всех у нас была печаль, слезы горечи за наших пленных солдат, за себя.

Эта «встреча» длилась около часа. Потом фашисты поехали в центр - на ул. Советскую. Каждый понимал, что это начало оккупации, а какой она будет, не знал никто. Свой штаб захватчики разместили в гаражах ГРЭС. По городу чаще разъезжали на санях.

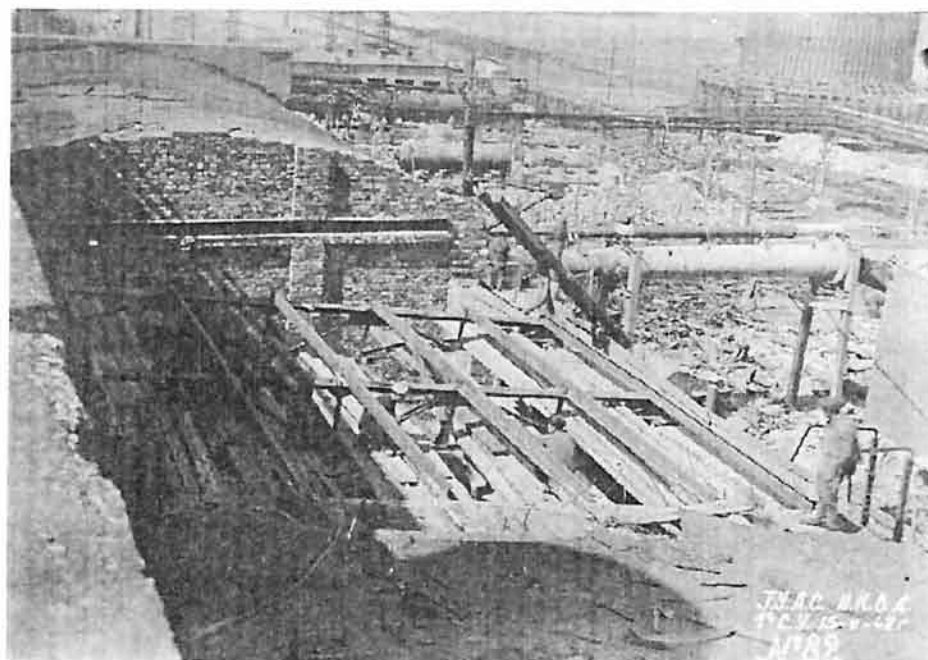
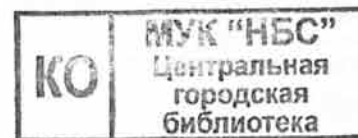
Первое время мы не бедствовали: до ухода наших получили продукты по карточкам, выручало и зерно с маклецкого элеватора. Вместе с мамой мы несколько раз ездили за ним еще до вторжения

фашистов, а после бомбежек на саночках привозили уже горелое зерно. Каждый вез сколько мог. Немцы заставляли наших мужчин отделять горелое зерно от хорошего, которое забирали себе.

Вскоре прошел слух о зверствах захватчиков. Лично я вспоминаю Василия Петрина. В городе его хорошо знали. Он был схвачен как партизан и всенародно повешен для устрашения. Повесили и Васю Анискина - ухитрился что-то украсть у немцев.

Надо отметить, что в то время среди жителей Сталиногорска были раскулаченные, многие из которых в душе осуждали советскую власть. Но когда бывшие кулаки увидели, как немецкие оккупанты расправляются с мирным населением, даже у них возникло активное неприятие нового режима. Во всяком случае, в грозную годину в нашем поселке сталиногорских первостроителей поганцев-предателей не оказалось.

Александр ПЫРЬЕВ

Битва за Москву

в документах, цифрах, воспоминаниях

Исторический факт: фашисты собирались 7 ноября 1941-го маршировать по Красной площади. По приказу Гитлера уже были заготовлены пропуска-приглашения на парад войск вермахта в Москве. Один из таких пропусков я лично видел в витрине музея Вооруженных Сил СССР в столице, когда готовил первый журналистский материал на тему Великой Отечественной войны.

За родную столицу

ПАРАД действительно состоялся. Но шли по брусчатке воины Московского гарнизона!

В публикации, которую предлагаю, менее всего содержится строк

от автора. В битве за Москву участвовали десятки тысяч солдат Красной Армии, ополченцев, партизан. Воины и гражданское население соединились в единый кулак, которым и были нанесены решительные удары по агрессору на подступах к столице.

Красноречие не уместно при наличии официальной хроники противостояния нашей державы союзу фашистских государств.

Из «Летописи Великой Отечественной войны» (Москва. «Молодая гвардия». 1985 г.):

«Наши войска нанесли крупное поражение отборным соединениям противника. Основные события развернулись северо-западнее Москвы и в районе Тулы. Гитлеровцы оказали здесь ожесточенное сопротивление. Ведь именно на этих участках фронта они в свое время сосредоточивали ударные группы.

Несмотря на потери, враг не отказался от попыток бомбардировками с воздуха нанести урон промышленности столицы. В течение лета и осени 1941 года налеты на Москву совершались почти ежедневно. Особенно усилились они, когда линия фронта приблизилась к стенам города.

Враг продолжал рваться к Москве, пытаясь охватить ее с севера и юга железными танковыми клещами. К 17 октября он захватил Калинин, 18 октября наши войска оставили Можайск, в этот же период шли кровопролитные бои на окраине Малоярославца, в Тарусе. Над Москвой нависла серьезная опасность.

Нужно было принимать экстренные меры для обороны города. Государственный Комитет Обороны ввел с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение».

Из летописи Сталиногорского химкомбината:

«К началу Великой Отечественной войны на предприятии в год уже вырабатывалось 86 тысяч тонн аммиака, свыше 40 тысяч тонн аммиачной селитры, более 3 тысяч тонн натриевой селитры, почти 40 тысяч тонн серной кислоты, 8,5 тысячи тонн каустической соды, 15 тысяч тонн хлорной извести, около 240 тысяч тонн минеральных удобрений. Всего предприятие производило к началу 1940-х годов 18 видов химической продукции.

Война глазами защитников

К ОКТЯБРЮ 2006 года, когда автор начал готовить этот сводный материал документов, хроник, воспоминаний об исторической обороне Подмосковья, из новомосковских (сталиногорских) защитников столицы оставались живыми только 14 человек.

Некоторые не совсем здоровы, иные в отъезде. Привожу имена тех, кому в газете выступить не пришлось: Гай Михаил Моисеевич, Докторов Сергей Георгиевич, Жильцов Александр Васильевич, Макрушин Иван Васильевич, Опалихина Анна Максимовна, Орлов Дмитрий Константинович, Спиридонов Степан Григорьевич, Тетерин Василий Васильевич, Шереметов Василий Максимович. Все эти ветераны Великой Отечественной войны награждены медалями «За оборону Москвы».

Такой же чести удостоены и те, чьи воспоминания коротко привожу ниже.

Лидия Николаевна Скороходова: - Медицине перед войной я обучалась в Брянской области. Комсомольцев в дни нашествия мобилизовали на рытье заграждений. А когда в фашистские лапы попала наша область, вчерашние студентки-медики стали фронтовыми медсестрами. В Курске, Карачеве, Подольске и Серпухове познавала службу писаря, связиста. Три десятка лет назад по семейным обстоятельствам оказалась в Новомосковске. Приятно было узнать, что и Сталиногорск когда-то входил в состав Подмосковья – край, который защищала я с осени 1941 года.

Николай Иванович Кряжков: - Подготовка к возможному вторжению врага в Сталиногорск началась еще в июле 1941-го. Горком ВКП(б) и органы НКВД создавали партизанские отряды и истребительные батальоны. Многие сталиногорцы были отправлены в Тулу для подготовки к диверсионной работе в тылу гитлеровцев. Среди них был и я, энергетик ГРЭС, действовавший в отряде под фамилией Жукова, якобы обиженного советской властью. К мирному труду довелось вернуться не всем участникам сопротивления. А бойцы самого известного в крае коммунистического батальона

Война нарушила планы первопроходцев по дальнейшему развитию комбината. Многие рабочие и мастера, инженеры и служащие ушли на фронт. Ценное оборудование было демонтировано и отправлено в восточные регионы страны, на Чирчикский и Березниковский химические заводы.

И тем не менее в первые месяцы войны Сталиногорский химкомбинат оставался для страны крупнейшим поставщиком сырья для оборонной промышленности. Даже тогда, когда враг стоял у его стен, здесь продолжали круглосуточно работать люди, отправляя на передовую последнее, что могли произвести: бутылки со знаменитой зажигательной смесью, прозванной немцами «коктейлем Молотова». Эти «боеприпасы», разработанные группой молодых сталиногорских рабочих во главе с Александром Севцовым и Михаилом Кабановым, остаются одним из главных символов народного сопротивления в период Второй мировой войны».

сталиногорцев почти полностью погибли в боях под Смоленском.

Иван Васильевич Евсеев: - На второй день войны был поднят по тревоге. В подмосковных Мытищах базировался наш артиллерийский полк. В звании рядового зенитчика палил я по вражеским самолетам. А близко, в лицо врагов увидел, когда в моем распоряжении был станковый спаренный пулемет. Их выдали нам и сибирякам из двух соседствующих дивизий. Сам я воловский. Узнал о расстреле своего отца Василия Антиповича гитлеровскими оккупантами, уже когда отбросили фашистов от Москвы. Испытывал понятную злобу на всю эту нечисть. До Победы воевал в артиллерии. Вернулся рядовым, но с медалями за участие в разных фронтовых операциях. Дороже всех для меня – «За оборону Москвы». Ведь тогда по сути я защищал родную шахту № 36, что у Сокольников. На шахту и вернулся, ее восстанавливал после войны, на ней еще много лет трудился в горняцком коллективе.

Зинаида Семеновна Королева: - Когда грянула война,

теперешний «Азот» по плану эвакуировал людей, выводил из строя все, чем мог воспользоваться враг. В том числе и цех № 3, где я начинала трудиться. Призвана была в Красную Армию из центральной лаборатории. Служила в воинских подразделениях наблюдения, оповещения и связи. Далекое на Запад с наступающей армией уехать не довелось: были ранения и контузии. В меру сил трудилась. «Химия» мне была запрещена, но профсоюзная работа оказалась по силам. Шахты №№ 15, 2-я, 2-я «бис», «Каменецкая» - вот неполный перечень предприятий, где довелось по многу лет работать.

Алексей Филиппович Ряполов: - С 1933 года в числе первостроителей ГРЭС и химкомбината работал я в Сталиногорске. В 1935-м был призван в армию. Защищал наш Дальний Восток от самураев. Великая Отечественная застала меня в подмосковном Волоколамске. Всю трудовую жизнь я провел за баранкой. Понятно, что и в суровом 1941-м стал военным водителем. На аэродроме под Щелково заправлял наши истребители. В звании ефрейтора следовал со своим автобатальоном через Торжок, Коломну, через Прибалтику ажно Кенигсберга, где и встретил светлый День Победы. После войны еще не раз отлучался из любимого Сталиногорска, но всегда был верен этому городу своей юности.

Обратили врага в постыдное бегство

Из «Летописи Великой Отечественной войны»:

«Второе «генеральное» наступление немцев на Москву к 4 декабря было остановлено. Враг понес в период с 16 ноября по 5 декабря огромный урон. На полях Подмосковья гитлеровцы потеряли 55 тыс. человек убитыми, свыше 100 тыс. ранеными и обмороженными. Попытка захватить Москву стоила противнику потери 777 танков, 297 орудий и минометов, 244 пулеметов, 1500 боевых самолетов.

Успеху оборонительного сражения под Москвой во многом способствовало то, что в наиболее тяжелый период боев советские войска нанесли врагу чувствительные удары юго-восточнее Ленинграда и в районе Ростова. Немалую роль сыграла и стойкая оборона Севастополя в ноябре 1941 года. Потеряв немало сил и

средств противник в этих боях, не смог перебрасывать подкрепления на центральный участок фронта.

Партизаны Подмоскovie, истребительно-диверсионные группы, созданные из жителей столицы и области, нанесли врагу большой урон. Они истребили свыше 17 тыс. вражеских солдат и офицеров, уничтожили 6 самолетов, 22 танка и бронемшины, более 100 орудий, пустили под откос 5 железнодорожных составов, взорвали 34 склада и базы с боеприпасами и горючим, 35 мостов, более 1000 раз нарушали линии связи противника».

По сути еще в конце октября наступление врага захлебнулось и было остановлено. Красная площадь готовилась к параду, и уже ясно было: не гулять фашисту в столице нашей страны.

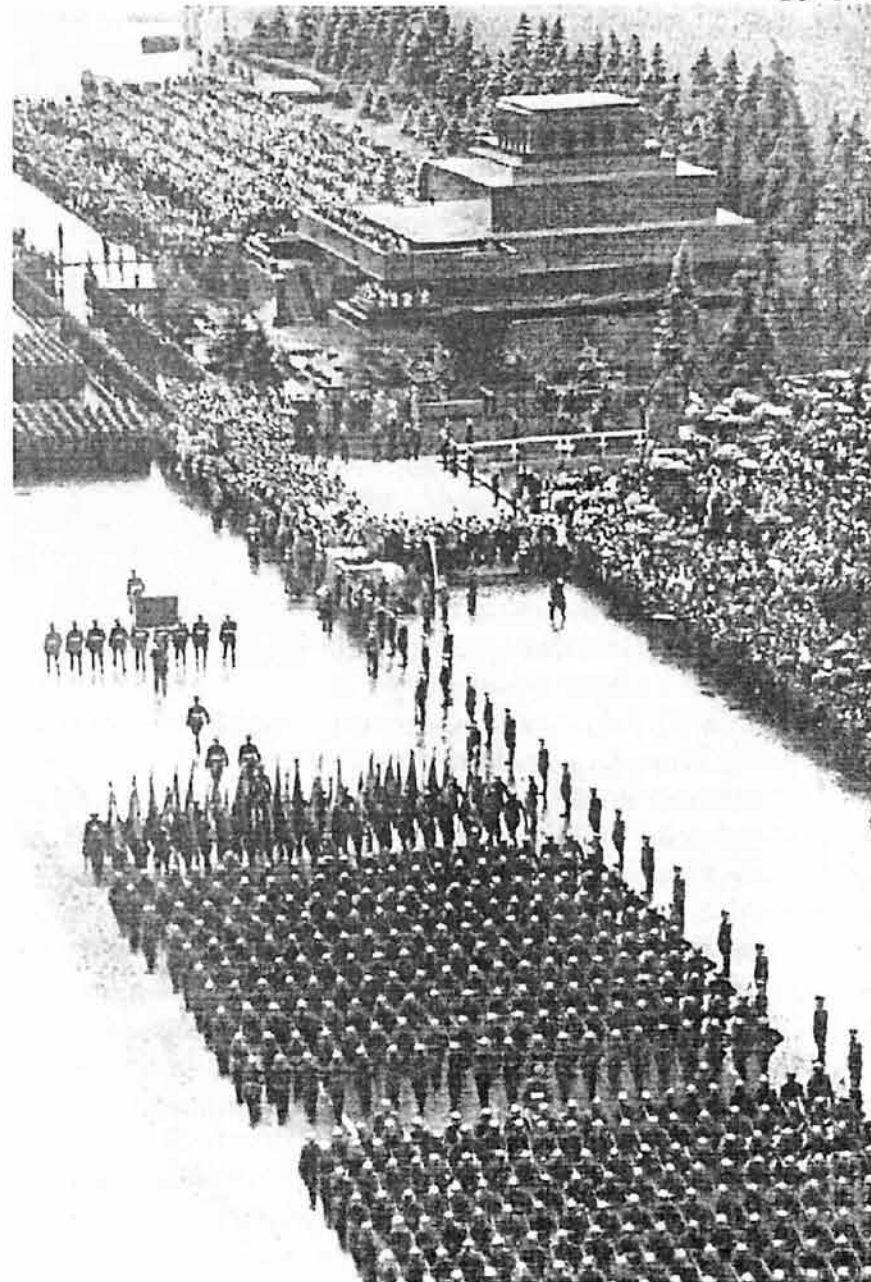
Но и много позже гитлеровцы продолжали на что-то надеяться.

Приведу лишь одну иллюстрацию.

Из вражеской документации («Шаги Великой Победы». Воениздат. 1978 г.).

Характерно, что начальник генерального штаба немецких сухопутных сил генерал Гальдер еще 2 декабря записал в дневнике: «Сопrotивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил». А через три дня он вынужден был сделать уже такую запись: «Фон Бок (командующий группой армий «Центр» - ред.) сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа не сможет завтра наступать». Еще через день в дневнике появились горестные для фашистов строки: «События этого дня опять ужасающи и постыдны».

Далее, знает каждый школьник, началось контр наступление по всему фронту.

Николай КРЯЖКОВ

Уйти, чтобы остаться

Николай Иванович КРЯЖКОВ - кавалер ордена Октябрьской Революции, обладатель девяти правительственных наград. Вся трудовая биография нашего земляка связана с Новомосковской ГРЭС. На этой фабрике электричества Кряжков в свое время был занят строительством. 21 ноября 1941 года в 20 часов 55 минут Николай Иванович оказался еще и свидетелем того, как на секунду главные сооружения станции были разом подброшены вверх и еще с минуту расходился, оседал наземь прах энергетического гиганта.

1945 год

О ТОМ, как в лихую годину фашистского нашествия Красная Армия, отступая, сжигала за собой мосты, взрывала заводы, объекты стратегического назначения, написано немало. Но военная кинохроника, и без того скупая на кадры «самоуничтожения», не сохранила изображения нашей ГРЭС на утро 22 ноября 1941 года. Творение тысяч сталингорцев в поверженном состоянии до сих пор остается самой печальной картиной в моей памяти.

В морозные дни ноября первого года страшной войны я, конечно, и предполагать не мог, что через четверть века возглавлю коллектив возрожденной электростанции.

А ПОКА возвращаемся в лето 41-го. Партийные комитеты, органы разведки повсеместно (а значит, и в Туле) создавали истребительные батальоны. Лучших из рабочих и инженеров наши энергетики откомандировали в партизанские формирования. В их числе совсем

не случайно оказался я, юный, но активный молодой электрик, способный по условиям разведки «работать под вчерашнего заключенного».

Известный отдел НКВД изготовил несколько десятков «липовых» документов для агентуры подполья. С 8 сентября 1941 года (согласно данным временного паспорта) некто Жуков освобождался из тюрьмы после отсидки за корыстное преступление. Для удобства - чтобы не путаться - разведка оставила мне, агенту Кряжкову, привычные имя и отчество: Николай Иванович.

2005 год

Немецкий патруль таким документам верил, но все данные

проверялись по другим каналам. Наша разведка и эти действия предусматривала: тылы прикрывала другими «липами».

Легенда заучивалась параллельно с занятиями. В Туле сталингорцев готовили к диверсионной работе весьма основательно. Военные профессионалы уже тогда понимали, что фашистское нашествие не пройдет задуманным захватчиками галопом - застрянет враг.

Вот так и случилось, что по осени того же года в бараке шахтерского поселка у деревни Ольховец оказался я среди «настоящего тюремного отребья» как разбитной расхититель колхозного имущества, бывший зек с фамилией Жуков.

На счету диверсионных групп было немало дел, способствовавших приближению Великой Победы. Всеми средствами досаждали фашистам неуловимые «пятерки» партизан-разведчиков. То вдруг без следа исчезнет немецкий дозор, то поезд на перегоне неожиданно сойдет с рельсов, то по причине нарушения связи офицеры не смогут поднять по тревоге свое подразделение. А то у фрицев «ни с того ни с сего» случалось расстройство желудка, одновременно у всех.

Помню, как однажды выводили наших окруженцев, бойцов 50-й гвардейской армии. На 20 человек нашли одежонку, в которую

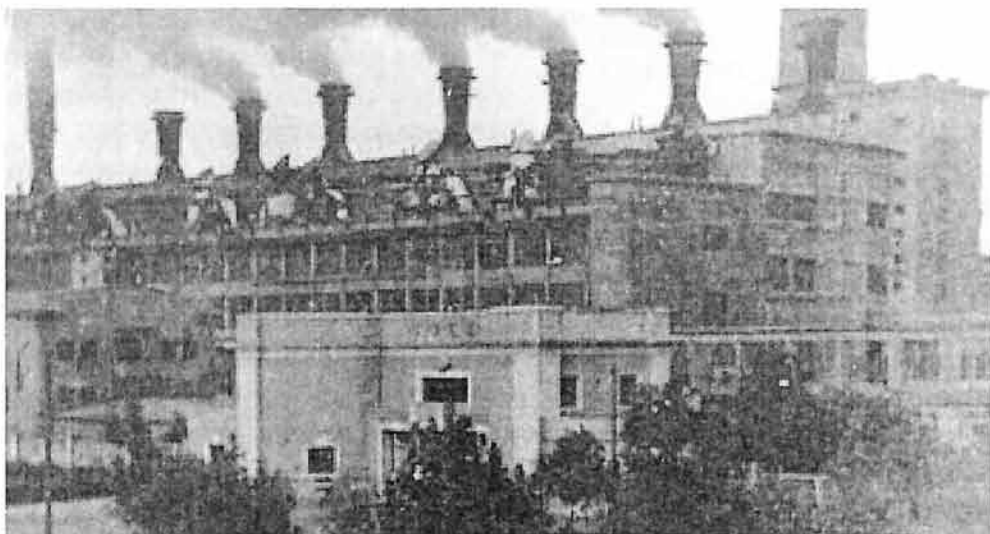

обрядили солдат, а их военное обмундирование спрятали в сугробах. Много лет спустя совет ветеранов 50-й гвардейской отметил всю партизанскую «пятерку» специальными памятным знаками прославленной армии, освобождавшей столицу и Подмоскowie.

Впрочем, «косить» под уголовника мне пришлось недолго. Волею руководства партийного подполья с группой других земляков был откомандирован на Сталиногорскую станцию электричества, где военные уже готовились к защите ГРЭС или ее выведению из строя в случае перевеса вражеских сил.

Печально, но произошло худшее. Был разрушительный взрыв. Военные организованно отступили. А за подпольщиками-партизанами началась охота. Успех в этой слежке-погоне был переменным. Потому что немало самих фрицев-охотников полегло в веневских, богородицких лесах, в степях и подлесках Епифани. Был случай, когда в Донском двух руководителей партизанских «пятерок» немцы схватили на конспиративных квартирах. Парни погибли от автоматных очередей, но своих товарищей не выдали.

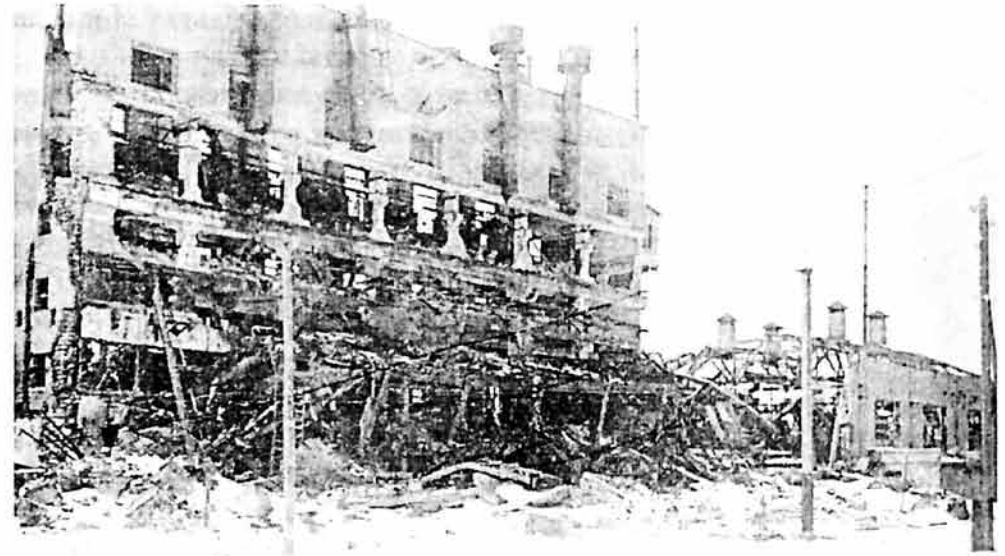
Зверства, грабежи, насилия в Сталиногорске еще продолжались, когда партизанская разведка с севера, из Подмоскowie, принесла

добрую весть: «смаывают удочки» вражины, хорошо им наподдали на подступах к столице. Было это в начале декабря. А десятого числа - где напрямик, где в обход Сталиногорска - уже драпали фашисты туда, откуда приходили. Диверсионные группы нашего сопротивления так сработали, что даже на марше отступления гитлеровские солдаты то и дело подрывались на минах, на мостах и в лесных чащах взлетала на воздух их техника. Для того и уходили наши земляки в подполье, чтобы остаться хозяевами на своей земле, не дать врагу вольготной жизни.

Немало знаю подобных фактов, поскольку сам был причастен ко многим партизанским акциям и рейдам во вражеские тылы. Но ярче самых светлых событий фронтовых лет считаю как ветеран-энергетик и бывший директор ГРЭС начало восстановления электростанции. некоторые производственные участки еще работали под открытым небом, когда первые послевоенные киловатты начали получать Подмосковье и освобожденный Сталиногорск.

Александр ПЫРЬЕВ

Три смерти жизни ради

Братья Борис, Валентин и Аркадий (все Ивановичи) представляют большую и славную фамилию Карасевых, ведущих свою историю с поры крестьянствования в деревне Рига-Васильевка. Но говорить мы будем о старшем из них. Борису Ивановичу уже за девяносто. Еще потому о нем из всех Карасевых пишу, что почетный гражданин Новомосковска, в своем почтенном возрасте проживающий в Москве, имеет твердое намерение встретить 80-летний юбилей малой родины вместе с земляками.

В день получения первого боевого ордена

ВСТРЕЧА с российским героем-фронтовиком, прославленным пилотом-истребителем состоялась в квартире брата Валентина на Московской.

...В Сталиногорском авиаклубе на поликарповской «этажерке» (ПО-2) в четыре крыла выписывал Борька Карасев в небе немислимые кренделя! По таким рискованным полетам и судили проверяющие о мастерстве пилотов и, конечно, о наставниках. А когда дело дошло до призыва, то он, ставший уже пилотом-инструктором, с лучшим другом, таким же разбитным, как сам, пацаном Васькой Батяевым пополнили отряд курсантов Качинской военно-авиационной школы летчиков. Позднее, в ночь начала войны, закадычные друзья

- теперь по всем статьям настоящие «летуны» - в числе первых поднимались в воздух против немецких машин, кои видели прежде только на фотоснимках нашей разведки. Еще позднее Карасев спасал ведомого Батяева из тройки своего звена от погони: враги пытались добить Васю в загоревшейся машине. Сбитые Карасевым два немецких самолета охладили пыл преследователей, и земляк дотянул до аэродрома.

Илюшинский И-16 с четырьмя пулеметами в начале войны был «чистым ястребком». Парни из 88-го истребительного полка приспособились навешивать под крыльями бомбы и с успехом стали делать штурмовые «набеги». Особенно это удавалось на бреющем полете, когда враг не мог использовать зенитки. Так было, например, в Румынии, куда специально посылали Карасева для разгрома командного пункта вражеского штаба.

Рискованность, боевой задор, наверное, помогали выживать молодому лейтенанту. Буквально на другой день после «вояжа» к румынским фашистам «мессеры» подбили самолет Карасева. Все видели, что в штопор ушел его «ишачок» (ласковое название илюшинских машин), что выпрыгнул пилот, что не раскрылся парашют. Никто не знал, что он все-таки сработал, но только за лесом, в глубокой лощине. Когда Борис вернулся в расположение части в синяках и ссадинах, все обомлели. Это был первый случай в полку, когда «похоронка» опередила смерть бойца. В Сталиногорске для родителей стало счастьем второе рождение сына-солдата...

В другой раз, уже под Харьковом, крепко досталось «воздушному хулигану» Борису Карасеву. Посадил он с горем пополам свою истерзанную машину на брюхо и потерял сознание. Был уже март, но очень снежный. Пришел в себя от холода и от прикосновения к виску ствола берданки. Старикан готовился пришить «фрица»: очень подозрительной показалась ему богатая одежда на солдате. А когда раненый заговорил по-русски, побежал старый в деревню, мужиков созвал на помощь. Те и привезли в хату нашего героя в санях, да на соломке, щедро настеленной. Через пару деньков, не найдя среди обломков машины пилота Карасева, доложили боевые друзья о без вести пропавшем командованию, а оттуда печальную весть домой передали.

Третья похожая история восходит к событиям под Львовом. Наши уже наступали, когда с другом Мишей Арсеньевым лихой старлей из истребительной эскадрильи «завалил» транспортный самолет противника. У Мишки близился день рождения, и Борис передал по связи, чтобы сбитый самолет записали на Арсеньева. Парню не хватало десятого сбитого, чтобы по военному статусу Героя получить. Но в эту самую минуту подбили Мишин «ястребок». Кричал вдогонку Борис своему другу, чтобы на «пузо» сажал машину. А тот успел уже шасси выкинуть... Кульбит получился. Борис рядом на то же поле приземлился плашмя. Израненного друга вытащил из опрокинутой машины. Пехотинцы помогли дотащить до дороги, а потом: «Извини, брат, мы наступаем, а тебе в тыл...». На пятый день Борис с Мишей в эскадрильи оказались. Командир целовал своих лучших пилотов и матюкался одновременно. «Черт бы тебя подрал! - сказал полковник. – Ты, Карасев, третий раз дома поминки по себе устраиваешь!».

Лучшим летчиком Карасев был и в эскадрильи, и в полку. Прошел всю войну до Берлина, встретил однажды на фронте такого же авиатора, только в юбке. Звали девчонку Ниной Бузиной, и слава за ней ходила лучшего технаря-снабженца штурмовых отрядов. Таманский женский ночной бомбардировочный авиаполк, его летающих девчат «гансы» называли ведьмами. Одну из этих «ведьм» и полюбил ас-истребитель.

Нина, - вневская девушка, ответила лихому герою взаимностью. Дело было в госпитале, где вечно израненный летчик лечился между тяжелыми боями.

В сорок шестом уже майор Карасев отвез свою суженую в госпиталь рожать. Возлюбленная благополучно разрешилась от бремени. А в Вене в феврале 1946 года наш специально уполномоченный консул по фамилии Пушкин расписал молодых.

...«Заблудившиеся» на войне наградные документы нашли солдата. В 1997 году фронтовику Карасеву было присвоено звание Героя России. До лета 2009-го жива была Нина Ильинична Карасева. Супруги дожили в мире и согласии до «бриллиантовой» свадьбы. Трижды погибавший ради жизни грядущих поколений Борис Иванович пережил и эту утрату...

Татьяна САМОЙЛЕНКО

Ночная ласточка

В списке Героев Советского Союза из Новомосковска значится имя Себровой Ирины Федоровны – командира звена 46-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка 325-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии, гвардии старшего лейтенанта. Её имя знакомо каждому жителю села Гремячее. Одна из улиц названа в честь Себровой.

ИРИНА родилась 25 декабря 1914 года в деревне Тетяковка (ныне в составе МО г.

Новомосковск), в семье рабочих.

В конце тридцатых годов увлеченная молодежь садилась на самолеты. В то самое время Ирина училась в техникуме в Москве и работала слесарем по ремонту шивальных машин на картонажной фабрике. Когда фабрика на собственные средства купила стране самолет, из аэроклуба прислали три комсомольские путевки для желающих летать. Среди лучших комсомольцев, которых фабрика направила в авиацию, была и слесарь Себрова.

Ира быстро научилась летать, и ее оставили в группе инструктором. Новая работа требовала глубоких специальных знаний. Девушку направили в Херсонское авиационное училище, по окончании которого, в 1940 году, она вернулась работать в родной столичный Фрунзенский аэроклуб. Ирина была опытным инструктором, она подготовила и выпустила несколько групп курсантов. Учила молодежь, строила планы на будущее...

Война оборвала ее мечты. Узнав, что Герой Советского Союза Марина Раскова формирует из женщин-летчиц авиационную часть-полк ночных бомбардировщиков, она немедленно обратилась с просьбой зачислить ее.

На фронтах Великой Отечественной войны с мая 1942 года гвардии

старший лейтенант Ирина Себрова совершила 1007 боевых ночных вылетов на бомбардировку войск противника – больше всех!

Выполняя боевое задание, в Германии она подняла машину в тысяча восьмой раз...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардии старшему лейтенанту Себровой Ирине Федоровне присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 4856).

Полк, в котором служила наша землячка, состоял исключительно из женщин. Вылеты совершались только ночью, поэтому немцы называли отважных летчиц «ночными ведьмами». Наша милая, скромная, маленькая Ира – ведьма. Это ж надо!!!

Многим жителям села Гремячее посчастливилось лично знать Ирину Федоровну Себрову, общаться с ней. Для меня это был 1981 год, 23 ноября. Одна из встреч состоялась в Гремячевской средней школе. Мы увидели настоящую «ночную ласточку».

Вопросы, вопросы, вопросы... Затаив дыхание слушали дети и взрослые рассказ отважной летчицы о войне, о боевых подругах, о мирной жизни.

Из выступления Ирины Федоровны:

- Иногда мы перед тем, как бросить бомбы, проводили с немцами «политинформации»: сбрасывали на землю листовки. А уж потом нещадно бомбили. Все было: и страх за Родину, и боязнь умереть, не дожив до победы, и слезы о погибших подругах.

В школьной Книге-летописи Ирина Федоровна оставила запись для ребят и педагогов: «Желаю вечно хранить мир. 23 ноября 1981 года. Себрова». Я помню, в тот день, когда стемнело, состоялось факельное шествие к братской могиле и возложение венков. На следующее утро наша героиня встретилась с жителями родной деревни Тетяковки, осмотрела домик, в котором прошли годы ее детства. Это было очень волнующее и приятное событие для односельчан, для всех, кто помнил Иру Себрову с довоенных лет...

- Живите, люди добрые, долго-долго. Счастья вам, здоровья, успехов в работе, - пожелала Ирина Федоровна землякам, покидая родную деревню.

С той поры в музее Гремячевской школы основана экспозиция, посвященная Герою Советского Союза Ирине Федоровне Себровой. Недавно узнала я, что в средней школе № 213 города Москвы возрожден музей Боевой славы 46-го гвардейского Таманского, орденов «Красного Знамени» и Суворова III степени, ночного легкобомбардировочного женского полка.

Наша школа немедленно установила связь с руководителем музея столичной школы № 213. И теперь сотрудничаем с тамошним музеем Боевой славы, хранящим память о «ночных ласточках».

Такое уникальное формирование как полностью женский авиаполк не осталось незамеченным в истории. Еще в 1961 году Семен Аранович снял документальный фильм о летчицах полка «1100 ночей». Несколько позднее был снят и другой фильм – «В небе ночные ведьмы». Он был посвящен истории полка, женщинам-летчицам, в том числе и нашей землячке Ирине Федоровне Себровой.

5 апреля 2000 года Ирины Федоровны не стало. Всего месяц не дожила до 55-летия Победы Герой Советского Союза, добрая, удивительно располагающая к себе землячка.

Иван СЕЛИВАНОВ

Парад фронтовой осени

Среди прочих знаменательных дат военно-исторического календаря наш земляк, ветеран Великой Отечественной Иван Григорьевич Селиванов помнит и чтит день рождения Советской гвардии. В кровопролитном Смоленском сражении июля-августа 1941 г. была сорвана попытка Гитлера с ходу прорваться к Москве. По решению Ставки Верховного Главнокомандования Наркомат обороны СССР за стойкость, мужество и отвагу 18 сентября 4-е стрелковые дивизии наименовал гвардейскими.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ много частей и соединений удостоивались почетного звания, получали гвардейские знамена. Позже для военнослужащих Президиум Верховного Совета СССР отдельным постановлением учредил нагрудный знак «Гвардия» и новые гвардейские знамена с надписью «За нашу советскую Родину!». Реактивным, минометным частям и соединениям почетное звание присваивалось с момента их формирования. Не явился исключением из этого правила и 6-й гвардейский минометный полк, в котором я служил.

Памятной осенью 1941 года, едва сформировавшись, полк героически сражался в составе Брянского фронта. Наш полк участвовал в обороне южных подступов к Туле. Гвардейцы-минометчики перебрасывались на оборонительные рубежи к Ефремову, огнем выбивали врага из этого города, из райцентра Чернь. В составе своего дивизиона 6-го минометного полка 3-й армии я сражался на многих участках Брянского фронта. Летом 1942 года

под Воронежем меня, стрелка-минометчика, крепко зацепило вражеским выстрелом. Но бойцы были наперечет, потому дальше медсанбата не поехал. Воронеж отстояли. Дивизион уже возвращался на базу, когда у высоты 208,0 (под Мценском) настигла меня вторая вражеская пуля.

Шел уже второй сентябрь войны. Нашему дивизиону повезло: бойцы использовали заслуженную передышку. К первой годовщине рождения Советской гвардии приурочили торжественное вручение нагрудных знаков «Гвардия». Из штаба фронта по этому случаю прибыл полковник Королев. Но главное произошло не сразу...

В 6 утра 18 сентября все подразделения были подняты по тревоге: от боевого расчета до хозяйственного взвода с полевой кухней - в четырех верстах передний край, надо быть готовыми ко всему.

Оказалось, ничего страшного не произошло: тревога была учебная с целью проверки боеготовности минометчиков. Солнечное утро выросло в жаркий день, а нам не давали ни минуты передышки. Боевые расчеты сражались с условным противником в рукопашном бою, задействованы были инженерные подразделения. До седьмого пота мы работали на укрытии боевых машин, за контрольное время заряжали «катюши», организовывали круговую оборону, прокладывали линии связи в условиях «окружения». И уже в самое пекло ко всему добавили команду «Газы!». Взмыленными, в противогазах встретили и мы, и офицеры «Отбой!». Неимоверная усталость не помешала громко кричать в ответ на благодарность штабного офицера «Служу Советскому Союзу!».

Полковник Королев отдыхал в солдатском окружении. Вместе смеялись, вспоминая, что комдив, гвардии капитан Бунин не справился в отведенное время с противогазом и был унесен «с поля боя» как условно пострадавший...

К вечеру объявили построение. Кумачом накрытый стол означал трибуну. За нею - дивизионные командиры и высокий гость из штаба фронта. Помню, как чеканным шагом «печатали» вдоль импровизированной трибуны. Помню вручение правительственных боевых наград отличившимся в жарких боях минометчикам и знаков

«Гвардия» первой чеканки. Помню и себя в том строю, где зычно отзывался каждый: «Служу...». И слышал каждый в ответ тихое от полковника: «Спасибо, сынок...».

Парадов на своем веку я повидал немало. Во многих сам принимал участие. Но сентябрьский 1942 года помню ярче всех иных. Гвардейский знак стал мне первой и самой памятной наградой. На военном кителе появлялись потом другие яркие, звездные знаки отличия. Но «Гвардия» для меня - бойца призыва 1942-го - стала символом юности. А слова полковника перед строем потрепанных в боях за Подмоскowie минометчиков запомнились как отеческое напутствие: «Сынки! - сказал седой стратег из штаба фронта. - Не могу обещать вам легкой победы. Но надо сдюжить! Прошу...».

И мы сдюжили...

Юрий НАЛИВАЙКО

О боях-пожарищах...

Степану Михайловичу Макарскому - уже за 90 лет. Наш почтенный земляк родился в Сибири. Но даже из тех десятилетий, что связаны со Сталиногорском (Новомосковском), надо еще три десятка годов минусовать. С 1938 по 1968-й находился Степан Макаровский на службе в Красной (Советской) Армии.

Внештатный корреспондент «НП», активист городского совета ветеранов Юрий Наливайко сделал запись воспоминаний фронтовика накануне его юбилея.

УТРОМ 23 июня 1941 года вступал в силу приказ о моем увольнении в запас. Перед отбоем 21-го числа, накануне ухода со срочной службы, я в последний раз по Уставу подшивал подворотничок гимнастерки. Вдруг вызывает меня дневальный к полковнику. Деликатный наш командир намекнул, что его персональный водитель «не в форме», и просил подбросить в штаб дивизии. А почему не подбросить? Я на службе, я водитель, я сержант...

«Слушаюсь, товарищ полковник!».

Едем. От нашего летнего лагеря до Киева не больше сотни верст. Выехали в три. Командир привычно дремлет в «Эмке». Я (тоже привычно) за рулем о своей девчонке думаю: решили мы с ней «обжениться» уже этим летом.

Смотрю, что-то неладное с небом творится: всполохи какие-то... Минута прошла. Уже грохот. Мама родная! Самолеты сыпят бомбы. Полковник очнулся, перепугался, да и я тоже. Командир у штаба вышел, а мне разрешил проскочить до дома невесты, чтобы попрощаться: было ясно, что служба моя не закончена. Прощание не состоялось: дом уже был объят пламенем.

В полковой лагерь вернулся после полудня. Войско построено для марша в сторону Белой Церкви. Должность мне была определена - помощником командира взвода разведки. Понятное дело, двигались впереди. И к этому переходу отношу один памятный эпизод, который лично для себя считаю геройским, но никем не признанным. Боже упаси думать, что обида у меня. Все наши пацаны в ту пору были героями. В пекле и огненном месиве выжил - уже герой. А вспоминаю случай, потому что один я догадался приложить ухо к железнодорожной рельсе, когда поступила команда машинисту нашего поезда трогать состав. Смутила форма одежды незнакомого командира: военная пилотка никак не увязывалась с кителем железнодорожника! Мужики в нашем роду работали на магистралях и часто «слушали рельсу»: не гудит ли? не грозит ли беда от встречного на однопутном участке? Вот и я послушал, машиниста кликнул, чтоб он убедился: грохочет где-то другой состав. Едва успели сдать свои вагоны на тупиковую ветку, как этот нежданный встречный со свистом пролетел мимо. Диверсанта в пилотке потом искали, но след его простыл.

Ребята - моложе меня годами - рассказывали, как летом 1941-го их отцы и старшие братья уходили на фронт с единственным отчаянным желанием лично свернуть башку Гитлеру. Но... невероятно тягостной была оборона в том суровом году. Еще горше было оставлять укрепления, отдавать врагу родную землю пядь за пядью. Смоленск, Рославль, Орша, Могилев - вот где потом, кровью и слезами досады полита земля!

Помню, держали курс на Бобруйск пешим порядком. Вышли к реке, а понтоны заняты боевыми машинами. Была бомбежка. Водители бросили «баранки» - сиганули в воду. Самолеты улетели, а шоферню много ниже успело унести течение. Вот и выскочил я на край затора. Завел ближайшую машину, на берег согнал, потом другую... Наш капитан армейский «спасибо» сказал за открытие переправы. Еще, сказал, представление к награде напишет... Не написал. Не судьба. Светлая память тому капитану и всем однополчанам, которых скосили пулеметы воздушных пиратов у той переправы. Бойцов мы не хоронили. Забрали только их оружие и документы в свой пеший поход на Бобруйск...

Яркий эпизод остался в памяти от обороны Ярцева. На кой ляд сдалась нам маленькая трикотажная фабрика, не знаю. Но защищали мы ее по приказу стойко, как если бы танки там выпускали. В местечке

памятном я впервые узнал, что сибиряков на фронте, оказывается великое множество.

Мальчонка (лет 12-14-ти) сообщил нам, разведчикам, что в опрокинутом паровозе фашисты оборудовали огневую точку. А с полверсты подальше, в школе, «ихние офицеры водку пьянствуют». Подразделением «лазутчиков» я уже сам командовал (комвзвод потеряли в боях). Потому попросил помощи у сибиряков стрелковой дивизии и у соседей-дагестанцев.

Огневую точку «прихлопнули» быстро - в две гранаты. А у школы охрана оказалась многочисленной. Вот тут-то я впервые увидел, как работают горцы своими ножами.

В школу ворвались, а там нет «работы»: господ офицеров не наблюдается. Однако пленили мы в тот раз в других местах семерых фашистов в офицерском звании. Все участники вылазки были награждены.

Вообще награды и взыскания на фронте всегда ходили рядом. Под Ельней, помню, группа наша из 9-ти разведчиков отличилась тем, что взяла ценного «языка» и боевую единицу противника. Политрук перед строем всех благодарил. По суровому военному времени - это высокая честь: когда перед строем. А когда выяснилось, что у меня раненого, в вещевом мешке трофейный пистолет залежался, худо было. «Ствол» изъяли из вещмешка. Кабы не награды, могли б и под трибунал отдать.

Моя война закончилась 14 ноября 1941 года. В тот день под Волоколамском после авианалета уложили санитары на носилки рядом со мною мой же ногу и еще руку под мышку сунули. Долгие месяцы провел в госпиталях. Но к строевой (боевой) службе с той поры касательства не имел. Зато сгодился в учебной работе. До конца войны и много лет после Победы работал я с молодыми воинами, обучая их водительскому делу. Старшиной автошколы г. Сталиногорска (командиром учебного автомобильного взвода) на тридцать первом году воинской службы вышел из армии в отставку.

Валентин ВОРОБЬЕВ

Соловецкий мотив

КОГДА случится ехать на Маклец, приглядитесь к деревушке, остающейся слева. Вопреки здравому смыслу построена она на косогоре - всем ветрам назло. На краю исчезающего селения можно заметить захоронения. Погост настолько велик, что сама деревушка всякий раз все больше напоминает мне продолжение кладбища.

Уголок, о котором пишу, в числе иных похожих прозван Соловками. О больших - по книгам известных и в кино снятых - всем известно. Но были еще другие...

В нашей Степановке на Ивана Акимовича, прадеда мово, любой мог пальцем указать: «Вон, глянь, труба над большим домом курится. Там Акимыч. Там и кони его, и две девки, и сыны все пятеро, и баба стержовная».

Супружница Ивана, право слово, скупа была и потому слыла вредной. Зато детей рожала исправно, любила, лелеяла и не давала впадать в безделие. Дед совсем иного склада: всем деревенским помогал лошаадьми и зерница давал. Но только по весне, чтобы сеяли, не сожрали до срока.

Все так и шло, покуда изыскатели не приехали. Забили повсюду колышки - сказали умники, «химию» строить станут. Беспортошные босяки узлы собрали да ниже от Степановки в бараки новые съехали. А Иван (Акимов сын) заочевряжился: дома, говорит, жить хочу. К батяне свои сыны подстроились, да еще мужики соседские, какие покрепче на земле держались.

О «бунтарях» забыли бы скоро. Только на беду сгорели без причины склады хозяйственные у первостроителей. НКВД еще дело о пожаре мурыжил, когда наемные «грабари» (землекопы) вдруг снялись с объекта и на родину утопали. Слухи разные пошли про угрозы со стороны местного кулачества. Одного Акимыча и насчитали. Остальные, тьфу, - подкулачники...

Так и было принято решение переселить всех степановских в Мошок. Стала та деревушка с 30-х годов Соловками, проклятым местом. Холмов

вымерло, а скажу иной раз: я, мол, из Мошков - народец стороной аккуратненько уходит.

Мерли люди у нашей деревни часто без видимой причины. Кто по пурге потеряется - искать начинали с холмов-курганов, с них снег раньше сходил. Кто неблагонадежен - тому на Мошки показывали: «Там живи. Там все такие...»

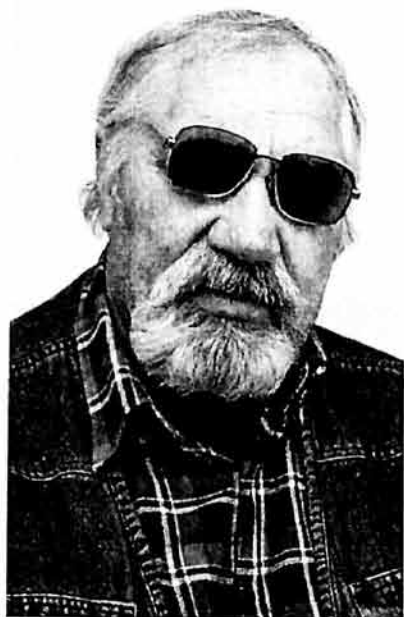
Жил там и дед мой Кондратий Иванович, фронтовой фельдшер с империалистической. Грамотный мужик, даже большим сельсоветом командовал: не чета Мошкам, куда власть только в обличи военного в портупее являлась. А «загремел» на местные Соловки дед Кондратий за пустяк. Сшил он бабке моей Дарье из красного полотнища сарафан к 1 Мая. Нового товара не было, потому в дело пошел какой-то праздничный лозунг, на солнце выгоревший. Бабка обновку состирнула да к трибуне на химкомбинатовской площади в ней и явилась. Все бы ладно, только проявилась у Дарьи (жены аж самого председателя сельсовета!) надпись пониже спины. Слово-то хорошее - «мир», «труд» или «май». Но там, где проявилось, тому слову было не место!

Вообще кумач для деда моего гибельным оказался. В 1941 году немецкие оккупанты пришли забрать со двора единственную корову. Кондратий, когда скотину уводили, прибывал над воротами красный флаг. Враги шибко били старика коваными сапогами. Герой «советской резервации» был стойким. Жил Кондратий Иванович еще больше недели. На Ильинском кладбище, очевидцы сказывали, под соломенную подушку дедова гроба из нетесаного леса овдовевшая Дарья уложила кумачовое полотнище, бережно снятое с древка.

Виталий СКОПЦОВ

О чужой войне глазами детства

ЕСЛИ на глазах у бабки Фени оставить бухточку плетеного зеленю шнура, она, хозяйственная, непременно приспособит его для сушки белья. А когда зазеваается старая, надо спичку горящую поднести к бантику и отбежать подальше, чтобы со стороны весело смеяться с пацанами, глядячи на переполох бабы Фени. Не знает она, что шнур – бикфордов. Белье чернеет и падает вместе с «веревочкой», старуха матерно ругается, грозит сыскать управу разом на всех бедокуров деревни Урванка и заново замачивает в корыте свои постирушки.

Еще веселее - задвинуть в костер противопехотную мину и ждать в укрытии, когда она рванет. Из всего мешка, припасенного для забав, лучше

выбирать мину немецкую: уж она так рвется – могила почти готовая получается. Туда потом можно снести сразу несколько фашистов. Исхудалых, каких в бараках у 28-й шахты около тысячи, вошло бы больше. Но умирают пленные фрицы редко, чаще – гибнут под землей, откуда их горняки уже и не всегда доставать стали.

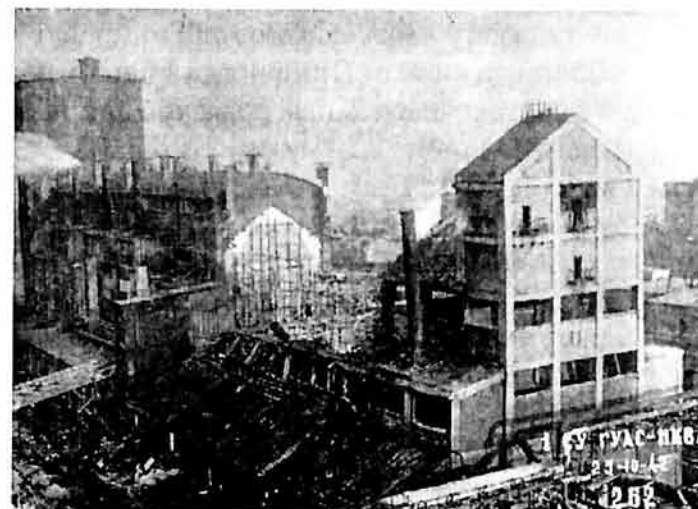
Кладбище немецких военнопленных и теперь еще легко угадывается на склоне у озерца, что в Урванке единственным водоемом являлось. А чуть выше стройных рядов-холмиков некогда стояли группой наспех сколоченные бараки для плененной рабсилы. Гансы-фрицы вели себя тихо, исправно трудились и по причине этой самые прилежные из них сразу после войны были переведены на бесконвойный режим.

Из моих трех дядьев Машниных только Анатолий Васильевич был прямо к немцам приставлен. Водил дядя Толя пленных и за пределами «заключенного» лагеря: то в баню, то на распиловку леса, то на прополку овощей, тут же на склоне выращиваемых. Дядька с фронтовой поры мало-мальски «шпрехал» по-ихнему, но чаще сами немцы переходили на русский из уважения к моему незлобивому родственнику. Поднадзорные пленники в ответ на послабления в режиме за дядей Толей даже ухаживали: помню, как чистили его старшинские яловые сапоги и в пути на марше сами несли табельное оружие – ППШ. Лагерное начальство знало о беспечном отношении старшины Машнина к своему оружию, но не судили героя войны, без того изувеченного и уже нестроевого.

Дядя Женя был старше годами брата Анатолия и гордости имел больше. Танкистом-орденоносцем он вернулся с фронта без кости в левой руке. Культя беспомощно болталась, но не досаждала болью. И уж вовсе не мешала пить горькую, разливаемую остатней рукой. Тетка Аграфена, помню, безропотно пополняла домашней водкой граненый графин дяди Жени и только тихо умоляла «не заводиться снова», когда муж усаживал за стол пленного фрица. Угощал Машнин-старший всякий раз нового немца, и потому очень «старая песня» для гостя звучала как новенькая. «Вот ты, - хрипел дядя Женя после невесты какой по счету чарки, - смог бы в меня пальнуть, кабы мы на фронте встретились?!».

«Найн!» - тоже пьяно отрицал свое коварство побежденный

враг.

«А вот я, - гордо заявлял мой дядька, - я тебя, вражина, шлепнул бы! Это ты ко мне, паразит, с оружием шел!». «Шлепал» бывший танкист только об стол культею, и этим всякий раз обозначалась его победа над поверженным врагом.

Заканчивалось обычно тем, что я в сопровождении трезвого дяди Толи и насытившегося фрица выходил в поле, чтобы унести с грядок лагерного подхоза мешок овощей. Рвали морковь, срезали капусту из разных мест, чтобы с дороги не видно было следов хищения...

Кроме того поля, где немцы для лагеря пленных готовили припасы, кормила семью пережившая войну коровенка. По утрам после дойки я с бидоном нырял в лаз под колючую проволоку и в кабинете лагерного начальника менял молоко на тогдашнюю советскую пятерку. Брешь в проволочном колючем ограждении была всем известна, но на дворе уже стояло холодное лето 53-го. Пленные знали, что грядет большая амнистия, которая, авось, коснется и узников страны, проигравшей войну. Мне шел уже 14-й год, из которых три проходили в тесном контакте с «постояльцами» самого мрачного заведения

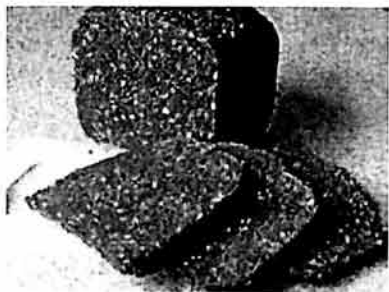
Сталиногорска и единственного – в деревне Урванка. Только один случай побега из лагеря известен мне. Уже решался вопрос отправки пленных на родину, когда на моих глазах (с какого перепугу – не знаю) выскочил из зоны через «мою» дырку в изгороди молодой еще немец. Успел он добежать до вагона, войной опрокинутого в озеро. Пуля лагерного охранника настигла беглеца в полете. В воду немец вошел «ласточкой». Доставали его, как драный тюфяк баграми.

Через несколько дней была смотана, вывезена колючая изгородь. Куда-то бесследно исчезли барачные ряды. И только чуть ниже по косогору, почти у озера, рожденного донской водой, остались ровные ряды крестов над могилами людей с чужой войны. Среди тех крестов один – грубо сколоченный из березового кругляша – был совсем новый. И теперь могу указать на холмик, под которым схоронен сгинувший в озерную тину беглец из лагеря узников чужой войны.

Прасковья МИХЕЕВА (ГУСЕВА)

Каравай

КОГДА стало известно, что Сталиногорска не удержать, уходили из города наши школьные учителя – мужчины призывного возраста, которые волею партии оставались на педагогической работе.

Уходили к Рязани, где не было фашистов. Через много лет узнала я о трагедии. Немцы настигли моих

любимых учителей – словесника Александра Петровича Кузнецова, историка Льва Моисеевича Тигая – в деревне Шишлово. Нашелся там подлец, сдавший врагу ночевавших педагогов. Во дворе фашисты расстреляли троих. Военрук Панов был третьим, которого я по имени-отчеству не запомнила: девочки у него не занимались.

Такая выпала судьба на долю замечательных зрелых мужчин, не призванных на фронт, потому что выполняли другую важную миссию – воспитывали завтрашних солдат, патриотов. Вспоминаю о погибших от рук карателей как о героях, оставшихся на поле брани.

И мы, юные выпускники 41-го года, немало сделали для Победы. Мне было 18 лет, сестренке Кате – 16, когда страна позвала комсомольцев в добровольческие отряды для строительства оборонительных сооружений на подступах к Москве.

Эшелон, которым мы должны были добраться до места, стоял возле теперешнего ГДК, сама «железка» пролежала по нынешней Московской. С кирками, ломami, лопатами мы занимали места прямо на полу платформ, застланных соломой. Ехать предстояло двое суток. Но уже к исходу первого дня нас настигла вражеская авиация. Два последних вагона, где запыливали продовольственные припасы, были отцеплены. Так разом сотни людей остались без провианта.

...В городе Ельне нас расположили в школе, очень похожей на нашу 10-ю, оставшуюся в Заводском районе Сталиногорска. Помню подъемы на заре, работу у кромки леса, где копали противотанковые рвы, и огромные горы соломы, казавшейся «царским ложем» после изматывающего физического труда. Страшно вспомнить ту работу, из-за которой (говорю – не верят!) время авианалетов врага казалось отдыхом: можно было, не стыдясь, валяться в спасительной зелени или в глубокой канаве.

Еще помню измученную лошадку, на которой ровно в 9 утра привозили завтрак. Эта явно не строевая кляча возвращалась в 4 пополудни: привозила кашу с хлебом и бочонок воды. Еды не хватало, потому пили больше, чем требовалось: от этого отекали ноги и руки.

Все чаще слышались орудийные выстрелы. Когда фашисты

приближались к Смоленску, отряду предложили «товарняк»: сказали, последний. Но мы - патриоты! От услуги отказались, забрав «сухим пайком» всю положенную пшенку и хлебный припас. Через неделю все равно пришлось удирать, но уже пешком, причем босиком: обувь развалилась.

Не знаю, какой стороной обошли-объехали фашисты вырытые отрядом траншеи и рвы, но по дороге нашего отступления уже все было выжжено. В Ельню, в школу можно было не заходить, город полыхал огненной стеной: была команда сжечь все припасы горючего.

Примерно через неделю попали в калужские Сухиничи, где еще работала железнодорожная станция. На каких-то бревнах доехали лесовозным рейсом до Узловой. Отсюда всего-то осталась «легкая пробежка» до родного Сталиногорска. Уже была осень. До гитлеровского вторжения все девчонки из отряда побрились наголо. Так кардинально - в один прием - решили мы проблему обретенной вшивости.

Лишенные главной девичьей красоты (кос, причесок), мы с Катей радовались, что отец и братья были на фронте, не видели нас бритоголовыми. Стыдно стало за ту радость, когда узнали, что брат Иван сложил голову под Сталинградом, а также когда инвалидом вернулся отец, а брат Василий до зимы 45-го сменил множество госпиталей.

... Война еще не закончилась, когда нашему папе, изувеченному в сражениях, было поручено печь хлеб для детских садов и госпиталя, расположившегося в теперешней 18-й школе. Из всего лихолетья те дни были самые счастливые. К заработанным на восстановлении сталиногорских предприятий пайкам добавился ежедневный, теплый, властью разрешенный каравай.

Радость-то какая! Наши солдаты уже бьют фрицев на их собственной земле! Заново отрастают косы! В городе открылся театр! И ко всему – хлеб, который не надо замешивать наполовину с лебедой или отрубями!

Степан ПРЭСНОВ

С донесением «3581с-43г.»

МЫ ЕЩЕ жили в Краснодарском крае, когда всеобщим ликованием страна встречала долгожданный праздник Победы. По малолетству не понимали маму свою Прасковью Федоровну, которая всякий раз плакала, когда в общем дворе появлялся очередной демобилизованный солдат. Вдовы соседки, говорила мама, давно выплакали слезы свои...

Вдовой погибшего смертью храбрых (иных формулировок «похоронки» не содержали) оказаться было предпочтительнее, нежели значиться супругой без вести пропавшего.

На нашем - пацановском - уровне были свои сложности. Мальчишки задирали нос, коли папка с фронта вернулся с медалями. Законно гордились и дети изувеченных солдат: мол, не жалели отцы живота своего. Мы с братьями во всех анкетах писали о своем родителе: «пропал без вести».

Много лет еще мама надеялась (и мы разделяли это ее святое чувство), что, авось, какими-то судьбами сержант Михаил Николаевич Преснов еще вернется, еще освободится из фашистского плена, а еще лучше — из госпиталя после длительного лечения. Были такие случаи, и потому жила надежда...

Сталинское отношение к военнопленным, к узникам концлагерей было известно. Но Бога молила мама, чтоб вернулся Миша хотя бы таким, «клейменым». А он не возвратился из той неизвестности,

поглотившей миллионы без вести пропавших...

После смерти «вождя народов» власти по-иному стали относиться к родственникам воинов, чьи фронтовые судьбы затерялись в сражениях планетарного масштаба. Из переписок с архивами военных ведомств, с родственниками по отцовской линии кое-что стало известно о сержанте Михаиле Преснове с момента его убийтия на фронт со станции Ново-Ивановка Краснодарского края. Как сам боец писал в солдатских «треугольниках», служил связистом. Однажды видел даже главкома Гречко. Еще сообщал о своем ранении, после которого командир обещал предоставить короткий отпуск «для полной поправки».

Мама рассказывала, что и в самом деле больше недели отец гостил дома. Однако приходил он лишь ночевать, а дневал в цехе, где валял валенки для себя и товарищей по воинскому подразделению. На фронт увозил огромную поклажу своего рукоделия. Была глубокая осень, когда получила мама папин «отчет» о вручении обновок однополчанам. Та весточка в месяце обороны станции Кавказская перешла по наследству ко всем членам семьи и доселе хранится. В ней все - о личном, но есть и весьма существенная приписка: «Дорогая моя! Завтра - наступаем. Мужики говорят: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Напишу, когда закрепимся на новых позициях».

Больше от отца не было ни строчки. 34 года не исполнилось сержанту Преснову 1 ноября 1942 года, когда он пропал без вести в районе станции Змейская-Хумалаг Северной Осетии. Только несколько месяцев спустя получила мама войсковой циркуляр, именуемый донесением «3581с-43 г.», который в отличие от «похоронки» оставлял солдатке Прасковье Пресновой надежду на чудо и все основания считать себя мужней женой. Меня с братьями Мишей и Юрой никогда не называли «безотцовщиной»: «3581с» хранила нас от этой горькой участи.

Все мы, потомки солдата великой войны, принимали меры к розыску могилы сержанта-связиста Преснова. Прослежен весь его путь от станции Ново-Ивановской до станции Кавказской (нынешняя республика Северная Осетия-Алания).

«Круглый стол» (январь 2007 г.)

Пока в пути солдатский треугольник

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ: ветераны войны и труженики тыла, бывшие энергетики Новомосковской (Сталиногорской) ГРЭС Александр Васильевич ГЛАДКОВ, Ольга Акимовна ГУСАРОВА, Зинаида Ивановна ЕЛИСТРАТОВА, Владимир Афанасьевич МОРОЗОВ.

ВЕДЕТ ЗАСЕДАНИЕ: корреспондент «НП» Александр ПЫРЬЕВ.

ВЕДУЩИЙ: - Приветствую всех. История вашего предприятия сложена из трех больших отрезков времени: светлых и радостных лет строительства, дней разрушения станции перед гитлеровским нашествием и возрождения подмосковного гиганта энергетики. Мы заранее условились вести речь о третьем периоде, включившем в себя три военных года и еще целую пятилетку.

А.В. ГЛАДКОВ: - Вечером 21 ноября 1941 года все мы, здесь присутствующие, еще видели нашу станцию целой и невредимой. На следующее утро весь Сталиногорск знал, что собственными руками энергетики взорвали ее, чтобы этот стратегический объект не достался

врагу.

И каждый из нас, наверно, хорошо помнит, как пришел на ГРЭС. Лично я в цех химической очистки воды пришел, когда ГРЭС уже «дышала». Дмитрий Иванович Бурцев, волевой, опытный руководитель, мне, шестнадцатилетнему, сказал: «Извини, сынок, не девку же мне заставлять ломом махать». И правда, пацаны были наперечет. Многие городские девчонки бросали учебу, чтобы «пайку» хлеба в доме увеличить: 600 граммов - это ведь не 200

«иждивенческих».

Из старших помню Алексея Арбузова - мастера, Дмитрия Рудакова - инженера. Наша ремонтная бригада - это Новиков, Гордеев, Воробьев... Всех не перечислю: уж и не припомню. Задача была одна: обеспечить подачу очищенной воды в котлы. Шестая турбина при мне уже работала. Ради нее мы и трудились. Смены были условными. Дневали и ночевали на объекте. Никто в годы войны не смотрел в «метрику» - 20 тебе или еще 16-ти нет.

«Едок»? Значит, отработывай со всеми наравне.

Сразу оговорюсь. Не было «палочной» дисциплины! У каждого парнишки, девчонки отец, брат или оба вместе где-то дрались с фашистами. И каждый ждал своих. Значит, надо было приближать победу, встречу с дорогими людьми. Сказать честно, я и в другие годы не слышал столько по-отечески добрых слов, сколько тогда от начальника цеха Бурцева. Подойдет иногда: «Ты, дружок, часто не махай - дышалку собьешь. Кидай пореже, бери побольше - дольше сдюжишь».

Очень трудно было с карбидом: поступал он с перебоями. Не наша вина. Но Бурцев смекнул, как на месте производить этот самый карбид. Со спецами проконсультировался - и дело пошло. То подсобное производство еще долго жило.

Помню другой эпизод. Цех был без стекол: взрывом вынесло еще в 1941-м. Досками заколотили окна, но толку мало: ветер гулял и снег прорывался. Придумали такую хитрость: доски в опалубку пустили, а проемы шлаком засыпали, заштукатурили. Тепло стало в нашем молодежном цехе.

О.А. ГУСАРОВА: - Помню я и цех химический, и Сашу Гладкова, хотя работала в турбинном. По комсомольской общественной должности мы в те годы «красные уголки» создали во всех подразделениях. Коротали обеденные часы (с кипятком и хлебом) за чтением газетных сообщений и, главное, писем

с фронта. О семейных делах говорили. За девчонок радовались, которым прямо из окопа знакомые парни в солдатских «треугольниках» присылали предложение руки и сердца.

Слезами радости плакали, когда к кому-то возвращался израненным, но живым отец, брат или просто знакомый по переписке.

То было в короткие минуты отдыха. Но это время, конечно же, запомнилось и очень тяжелым трудом. В феврале 1942-го у нас на каждую девичью пару приходились кувалда, лопата и носилки. Меня в ту пору «кадровик» Лукский спросил: «Не заплачешь?». Сказала: «Нет!».

Плакала, конечно. А что делать? Рабочий паек много весомей иждивенческого. На «вредном» производстве он до буханки увеличивался.

ВЕДУЩИЙ: - Вы были в таких годах, что «вредность» вам никак не грозила. Не полагалось ведь малолеток на вредные производства ставить?

О.А. ГУСАРОВА: - Это не так. Второе рождение станции планировалось, расписано было по дням и даже часам. Мужчины призывного возраста - только военные из службы охраны или специалисты, «забронированные» особым указом. Представьте, меня, 16-летнюю, как отличившуюся в работе с кувалдой и носилками, перед пуском шестой (первой по счету среди восстановленных) турбины назначают сразу помощником машиниста! Без экзаменов! За одну лишь старательность. За любознательность и активность в комсомольской ячейке. Месяц, уже находясь в должности, я готовилась к сдаче экзамена (техминимума). О какой-то там технике безопасности и речи не велось! Жили по законам военного времени... Сами знаете, и после войны многие страдали за «разговорчики в строю».

Я и в 1945-м первую в Советском Союзе турбину-«стотысячник» запускала в должности неаттестованного машиниста.

ВЕДУЩИЙ: - Говорят, сам Иосиф Виссарионович держал на контроле ход восстановления фабрики электричества в городе своего имени?

О.А. ГУСАРОВА: - Не могу это утверждать. Лучше факт приведу. Был случай, когда от непомерного увеличения рабочих нагрузок в одной из турбин появилась вибрация сверх всяких мыслимых допусков. Команду остановить машину («вырубить») - по-нашему

никто дать не отважился. Весь станционный «генералитет» собрался. Перед лицом очевидности не нашлось отваги скомандовать «стоп!». Понадобился звонок в Москву: мы ей подчинялись. Кому звонили, не ведаю. Не исключено, что самому Сталину, Верховному Главкому.

З.И. ЕЛИСТРАТОВА: - Еще, Оля, добавь что, когда «стотысячник» - первый в Союзе запускали, Сталин лично интересовался подготовкой к этому и результатом.

Я хорошо помню 1945-й год. В моем ремесленном училище энергетиков № 52 и газету читали, и свою «Молнию» ребята выпустили. Знаю, что по поручению из Москвы на нашу ГРЭС приезжали для участия в пуске представители министерства, ученые-проектанты, ленинградские машиностроители.

Александра Васильевича дополню в части, где он говорил о патриотизме. Пусть читатель поверит, что даже наша ребятня была охвачена этим благородным чувством. По правилам «ремеслухи» - мы так ласково называли свое училище - день шла учеба своим чередом, а другой день все работали на станции. В разных цехах: в зависимости от профиля группы, избранной специальности. Я, например, трудилась в цехе тепловой автоматики. Выводили мы подростки, кабельные связи на центральный пульт управления. Громко сказано, красиво. Но фактически - та же работа с кувалдой, лопатой, кайлом, носилками.

Начальник и мастер цеха - Кузнецов и Полукаров - прекрасно относились к нам. Просили эти и другие взрослые просто подсобить. Отказаться? А как это сделать, если сами руководители вместе с инженерами-техниками-мастерами в кирзовых сапогах, с

закатанными рукавами делают черную работу? Не уверена, что где-то теперь еще имеют место такие уроки трудолюбия. А мы с настоящими патриотами страны и станции - гордости сталиногорских энергетиков - на уроках труда, называемых производственной практикой, задерживались иногда на полную рабочую смену. Это обычно 12 часов кряду.

Что заставило, спрашиваю себя, в свое время бросить школу ради «ремеслухи»? Да, конечно, это гарантированные нам по малолетству завтрак, обед, ужин. Но было и нечто большее. За 50 лет жизни в энергетике я на станции обрела стойкость, трудовую закалку.

Среднее, высшее образование люди моего поколения получали, уже будучи практиками.

ВЕДУЩИЙ: - Мы не рискуем с вами привести читателя к мысли, что успех дела на восстановлении ГРЭС обеспечивали «подранки» войны?

В.А. МОРОЗОВ: - Никакого риска! Разве мы не сказали в этой маленькой аудитории, что всю экономическую политику возрождения станции определяли вполне взрослые мужи? Надо помнить, что подростковая молодежь не

составляла и трети от всех участников восстановления. Но никогда раньше и после станция не была так молода по среднему возрасту тружеников. Кроме лихолетья войны и послевоенной пятилетки, никогда у нас не работало столько женщин. Это объективно.

Правда и в том, что наши специалисты любого ранга в трудные годы личным примером вели коллектив к успеху. Сам я через проходную ГРЭС (между двумя солдатами с «трехлинейками») впервые вошел на любимую станцию еще практикантом в марте 1943-го. Много лет работал слесарем по ремонту турбин.

Помню, в цехе нашем еще было видно синее небо, когда на железнодорожной платформе привезли статор к «стотысячному» генератору. Начальник цеха Харитонов, сам из бывших слесарей, нас,

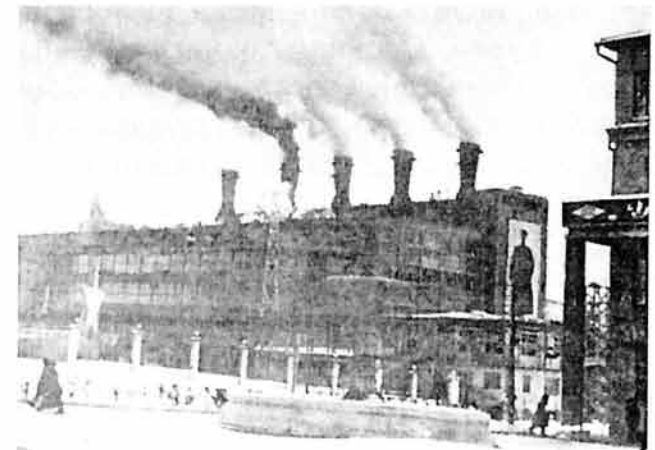
пацанов из училища - меня, Селиванова, Комарова, Ларина, - заставил держаться подальше, а сам взялся краном снимать статор. Пошел подъем. Тросы напряглись. Нет подъема! Вторая попытка. Вдруг огромной силы грохот! Казалось, лопнули тросы. На самом деле, оторвались сварочные «прихватки», которыми к платформе для подстраховки закреплен был наш ценный груз.

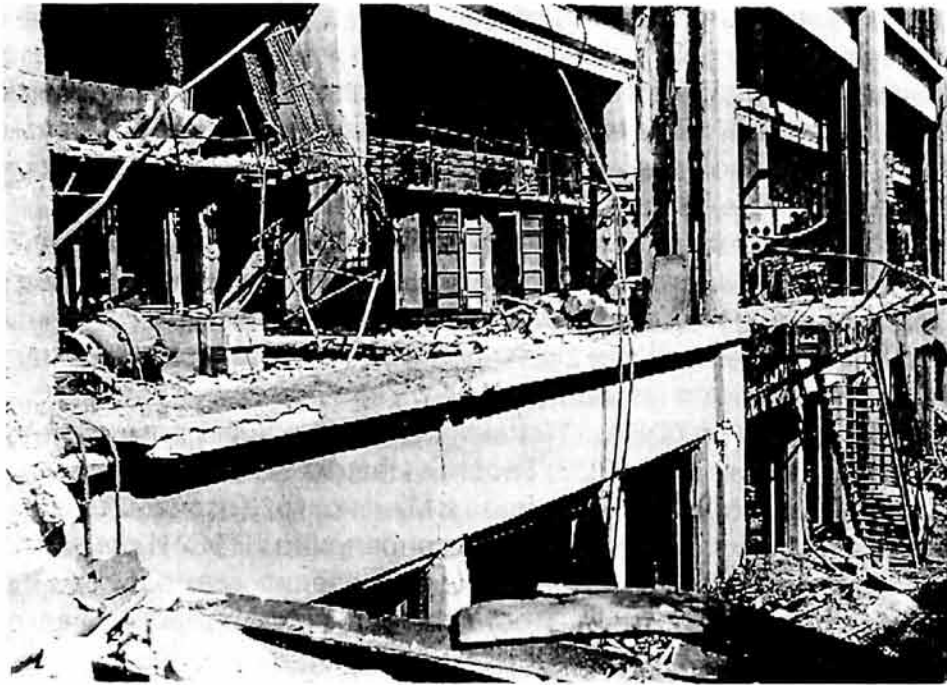
После грохота в полной тишине послышался нервный хохот. Так Харитонов, перепуганный, отреагировал на случившееся. С крана на землю он спускался бледным. Много позднее признался начальник, что боялся гибели людей внизу: лопнувшие тросы могли бы снести всех, кто находился на площадке монтажа.

З.И. ЕЛИСТРАТОВА: - Первый директор нашего ремесленного училища энергетиков (РУЭ) Георгий Иванович Ажикин приехал из Москвы (посланцем от комсомола и Минэнерго) с отрядом молодых добровольцев специально на восстановление ГРЭС. И как раз в ту пору в Сталиногорске возникла идея создания «ремеслухи». Тем более, руководитель готовый есть: Ажикин, вожак добровольческого отряда, специалист-энергетик.

С годами ремесленное преобразовалось в ПТУ-3. Но всякий раз на все юбилеи профучилища мы, первые выпускники, приходили, чтобы рассказать о тревожных, памятных годах восстановления электростанции, о том, как воспитывали нас герои-труженики тыла, пока шли с фронтов солдатские «треугольники» воинов из Сталиногорска.

ВЕДУЩИЙ: - Уважаемые гости! Читателям сообщаю, что у всех у вас, участников заседания в «Клубе», есть

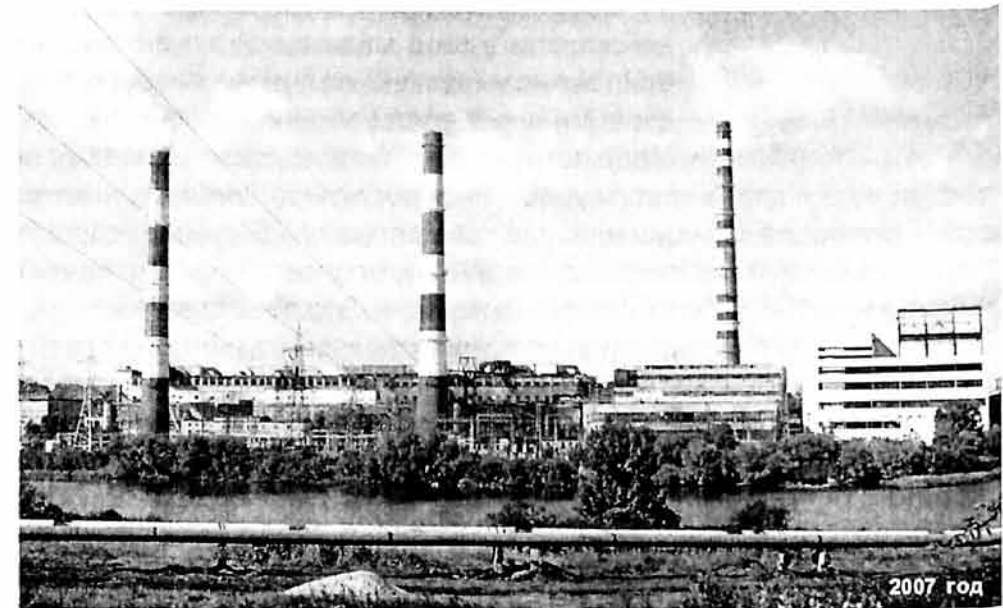

согревался чаем на смородиновом листе вместе с рабочими цеха. А министра на «Волге» без охраны и не иномарке представить можете? Все было проще, человечнее.

Из наград - их много - выделяю памятный знак в честь 800-летия Москвы. Не было б его в природе, кабы дошел Гитлер до своей цели.

З.И. ЕЛИСТРАТОВА: - Ветеран войны, труда, отличник энергетики - это все обо мне. еще грамот много, медалей, дипломов: жизнь-то большая. Но более всего помню свою первую награду. Принято было поощрять людей военного времени протоварами. Кому сапоги кирзовые, кому шапку.... А мне (кажется, на 16-м году жизни) «выпал» отрез кашемировый. И награда эта учтена в трудовой книжке! Запись отдельная! Могу показать.

ВЕДУЩИЙ: - Спасибо всем за эту любопытную, познавательную беседу. Думаю, читателю интересен ваш замечательный урок мужества, стойкости и труда во имя восстановления Сталиногорска, возрождения экономики страны после гитлеровского нашествия.

награда: медаль за доблестный труд. Знаю, у каждого много и других отличий: орденов, медалей, званий, титулов. Назовите, пожалуйста, те, которыми более всего горды.

В.А. МОРОЗОВ: - Меня вывела в люди моя «заводская проходная». Окончил техникум, стал мастером. ГРЭС - мое предприятие с дней восстановления. Помню первый объект: третья турбина. Там и сейчас жива подкладка под агрегатом, которую мы с пацанами военного поколения заливали бетоном с точностью до микрона.

А.В. ГЛАДКОВ: - Почетно быть заслуженным энергетиком Минтопэнерго. По праву считаюсь ветераном Великой Отечественной войны и горжусь этим, думаю, по праву.

О.А. ГУСАРОВА: - Людьми горжусь, с которыми довелось встретиться в лихолетье сороковых. Что-то редко слышно теперь, чтобы в трудный период директор ночевал на производстве,

«Круглый стол» (апрель 2007 г.)

Работал на Победу гигант химии

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ: ветераны войны и труженики тыла, бывшие работники флагмана российского химического производства - Сталиногорского химкомбината - Александр Васильевич ХАРЧЕНКО, Вера Ивановна КАТОРГИНА (Редькина), Владимир Петрович ТЕЛЫШЕВ, Ксения Петровна ИЛЬИНА (Петренко), Василий Иванович ДРОКОВ.

ВЕДЕТ ЗАСЕДАНИЕ корреспондент «НП» Александр Пырьев.

ВЕДУЩИЙ: - Приветствую вас, уважаемые гости. Мы собрались, чтобы рассказать землякам, как возрождался, работал на Победу химический комбинат, о людях, которые трудились под лозунгом «Все для фронта». Для начала приведу цитату из германской прессы: «Русский противник повержен и никогда не сумеет подняться». Так хвастливо заявил Гитлер 3 октября 1941 года.

В.П. ТЕЛЫШЕВ: - Время действительно было тяжелое. Враг бомбардировками с воздуха стремился нанести урон промышленности столицы. В течение лета и осени 1941 года налеты на Москву совершались почти ежедневно. Постепенно линия фронта приблизилась и к нашему городу. Я пришел на комбинат в 1942 году, но знаю, что еще в ноябре 1941-го все ценное оборудование было демонтировано и

отправлено в тыл.

23 ноября фашисты захватили Сталиногорск. Вскоре город был освобожден советскими войсками, но за короткий срок почти все, созданное годами упорного труда, было разрушено. Общий ущерб, нанесенный предприятию гитлеровскими захватчиками, по официальным данным, составил 176 млн. рублей.

К.П. ИЛЬИНА: - Летом 1933 года из Гомельской области в поисках лучшей доли наша семья перебралась в Сталиногорск. Мама стирала

белье людям, чтобы семье сытнее жилось. И получилось так, что «по благу» аж в ноябре я была принята на учебу в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО). Действовала она на химкомбинате, который строил в ту пору хлорный цех. На предприятие я затем пришла с «корочками» лаборанта.

...Войну, эвакуацию помню. Все говорили, что оборудование увозится в Кемерово. Сами мы не уезжали. Жили в 7-м Стахановском поселке, куда

осенью 1941-го вошли фашисты. Боялись оккупанты партизан больше, чем красноармейцев. Квартировали они в нашем доме на соломе, которую всякий раз ворошили на ночь. Однажды приходят и говорят: «Все, отвоевались. Капут немецкому солдату!».

Как же это было приятно слышать в сорок первом году! Больше двух недель сидели мы тихо-тихо в собственном доме. Наши постояльцы вели себя прилично. Но что в городе творили оккупанты, не забуду. Сама видела повешенных возле Дворца культуры. Еще помню, как в санях свозились трупы сталиногорцев в Урванский лес, где вечный огонь теперь горит в память о погибших.

Помню, в военные годы, как и в начале 1930-х, в цехах химкомбината крайне не хватало людей, особенно специалистов, трудно было с питанием, строительными материалами, оборудованием для монтажных работ. Из-за отсутствия чертежей многие сложные работы выполнялись по памяти тех, кто хорошо знал производство. Большинство рабочих жили и спали прямо в цехах...

Мой любимый хлорный цех от бомбежек пострадал не очень. Лаборанткой я пришла, была старшей, заведующей, мастером, аппаратчицей. Знаю, как трудно жилось химикам. Надо помнить, что, кроме работы на предприятии, мы помогали колхозникам. Были обязательные субботники. Усталость не признавалась. Устал - уходи! Так было. Никто не уходил: килограмм хлеба рабочего - это все-таки не 200 граммов «иждивенческих».

В 1942-м был опубликован приказ о возвращении всех бывших

химиков на комбинат.

Сорок второй стал годом второго рождения химического предприятия. Сразу после освобождения города началось его восстановление. Это был трудовой подвиг людей военного поколения. В ночь на 1 января 1943 года химики выдали Родине, мужественно сражавшейся с врагом, новогодний подарок - первые тонны аммиака. Впервые в условиях войны коллектив был награжден переходящим Красным знаменем Государственного Комитета Обороны. 40 человек отмечены орденами и медалями Советского Союза, сотни передовиков производства занесены в общекомбинатскую книгу «Гвардейцы труда».

ВЕДУЩИЙ: - Есть просьба. При малейшей возможности упоминайте, пожалуйста, тех, кто трудился рядом. Химкомбинат в тридцатых был общесоюзной, всенародной стройкой. Второе рождение гиганта - по сути та же стройка.

В.И. КАТОРГИНА: - В годы войны по инициативе комитета комсомола, возглавляемого молодым рабочим Иваном Кусакиным, на комбинате получило широкое распространение соревнование за звание «фронтowej цех», «фронтowej бригада», «фронтowej смена». Они присваивались не сразу: заслуживались огромным трудом. Лучшие представители «фронтowych» коллективов - бригадир слесарей Веревошкин, генераторщик Жиров, мастер Синяков, бригадиры Каторгин и Рассказов, токари Куприянов и Сериков, кузнец Харин - были занесены в Почетную книгу

предприятия, названную «Гвардейцы труда». Их повседневный самоотверженный труд нередко был действительно сравним с настоящими фронтowymi сражениями, позволял с каждым днем буквально отвоевывать все новые и новые рубежи у послеоккупационной разрухи. И результаты были сопоставимы с настоящими фронтowymi успехами. Уже в 1944 году объемы производства продукции по сравнению с 1943 годом выросли на 33

процента, при этом себестоимость продукции была снижена на 13,7 процента.

В.И. ДРОКОВ: - У меня есть ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. А начинал трудовой путь во время войны. К апрелю 1944-го закончил семилетку. Помню заводского директора РМЗ, что был при комбинате, Алексея Дмитриевича Бережного. Это он спросил, сколько у меня классов. А потом решительно добавил: «Будешь токарем-расточником!». К тому времени умнейшего парня Колю Куприянова, моего предшественника, на фронт забрали.

Бережной, наученный горьким опытом, «влепил» мне сразу пятый разряд: чтобы в армию не забрали. Коля Куприянов геройски погиб на фронте...

Расточный станок, который мне доверили, был в городе единственным. Это не винторезный! У меня резец крутится вокруг детали, а не наоборот.

Бывало, привезут корпус машины из цеха, а сам цех стоит! «Выручай, Вася! Страна на тебя смотрит!» (Впрочем, чаще Василием Ивановичем называли. С семнадцати годов повелось это: очень уж звучное сочетание имени с отчеством, прямо как у Чапаева). Легко сказать, «выручай!». Бывало, неделями из цеха не выходил. Из метанолового, компрессорного, аммиачного производства приходили заказы. А если из «6-12» заявка - вообще все в сторону откладываешь: с оборонкой шутки плохи!

Что выручало? То, что смекалистый наш народ. Мужиков помню - Писаренко, Дмитриева, Титова, Серикова. Это были настоящие отцы, воспитатели, профессионалы с довоенным стажем. Самого Бережного к этому же разряду редких специалистов и патриотов производства отношу. На своей трофейной немецкой «душегубке» носился наш директор Бог знает где, абы обеспечить успех в работе, когда «заклинивался» какой-то участок.

По юности помню гудок, который всегда звучал синхронно с ГРЭСовским: в 7-30 утра. Вечерний сигнал не помню. Специалисты дневали и ночевали на производстве.

ВЕДУЩИЙ: - Чувствую, каждый из присутствующих способен об истории предприятия рассказывать со знанием предмета и обстоятельств времени.

В.И. ДРОКОВ: - Мы все, здесь собравшиеся, знаем определенно, что славу комбинату приносили в годы войны не только рабочие и инженеры, восстанавливавшие разрушенные производства. Героями становились химики еще и далеко за пределами родного предприятия. Сотни из них были удостоены высоких боевых наград. Одиннадцать человек стали Героями Советского Союза. Это - Семен Федотов, Матвей Стрижков, Василий Фалин, Александр Карпов, Александр Демидов, Василий Батяев, Георгий Курбатов, Николай Арчаков, Николай Присягин, Михаил Фролов и Сергей Кукунин (посмертно).

В день празднования 25-летнего юбилея Великой Победы на заводской территории, возле центральной проходной, был торжественно открыт монумент - памятник воинам-химикам, павшим в боях за свободу и независимость Родины. Золотыми буквами на обелиске высечены 224 имени сталингорских химиков, отдавших свою жизнь в борьбе с фашизмом. У подножия монумента с тех пор горит вечный огонь, напоминая живым о боевых подвигах героев-земляков.

А.В. ХАРЧЕНКО: - Могу продолжить. В музее нашего предприятия хранятся сведения обо всех участниках войны и тружениках тыла. Есть там и мое имя, работал я на комбинате с декабря 1942 года. Были потом и династии, в том числе с моей фамилией.

Но не во мне, конкретном, дело. За достигнутые успехи в годы второго рождения химкомбината предприятие было удостоено высшей государственной награды - ордена Ленина, 382 человека были награждены орденами и медалями. В разные годы высокое звание Героя Социалистического

Труда было присвоено Алексею Бережному, Александру Гринюку, Нине Семенович и Розе Тихоновой.

После освоения производств-миллионеров инженеры, техники и рабочие ведущих профессий Новомосковского «Азота» стали частыми гостями во многих странах - Корее, Болгарии, Румынии, Польше, Венгрии, Кубе, Афганистане, Сирии, где в качестве консультантов оказывали помощь своим коллегам, возводящим подобные крупнотоннажные цеха. Все новое, что внедрялось в те годы в химической промышленности Союза и стран дружества, было создано и успешно опробовано в Новомосковске.

ВЕДУЩИЙ: - О нашем прославленном коллективе можно говорить бесконечно. Но того довольно, что мы хотя бы в штрихах обозначили время возрождения комбината. Задолго до Великой Победы химики Сталиногорска включились в работу, которую страна назвала в числе важнейших составляющих успеха в разгроме врага.

Всем спасибо за содержательный разговор.

Помним...

12 июля 1943 года. Сергей Александрович Кукунин, ушедший на фронт прямо из цеха химкомбината, повторил подвиг Александра Матросова - своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

9 июля 1944 года. На общекомбинатском митинге химики решили отчислить двухдневный заработок на постройку танковой

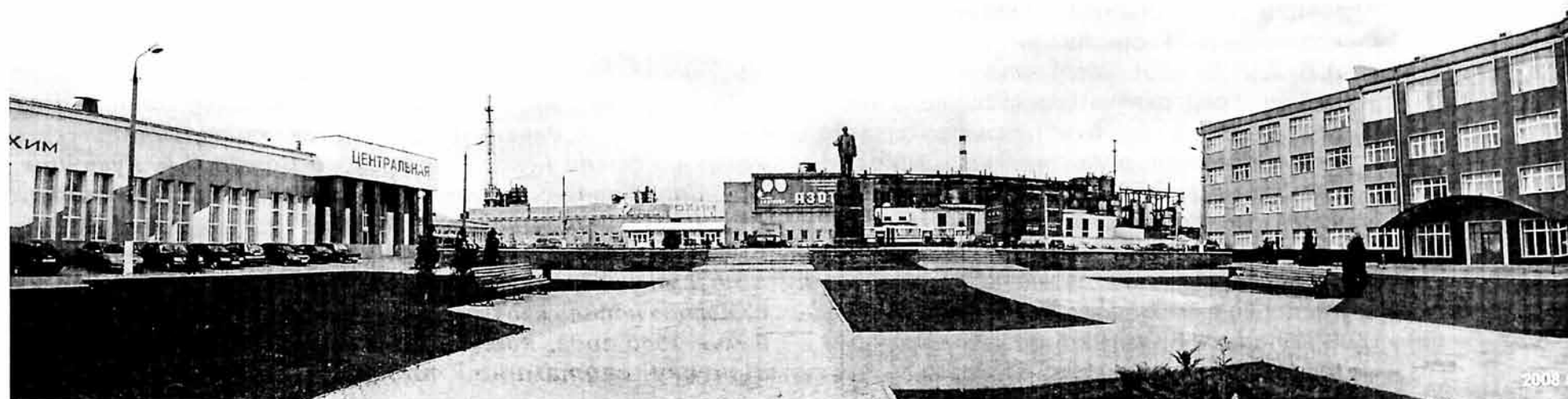
колонны имени Героя Советского Союза С.А. Кукунина и вручить боевые машины воинам гвардейской части, в которой сражался наш земляк-герой.

В 1965 г. именем С.А. Кукунина была названа одна из улиц г. Новомосковска. Пионерские дружины и отряды школ города с честью носили его имя.

9 мая 1945 года. Коллектив химкомбината приступил к выпуску «витаминов плодородия» для повышения

*урожайности полей Родины.
1946 год. Годовой план выполнен досрочно - 26 декабря.
Коллектив химкомбината внес большой вклад в дело
послевоенного восстановления промышленности и развития
народного хозяйства СССР.*

Иван КУСАКИН

В пламени войны рождалось единство

Иван Федорович Кусакин, бывший производственник, комсомольский, партийный вожак, ныне председатель ветеранской организации НАК «Азот», живо помнит дни восстановления химкомбината после оккупации Сталиногорска немецко-фашистскими захватчиками в 1941 году.

ОТДЕЛ кадров Сталиногорского химкомбината в 1942 году не отказывал никому из желающих работать на восстановлении предприятия. Прокормиться проще, когда горячее питание гарантировано да еще буханка

хлеба с собой.

Глазами живого свидетеля и участника восстановительных работ на химкомбинате я, выпускник ремесленного училища, так оценивал ситуацию 1942 года: снег, холод, полное отсутствие отопления в цехах...

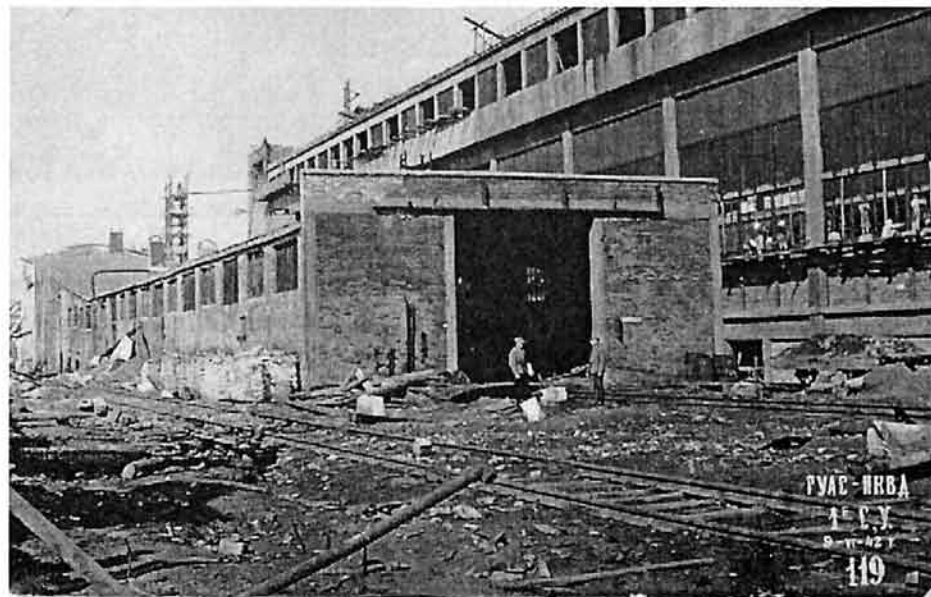
Помню кашу, которую варили с друзьями. Даже запах паленого хлеба памятен, потому что зерно выдавали на «едоков» с элеватора поселка Маклец, горевшего в огне немецких бомбардировок. Помню «ремеслуху». В сорок втором власть нашла возможность обути и одеть труженников тыла: спецодежда была, шапки и рукавицы тоже

были обязательными в сезон холодов.

С питанием было сложнее. Добычливый крестьянин жил заметно лучше. И ремесленники очень радовались, когда кто-нибудь из местных, не городских, приглашал в дом, где, естественно, «угощали». Благо, многие сельские хаты соседствовали с проходной.

Рабочий день был, как сейчас принято говорить, ненормированный: наш непосредственный начальник Сухомесов оставался в цехе допоздна, а утром являлся ни свет ни заря. Главного инженера Конюхова можно было застать на рабочем месте и на рассвете, и в полночный час: все смены держал на контроле этот редкий специалист. Война задавала особый режим. Такого единства трудового коллектива никогда я не знал, хотя с комбинатом связана вся жизнь.

На восстановительные работы после разрушения предприятия фашистами и вынужденного уничтожения многих цехов приходили главным образом молодые сталиногорцы – вчерашние подростки. Все тяготы ложились на их хрупкие плечи. Немного позднее полегчало. Подъехали наши же специалисты из районов эвакуации. Военные появились: была в войну в прифронтовой зоне служба строительства

и эксплуатации аэродромов.

Восстанавливали цеха зачастую по эскизам чуть ли не на промокашке школьной тетради. А случалось - и вовсе по памяти первостроителей. Подтягивались эшелоны из Сибири со станками, прочим оборудованием. Специалист ткнет пальцем в определенное им место: «Устанавливай!». Болты, гайки, винты, муфты мы, мальчишки, по цехам ведрами собирали. Даже в этом деле что-то вроде соревнования возникло.

С пуском первых машин жить начали чуть лучше, комбинат ввел спецталоны на питание. И первое к обеду, и второе. Масло появилось и даже белый хлеб: 150 граммов.

На производстве тоже дело стало ладиться. На вредном производстве всем выдали противогазы. Забота о людях возводилась во главу угла.

В горниле великого пламени закалялись характеры. Рождалось единство народа. Если ставилась задача – ее выполняли

беспрекословно. Так 13 июня пускался метанол. У пуска генератора – своя дата. Для ректификации тоже срок означен. Генераторный цех по праву считался главным. И первую продукцию, помню, обязаны были выдать к январю 1943 года. Накануне - 25 декабря - поставили колонну синтеза на подогрев. В ночь на 1 января все свершилось – вышла первая продукция. Именно в эту ночь, принято считать, во второй раз родился Сталиногорский химкомбинат.

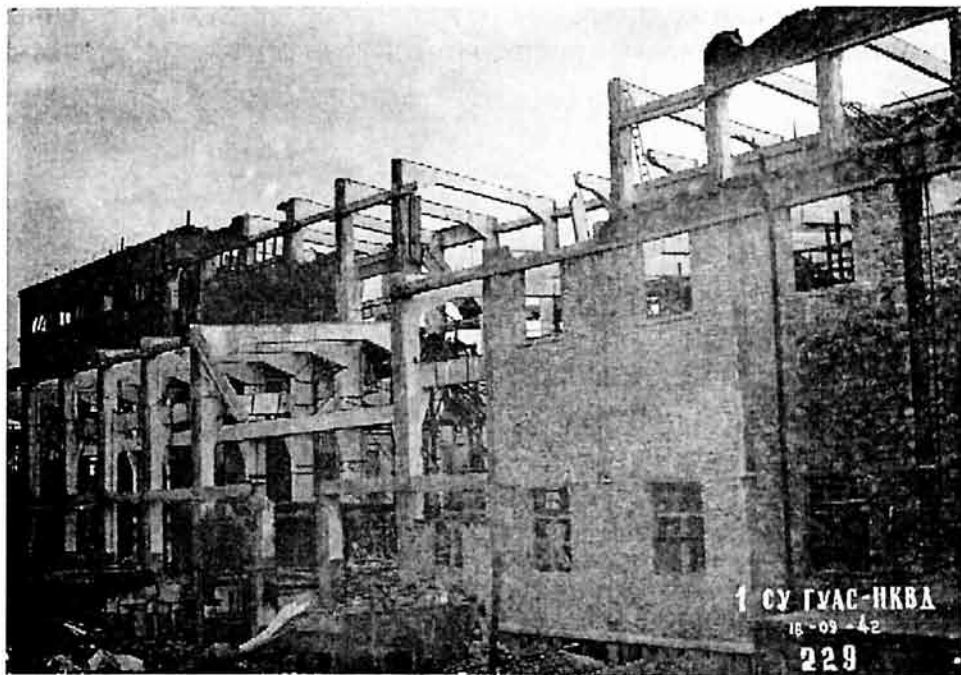
Городская власть и лидеры градообразующего предприятия Сталиногорска даже в годы страшной войны думали о будущем. На нашу территорию продолжали падать бомбы, когда город начал строить хлебозавод, больницу. Родильный дом стал одним из важнейших объектов. Возводилось жилье. В 1942 году был создан драмтеатр. Через год в Тулу пошли первые автобусы, строились школы. Удивительно, но первая в истории Сталиногорска библиотека была замыслена городскими лидерами тоже в те грозные сороковые.

Строительные субботники стали нормой для наших химиков, энергетиков, шахтеров. Вместе думали о переправе через Шат, чтобы сподручнее было принимать грузы из столицы и других городов центра России. Важнейший послевоенный объект – детский дом – тоже стал всеобщей заботой. Химики сразу взяли шефство над ребятами и обеспечили круглым сиротам завидное содержание.

Война еще не ушла, а химики создали в городе детские столовые. Для нас, молодых ребят из цехов, комбинат добился создания первой в городе школы рабочей молодежи (ШРМ). Вечерний техникум для пополнения кадров (это уже 1943 год) - тоже идея химиков.

Предприятие буквально заставляло всех молодых тружеников учиться. Помню даже приказ главного инженера Коваля, где четко было расписано: какой рабочий куда пойдет осваивать знания и по какой специальности.

Главному инженеру многотысячного предприятия со сложнейшей производственной структурой Конюхову было на момент назначения 28 лет! Начальником в электроцехе был 26-летний Мужичков. Пацаны из моего поколения в войну выросли много быстрее.

Александр КАМЕНСКИЙ

Лихолетьем начиналась биография

В БАРАКЕ № 3 по улице Бригадной в ночь на двенадцатое декабря 1941 года собралось много постояльцев из конников дивизии-освободительницы генерала Белова. А в том бараке жил четырнадцатилетний Женька, однофамилец прославленного полковника. Солдатка Евдокия, жена слесаря кислородного цеха комбината Ивана Белова, ушедшего на фронт, с другими детьми потеснила соседку-приятельницу. А Женьке, оставшемуся в барачной двухкомнатной «хате» за хозяина и истопника, выпало счастье общаться с парнями-кавалеристами.

Мужики спали вповалку, но не все сразу. Исстрадавшиеся ожиданием свободы обитатели барачных и землянок несли в дом Беловых съестное: огурцы, картошку, квашеную капусту – кто чем был богат. Бойцы не скромничали: с благодарностью принимали провиант.

Это много лет спустя в кино видел Евгений Белов, как отдавали бойцы свои солдатские пайки. В декабре же 41-го кавалеристы сами досыта не ели. Да и одеты были освободители «разношерстно»: большей частью – в шинельках поверх телогреек. Утром предстояло выбивать врага с «юга» Сталиногорска. В общем, не стеснялись солдатики, уминая печеную картошку под капустку да хрустящие бочковые огурчики. Досыта, вволю кормили с вечера лошадей. Кони были резвые, и корма для них в обозе было припасено много.

Лошадки, впрочем, показались хозяину-истопнику низкорослыми против местных и в отличие от наших уж очень лохматыми. «Кони - монгольские», - пояснил кто-то из бойцов.

На заре в минуты сбора кавалеристов в новый поход сделал для себя Женька Белов еще одно открытие. Шашки с наганами были только у верховых. Бойцы с «трехлинейками» и автоматами (в т. ч. трофейными) занимали места в санях-розвальнях и, надо понимать, в атаку вслед за ударными отрядами шли как стрелки-пехотинцы.

Утром все обитатели не спавшего рабочего поселка вышли проводить освободителей. Старики совали в пазухи солдатам табачок для перекура, хозяйки наделяли их соленьями. А баба Аня, Анна Семеновна Демина, которая первой в «копай-городе» получила «похоронку» на мужа, вынесла два караваев - черных, но еще горячих. «Сынки! – сказала безутешная вдова - Гоните, бейте иродов!..».

Всхрапнули лошади. Заскрипели полозья. Ночные постояльцы ушли в новое морозное утро войны.

Евгений Николаевич Белов привел этот рассказ как единственный радостный эпизод из военного мальчишеского лихолетья. Дни оккупации – самые мрачные страницы. По малолетству его самого не тронули. Но парня постарше – Колю Бессмертных – фашисты повесили. Видел он это своими глазами. Видел расстрел Колиного командира по отряду сопротивления - Володи Петухова, по счастью оставшегося живым. Его, брошенного на мусорку, подобрали, вылечили с риском для жизни односельчане. Там же, на севере Сталиногорска, где принял смерть Николай, был расстрелян друг детства Вася Анискин.

Жили в войну впроголодь. После известия о гибели отца на Калининском фронте – еще и в великой тоске. Меж тем подросший Женя получил право работать на комбинате. Определили его токарем, а станков еще и в помине не было: не успели вернуть из тех районов, куда отправили технику, чтобы не досталась врагу. Белов с ровесниками 15-16 лет, пока плутали эшелоны, собирали болты-гайки-шайбы-втулки, сортировали по резьбе, сечению и тем пополняли «инструменталку», ими же созданную для будущих монтажных работ. Работал Женя подручным у газосварщика, учился слесарному делу. С пуском газогенераторного цеха (1943 год) назначили Белова аппаратчиком. В те дни и почувствовал семнадцатилетний профессионал-химик, что «грамотёшки» ему не хватает. С восьмого класса пришлось начинать учебу в школе рабочей молодежи. Толковый был директор ШРМ Дмитрий Васильевич Шеин. Начальству в напряженной работе по восстановлению комбината важны были сроки, рабочий ритм, трехсменка. Однако на учебу школьников отпускали.

Потом, годы спустя, Евгений Николаевич еще много учился, но школу рабочей молодежи крепче всего запомнил. Жара, раскаленный металл генераторных печей, газы, которых защита не выдерживала,

обмороки... И после такой полной (а то и с д в о е н н о й) смены шел Белов в числе таких же подростков в свой восьмой, девятый, десятый класс.

Послевоенный начальник цеха К и р и л л Константинович

Кильшеп, его технорук, боевой офицер и дипломированный инженер-химик Дмитрий Николаевич Сухомесов буквально заставляли каждого учиться. Из 350-ти штатных сотрудников газогенераторного всеми формами обучения были охвачены не менее половины. Более того. Кильшеп и Сухомесов лично читали лекции работникам на каждом участке производства. В те годы развивалось наставничество: опытные производственники обязаны были воспитать ученика. Надо ли теперь говорить, что именно цеховые школы профессионального мастерства обеспечивали успех всего предприятия?

Ушли в далекое прошлое так называемые «хлопки» (взрывы неисправного оборудования), а с ними людские трагедии. Комбинат и его цеха пережили генеральные реконструкции. «Азот» вышел на небывалые объемы производства. В 1957 году Евгений Николаевич защитил диплом в столичном политехническом институте. И далее уже все годы до пенсии «ходил в начальниках». Профессионал, настоящий химик улыбнется этой фразе. Ему-то понятно, что мастер-технолог, начальник смены (да хоть бы и цеховой «зам») – это те же работяги, пахари, «играющие тренеры» в команде. Только спрос с них иной. И расправа с ними бывает короче... Сам Евгений Николаевич через такое прошел.

Волей партии он был переброшен на укрепление Болоховского химкомбината. Шесть лет добросовестно старался выполнять поручение обкома в должности главного инженера. Завод вошел в ритм – попросился Белов назад, на родной «Азот». В обкоме – против: работай, мол, где велено. «Хлопнул дверью» Евгений Николаевич, на расчет подал. Никто на родном комбинате не отважился нарушить устное указание обиженного обкомовского секретаря: выше начальника смены Белова на «Азоте» не назначали.

Не другие «ветры» подули – просто секретарь тот смещен был, когда Евгения Николаевича утвердили в должности начальника цеха очистки. В пенсионерах он с 1977 года, но до 1990-го продолжал работать. С 1943 года о-го-го какой стаж получается!

Александр КАМЕНСКИЙ

Войну прошли такие непохожие...

Виктор Павлович Янков в канун 50-летия Великой Победы получил «от ворот поворот» в со своими воспоминаниями. Вернуться с войны без орденов и «весомых» медалей... «Не тянет» на юбилейный фанфарный мотив предстоящих торжеств. С тем и ушел «не проявивший» геройства фронтовик из кабинета вчерашнего выпускника факультета журналистики.

Разговорчики в строю

НАВЕРНОЕ (надеюсь), тот мальчишка за пятнадцать лет службы в своей газете заматерел и понял, что нельзя примеривать все солдатские судьбы на одну геройскую «колодку».

Восполним пробел и скажем несколько слов о мальчишке Витьке Янкове. Рос он в большой семье, что ютилась в бараке у стен Сталиногорской ГРЭС. Среди младших был старшим. У деревни Черная Грязь впервые стрелял из мосинской «трехлинейки». Перед войной всех пацанов этому учили.

Когда беда все-таки пришла, своими глазами видел весь ужас фашистского нашествия. По малолетству в Красную Армию не был призван. А когда фронт откатился далеко на запад, подошли годы: все семнадцать.

В семнадцать выпил первую чарку водки. Вещмешок уже был за плечами. Отец обнял. Набожная маманя перекрестила. Вот и все прощание. На пять лет. Хорошо — не на всю жизнь.

На какой-то московской швейной фабрике (там был сборный пункт) была драка с рязанскими пацанами, укравшими «сидорки» у наших и быстро все сожравшими. Когда приехали «покупатели» из Горького, обе стороны с фингалами и кровоподтеками шагали рядом за фронтовыми офицерами.

В землянках под Марьиной Рощей вместе «зализывали раны». Офицеры организовали баню для всех, и после помывки стриженные наголо новобранцы вовсе сравнялись: стали бойцами 192-го полка 1-й Горьковской стрелковой бригады.

Был март 1943-го. Менялась форма. Ввели погоны, которые, ассоциируя с царским офицерством, одноглазый (с фронта) командир роты Лунев ненавидел и потому зверел: с утра до вечера «ать-два!», «лечь-встать!». Пацаны платили тем же. Рядовой Лазарев «нечаянно» выплеснул на пол из стакана стеклянный глаз командира. Рота ночью была поднята: «В противогазах бегом туда, по-пластунски — обратно!». Вот так война начиналась у солдата Янкова.

В части свои нагрузки: бег — на три, лыжи — на десять километров. На дистанциях хоть плачь. А домой с радостью писал: «В росте я прибавил за год аж на семь сантиметров, сравнялся со штыком «трехлинейки!»

Бригадные соревнования, марш-броски, изматывающая «шагистика», редкие увольнения... Военных в театры пускали бесплатно. Ротный запевала Янков норовил нырнуть в оперный. Музыку любил, но чаще предпочитал выспаться в роскошном кресле.

Это тебе не землянка, где сон вповалку и храп вместо скрипок и пения.

Не теряй «головы»

БЫЛ бой. Учебный. Добежали своим подразделением до луковой плантации. Ба! Стрелки! Сочные! Там и залегли, пока не наелись до икоты. В другом «бою» сарайчик на пути оказался, а в нем молоко бидонами. Не напились еще, когда тетка какая-то шум подняла. В суматохе один пацан пилотку обронил.

Объявили построение. Ротный смотрит, у кого голова без убора. Нету такого! Потом выяснилось, взводный выручил своих «желторотиков»: резервную пилотку подсунул, спас от позора. Суди-не суди, а было единство фронтового начальства с подчиненными. И строги были командиры, и жалостливы. Уж они-то знали, в какое пекло завтра пойдут еще не обстрелянные бойцы. Ну, не отдай сегодня взводный пилотку, за ту проклятую кружку молока завтра бойцу трибунал, штрафбат. А там из десятерых и один-два редко выживали...

Это был июнь 1943-го. Горький бомбили прицельно: автозавод, станция, завод авиадвигателей, мосты через Волгу и Оку. Москвичи и рязанцы, Бог знает кто еще, - все пацаны «учебки» тушили пожары. При очередной тревоге забивались в земляные щели, как в бочку селедка.

Страшный эпизод помнит Виктор Павлович. Хихикали, да чего там – заигрывали с девчатами-вахтерами у заводской проходной. Столковались встретиться после вахты, если у курсантов досужий час выпадет. Вдруг налет с воздуха. Парни в «бочку». Пара минут. Поднимают головы, а на месте проходной... огромная дымящаяся воронка.

Характер «чистит» погоны

БЫЛ ИЮЛЬ, когда пришел приказ отправляться на фронт. Ура! Вдруг Ваню Романова, Витю Янкова - младших сержантов - заставляют обучать бойцов маршевой роты. Зачем?! Большинство из них уже нанюхались пороху, были ранены. Рассказывают восемнадцатилетние командиры «старикам», как окапываться, как вести прицельный огонь. А они: «Сядь, сынок, отдохни. Мы покопаем, постреляем – придешь, проверишь».

Было это в Красных казармах на берегу Волги. Друзья одеты прилично. Питание само собой... Но стыдно. По рапорту хотели за своими на фронт увязаться. А тут зима. В Гороховицких лагерях честь своих подразделений лыжники защищали. Друзья наши «с разгону» лучше всех «тридцатку» при полной выкладке пробежали, гранаты куда надо забросили.

По сценарию привычному должны бы наши оба героя снова на фронт записаться. Но как тут устоишь, если в благодарность за победы в спортивных баталиях им отпуск домой предложили. Конечно, по домам!

Недолго «форсил» сержант Янков перед девчатами поселка Цирканала. С Романовым они еще раньше договорились после отпуска - сразу на фронт. Встретились в Горьком, подали рапорты. Не отпустили. А за «настырность» – гауптвахту схлопотали. С «губы» вышли уже с чистыми погонами рядовых. Был конец мая 1944-го.

Запах пота, запах боя

ПОПОЛНИВ стрелковый полк 276-й дивизии, рядовые Романов и Янков рыли землянки в Черниговской области для комсостава. Брянск, Сухиничи, Вязьму проходили в дни операции «Багратион».

Потом пески под Полоцком. Жара. Миражи. Изнуряющие ночные переходы.

Латвия, Литва. Донимают «мессершмитты». Жертвы. И так все 800 километров. И только 29 июля 1944 года свершилось: был первый бой на севере Литвы. Возвратилась разведка. Фронтовые порядки развернулись к атаке. Старшина приказал отдать пулемет в соседний взвод. Остался Виктор Янков с двумя «лимонками». Бросил одну в того, похожего на изуверов, зверствовавших в Сталиногорске. Ранил. Старшина начал раздевать врага. Виктор выхватил из кобуры фашиста пистолет, но и его тоже отобрал старший по званию. «Какой же ты солдат с одной «лимонкой»?» - подумал Янков и нахально забрал у старшины автомат. «Попробуй, - сказал, - возразить: изрещечу!». С тем и побежали вместе с Романовым за немцами. Какой-то Сашка со снайперской винтовкой увязался. Этот парень подстрелил одного из драпающих фашистов. Обезоружили. В бумажнике нашли фото, где этот самый гад стоял над трупами наших солдат. Хладнокровный Сашка прохрипел: «Смерть за смерть!». Виктор Павлович до сих пор не может забыть, как разлетелся в клочья вражеский череп...

Вся остальная фронтовая жизнь бойца Янкова – сплошная погоня. У Ивана Романова он был «вторым номером» при пулемете. Очень скоро этого верного друга потерял. Нет, его не убило. С ранением в голову отбыл боец в Россию, и больше о нем Виктор не слышал. А с тем пулеметом еще долго ходил-колесил по Европе «первый номер» Янков.

Но раньше прибытия под стены Берлина сам Виктор Павлович получил ранение.

После выздоровления «грамотного» Янкова (9 классов все-таки!) совсем уж было отправили в морскую авиацию. Медики возразили. Всего-то и признали «годным к строевой». Это было 11 декабря 1944 года.

На коне, но не джигит

ДОГОНЯЛ войну Виктор Павлович... на лошадях. В Коврове кавалерийская бригада опытного стрелка приняла как родного. Бойцы-буденовцы шли вслед за танкистами, занимаясь, как теперь сказали бы, зачисткой местности от врагов. 12-й гвардейский казачий полк 3-й

казачьей бригады – таков был адрес полевой почты. Прага, Варшава, Познань – сотни верст, тысячи дорог.

«Слава казачья – жизнь собачья», - так говаривали в полку. Танкисты, например, заглушили моторы, спать легли. А казаки еще помыть-почистить лошадей должны, коновязи обустроить, накормить животных.

Помнит Виктор Павлович, у Познани стояли. Какая-то местная полячка привела фрицев. Вырезали эти гады вначале полковых музыкантов. Стали к пулеметам подкрадываться. А Янков в карауле был при оружии. Крикнул одному, чтоб он руки вверх поднял. А поднялись из подлесника около десятка здоровенных фашистов. Чуть сердце не оборвалось: испугался. Хорошо, другие казаки подоспели.

После 1 мая 1945 года больше ни разу Виктор Павлович Янков не стрелял по живым мишеням. До Эльбы эскадроны буквально брели. На войне все решали уже тяжелая техника да пехота-матушка.

Скоро остановились на постой у одного зажиточного немца. В ночь на 9 мая вдруг раздалась беспорядочная стрельба. Победа! Все ликовали. Хозяин «раскошелился» на бочку доброго вина. А солдату Янкову (вот ведь досада!) в эту ночь караульная служба выпала. Рассказчик мой тоскливо, словно 65 лет назад, пожимает плечами: «А что поделать?! Мне и потом не очень-то светило в жизни. И пиво в советских очередях очень часто именно на мне заканчивалось!».

Потом улыбнулся лукаво: «Но есть другое везение! Я жив! Пять лет в войсках, включая войну. Выучился. Работал, воспитывал детей. Недуги отступали. И пивка попил. И водочки за Победу».

Александр ПЫРЬЕВ

Юность в шинели

Степан Яковлевич Поздняков, рожденный на Рязанщине в крестьянской семье, с 30-х годов прошлого века проживал в Сталиногорске, куда на строительство «Новой Москвы» в поисках лучшей доли переехали родители. Земляк известен нам как фронтовик, участник возрождения города и его промышленного севера после фашистского нашествия. Долгие годы он работал в районной газете.

Был в жизни Степана Яковлевича необычный эпизод. Сталиногорские родственники с фронта получили на него «похоронку». Но солдат Поздняков возвратился в родной город, к писательской работе и не одно десятилетие руководил новомосковским литературным объединением.

Свою «Юность в шинели» Степан Поздняков впервые предложил для печати «Молодому коммунару» в год 30-летия Великой Победы. Поэма явно автобиографична и, видимо, по причине личной скромности рядового великой армии пролежала она много лет в разрозненных главах.

ОСТАВЛЯЯ право на короткие поэтические цитаты, перескажу события лета-зимы 1941 года в жизни нашего собирательного по образу земляка, им самим описанные.

Землепашец Аверьян Миронов из колхоза «Труд» с женой своею и

сыном Сереежкой (наследником и мечтателем) в целом ряде деталей схожи с семейным портретом Поздняковых. И потому с большой долей достоверности говорить стану о Сергее Аверьянове как о самом авторе поэмы. Вот что получаю в переводе с «высокого штиля».

Учиться «на агронома» парню не позволила война. Со своими 17-летними одногодками-друзьями выстоял он очередь на прием в комиссариат. Военком от Сереежки отмахнуться не сумел уже потому, что восемнадцатый годок он дохаживал, да и парнем по времени был вполне грамотным. Определил и Аверьянова-младшего в снайперскую школу, одну из тех, что организованы были во многих краях страны.

Персональное оружие, тактику ведения огня, премудрости скрытого передвижения осваивал курсант в «учебке» до самой осени. Настало время – построил выпускников начальник училища, генерал седоголовый.

*«Он оглядел, как на параде, роту:
Все молоды – стоят боец к бойцу.
Взлетел свисток, и товарняк пехоту
Повез из Павлодара к Маклецу».*

То была начальная глава военной биографии героя писателя-земляка с фамилией Миронов. Глазами Сергея, полкового снайпера, смотрит он уже в следующей главе на речку и деревню, у которой на задворках ближе к воде притулилась банька. Фашисты в круче над берегом обустроили дзот, который хорошо виден Сергею через прицельную оптику. Вот к баньке, к ее курящейся трубе, идет долговязый немец с веником и тазом. Зевая и почесываясь, тянутся за ним еще другие в шинелях на голое тело. «В своей Неметчине к чистоте привыкли. Это хорошо, - думает себе затаившийся снайпер, - подожду, чтобы чистыми к богу явились». Вымылись вражины. Возвращаться стали.

*«- Позвольте вас поздравить с легким паром, -
сказал фашисту, подмигнув, Сергей.
Он сдвинул брови, притаил дыханье,
Как можно мягче потянул крючок –
В полете пуля со стараньем
Взметнулась фрицу первому в висок».*

Другие вздрогнули. И скопом голыми понесли в гору, туда, где спасительное бетонное укрытие. Но вверх – скорость не та. Сергей «на штуки» считал падавших фрицев: пять набралось. Аккурат один боезаряд. Пора менять магазин.

«- Не зря, как видно, говорят крестьяне, - Припомнив шутку, повторил Сергей, - Кто хоть разок побудет в русской бане, Тот не забудет до смерти о ней».

Снайперов немцы боялись пуще партизан. Ценили отменных стрелков в наших войсковых подразделениях. Часто запрашивала «остроглазых» для своих операций и полковая разведка. Из прочих вылазок более всего запомнил Сергей единоличную. Из кирпичного дома, где клуб до войны был, следовало по-тихому «вызволить» хоть какую-нибудь штабную фашистскую сволочь. Эту задачу комдив ставил Миронову лично. Разведка уже имела определенные сведения, но генерал желал перепроверить через «языка» кое-что, добытое разведчиками. Устроился Сергей за частоколом, который в сарай упирался, а тот – уже к самому штабу примыкал. Ждал недолго. Кого-то нужда позвала на улицу. Полуодетый немец мимо часового к изгороди метнулся. Там и остался: окаменел от холодного ствола у брюха.

Через овраг, через свои «секреты» уводил «языка» Миронов. Мужики в засадах смеялись над Сереей: рядового посыльного вместо офицера повязал. В штабе командиры тоже не пришли в восторг. Сергей оправдывался, что мордой фашист на академика похож, а всю одежду за частоколом сразу-то и не усмотришь... Хохотнул солдат нервно. Генералу отчего-то самому весело стало.

*«- Я рад, что ты, Миронов, весел,
Что гонишь прочь уныние беду.
И, сняв с своей груди, комдив повесил
На грудь Сергея Красную Звезду».*

Была уже поздняя осень. Пригорюнилось родное Подмосковье. Курлыча, улетели последние журавли. Язвами смотрелись неубранные поля ржи и проса. В глубокой воронке под сумеречным небом кто-то жег костер. Возвращавшийся с задания Сергей приблизился. Увидел, как над огнем курится варево в котелке. Незнакомый солдат прикуривал от головни уже вторую папиросу, когда Сергей ступил на край воронки.

«- Быть может, угостите папиросой?»

Ей-ей, земляк, неделю не курил.

Не дрогнув, незнакомец глаз прищурил,

Ответил: - Вольно. Сам я рядовой».

Не вошел бы в контакт с «кашеваром» солдат Миронов, кабы не заметил ранее в его руках блокнота. Туда он что-то вписывал озябшей рукой по строчке, когда шли по дороге боевые машины. Для порядка Сергей клацнул затвором винтовки, и в ту же секунду блокнот полетел в пламя костра. Миронов скатился по краю воронки, потянулся к огню, но оказался в жестких, удушливых объятиях незнакомца. Это оказался могучий мужичина, не давший возможности вырваться даже для кулачного боя. Уже теряя сознание, видел Сергей, как догорали записи вражеского лазутчика.

«Вдруг, как во сне, фашиста кто-то властно

С неимоверной силой оторвал.

Глядит, не веря, рядом третий – свой,

И цепко держит руки кашевара».

Спасителем оказался Антон Шуляк, однополчанин, настоящий богатырь из ирминских горняков, который возвращался из штаба после вручения фронтовой депеши. Вдвоем они и повязали шпиона. В жизни Сергея Миронова (как, надо полагать, и в жизни поэта-фронтовика Степана Позднякова) завязалась и осталась навеки взаимной привязанность к Антону. Много лет спустя родятся в поэме земляка эти строки.

«На свете нет прочней окопной дружбы.

Она – опора в дни лихих невзгод,

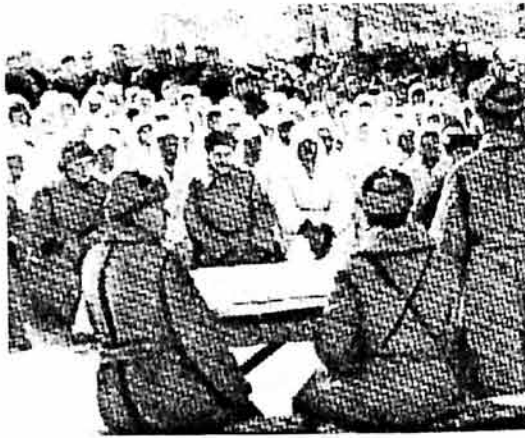
В любой беде, как верное оружие,

Не даст осечки и не подведет».

Друзья делили фронтовое лихо, малые радости общего солдатского быта с крутым чаем, тушенкой и общей шинелью в изголовье. Потомственный шахтер Донбасса Шуляк и крестьянский сын Миронов за своего «кашевара» получили медали, а позднее еще по одной: за оборону Москвы.

Но до того перелома в противостоянии на подступах к столице была великая сеча окопного масштаба. Озверелые фашисты пытались среди ночи вырезать отдохавших красноармейцев. Обнаружили врага, когда стрелять уже было поздно. В рукопашной русские традиционно сильны, но враг превосходил численностью. На Сергея наседали двое, а Шуляк (кремень – не мужик!) укладывал «гансов» штабелями. Казалось, уже отбили натиск штыками и прикладами, когда кто-то из вражин выстрелил в Антона. Израненный Сергей друга тянул по снегу на палатке до санбата.

*«Седой хирург очки-пенсне поправил,
Проверил пульс, Миронову сказал:
- Ты молодец, что враз его доставил.
Еще чуть-чуть, и ты бы опоздал».*

Залатанный перевязками возвращался Сергей в свой блиндаж огородами. Пехота не спала: считали потери в рукопашной. Хоронить своих решили утром, у фашистов оружие забрали, их тела из окопов повыбрасывали, тем и ограничились.

Удивительно загадочна русская душа. Этой траурной ночью зазвучала на передовой позиции тульская «хромка». Гармонь выводила, наверное, уже пятую мелодию, когда дозорные на шинели подтянули к укрытию раненую женщину. Она бредила и в этом состоянии часто упоминала Маклеца. Из документов при ней оказался только

«аусвайс» на имя Антонины... Мироновой! Свою родственницу наш земляк, конечно, узнал и без этой бумажки. Известная всей Сталиногорской округе доярка не могла без причины покинуть колхоз

*«Сергей вздохнул тревожно и уныло
И гневно бросил, пересилив дрожь:
- Коль тетя Тоня к нам бежать решила,
То, значит, жить там стало невтерпеж».*

До рассвета беглянка не дождала. Прощались с ней, как со всеми воинами, следующим днем.

*«Бойцы стояли в траурном поклоне,
Пылали гневом души и сердца.
Похоронили скромно тетю Тоню
В родной земле вблизи от Маклеца».*

Натиски фашистов чередовались с нашими вылазками в стан врага и контратаками. Помнит солдат Миронов (прототип – Поздняков) окопное утро в зоне прямой видимости силуэтов Сталиногорского химкомбината. Назавтра ждали боев. Сегодня – коммунисты пополняли свои ряды. Политрук зачитывал заявления. Подняли бойца Миронова

*«- А где отец?
- Отец на фронте тоже.
- Про мать скажи.
- У фрицев в кабале.
- Теперь понятно. Настоящий воин.
Душа чиста. Хорош. Отводов нет».*

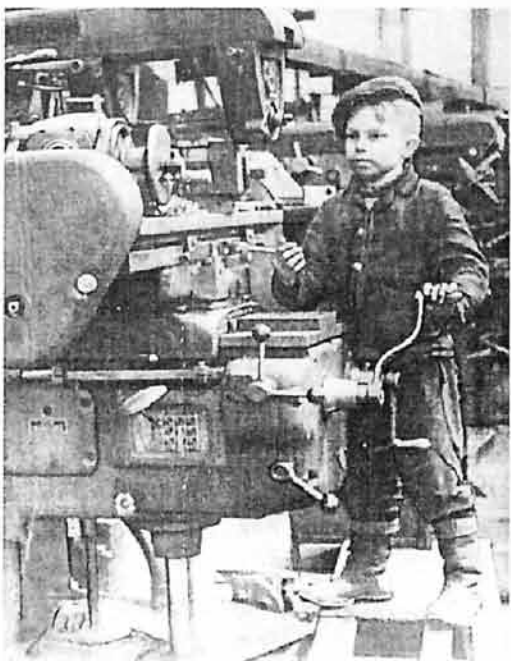
В махорочном дыму единогласно голосовала вся землянка. Это было утром. К полудню дрогнуло мелкоколосье округи. Небо, казалось, расколосось. Артиллерия, бог войны, на немецком берегу заснеженного водоема превратила в могилы-ямы дзоты, свернула броневые колпаки. И через несколько минут щемящего затишья пехотинцам на помощь принеслась конница.

*«Миронов видел необычно ясно
Сквозь наступленья огненную жуть:
Отсюда нет уже пути обратно.
Есть путь один – теперь к Берлину путь».*

Александр ШУРИН

Юбилей взывает к памяти

Когда-то в липецкой деревне Чернолес, где крестили Ваню Селиванова, была, кроме церкви, колхозная артель имени 13-летия рабоче-крестьянской Красной Армии. После гибели пролетарского вожака С.М. Кирова эта крестьянская община стала носить его имя, но славы деревенским земледельцам такая замена не добавила. Теперь и вовсе Чернолес с барскими ореховыми рощами угасает вместе с соседствующей Успенской, деревушкой с отчим домом Ивана Григорьевича.

ГРУСТЬ-ТОСКА нашего почтенного земляка, ветерана войны и труда светлеет от великой веры, что рано или поздно возродится его родовое гнездо, как возродилось после сожжения фашистами при отступлении под нажимом Красной Армии в подмосковской операции.

Помнит Иван Григорьевич Селиванов, как сам в 1942-м успел перекрыть каменный остов отцовского дома и затопить печь. Потом ударил восемнадцатый годок – и по призыву оторвался юноша от мирских забот ради святого дела победы над врагом.

Крепкие крестьяне – отец и сыновья Селивановы – и в лихую годину оставались сильными, дюжими, коими гордилась по праву великая, гордая страна непокоренных народов. Не взяла вражеская пуля, не выхватила смерть никого из этого мужицкого рода. Полевод и конюх

Григорий Селиванов представлен был (и потому прославлен) на главной выставке страны – ВДНХ СССР. Сергей, старший из сыновей, «сделал» себе имя в электротехнике: уфимский народ его хорошо помнит и поныне.

Младший Петюня – Петр – с любимых лошадей конного двора со славой пересел на «железных коней». Малой Вясятка – Вася – известен Хантымансийску как знатный нефтяник. Трижды раненым, но живым и возмужалым вернулся с войны и герой-связист, дивизионный шустрый знаток кабелей и морзянки, прошедший с боевыми «катюшами», считай, до логова побитого агрессора. Этот герой и есть объект нашего внимания.

Иван Григорьевич, почтенный земляк, известный Новомосковску (Сталиногорску) химик Селиванов в городе нашем объявился еще до войны в качестве учащегося «ремеслухи» при Сталиногорском комбинате. Война эту «учебку» распустила только с началом бомбежек. А до той поры в секретном цехе «Д-100» курсант-ремесленник Селиванов вместе с мастерами еще с лета 1941-го готовил «угощения» фашистской нечести, изготавливая бомбы с

начинкой. «Чесночный» запах реактива на всю жизнь остался в памяти как отзвук той напряженной трудовой вахты с неизменными противогАЗами в цехе зарядки химических бомб.

Надо ли удивляться, что в 1947 году компрессорщика по образованию, фронтовика, сержанта без дополнительных проверок «особисты» «Азота» «определили» по специальности? Работать в цехе, правда, долго не пришлось. Из политотдела 6-го минометного полка 3-й армии пришло письмо начальника Петра Иванова, из которого следовало, что коммунист с 1944 года, гвардеец Селиванов служил отлично и в дивизионе спецназначения до конца войны командовал комсомольцами. Вот тут и уцепился за «ценного кадра» Василий Бакланов, цеховой парторг предприятия. Освобожденному заместителю секретаря ЛКСМ «Азота» «небо с овчинку» показалось из служебного кабинета: должность – высокая, зарплата – вдвое меньше, чем у компрессорщика. Улыбается дядя Ваня: «Это сегодня любой начальник обставляет свое дело окладами с десятикратным превосходством. Прежде такие «аппетиты» считались позорными».

Иван Федорович Кусакин, нынешний ветеранский вожак химиков

«Азота», а в прошлом партийный лидер флагмана отечественной химии, говорил мне, что всегда силен был в делах друзьями, своими товарищами по работе. Теперь понимаю, о таких, как Селиванов, шла речь.

Иван Григорьевич, впрочем, не раз вырывался из цепких объятий партийных командиров. Он очень много учился и, когда получал очередной диплом, отпрашивался у своих первых секретарей поработать в цехе, применить знания на практике, проявить себя в деле. Так было после горно-технического училища и после химико-технологического института. Продуктивными, полезными и по-настоящему необходимыми были годы самостоятельной работы профессионала за рубежом. Почти четыре года Селиванов набирался опыта в ФРГ и Австрии. А когда вернулся, еще ряд лет, считай, до пенсии учил своих «азотовцев» работе на импортном оборудовании австрийском, польском и французском. С ухода на пенсию с женой Верой Петровной (в девичестве Крюковой) вели они размеренную спокойную жизнь в окружении дочек своих – Оли и Гали, зятьев, внуков и правнуков. Вместе собрать – минимум полтора десятка родных милых сердцу людей наберется.

Валентина ВАСИЛЬЕВА

Дети войны

МЛАДШИЙ лейтенант Васильев, закончивший командирские курсы, пропал без вести в начале войны при выходе из окружения. Михаилу было 22 года. Меня, дочь, вчерашний курсант оставил в тылу, вскоре порабощенном. Не помню, какими были немцы, под властью которых мы на Смоленщине находились в 1941-43 годах, как не помню и тяжелейших испытаний, выпавших на долю взрослых: мне был год, когда началась война.

Когда пришли советские войска, я заметно подросла и уже понимала, какое лихо с войной пришло. Районный центр запомнился полностью разрушенным: битый кирпич, глубокие воронки, обгорелые останки деревянных строений, каменные «коробки» без окон, что возвышались над разбитым городом словно скелеты с пустыми глазницами. Сквозь годы вижу блиндажи и палатки, в которых жили военные. А вот и я бегу навстречу Василию Ивановичу, начальнику штаба. Он недавно вернулся в строй после тяжелого ранения. Я каждый день его встречала. Большой и сильный, он подхватывал меня, нес на плече до нашей калитки и обязательно дарил что-нибудь вкусненькое. Это так здорово! Дома только хлеб из ржаной муки грубого помола пополам с отрубями и картошкой... На постое в доме жил и другой офицер - лейтенант дядя Гриша, добрейший человек. Он тоже подкармливал всех соседских детей - делился своим пайком, а со мной любил заниматься рисованием, заметив тягу мою к цветным карандашам. Я страшно спорила с дядей Гришей из-за елок, которые рисовала ветками вверх, а он терпеливо, с улыбкой, объяснял ошибку. Еще часто мы с ним вместе пели. Взрослый друг мой сильно фальшивил, но все равно дуэт был замечательный.

Мне очень хотелось, чтобы папа вернулся, хотя уже сказали, что он погиб на войне. И чем старше становилась, тем острее ощущала, как мне недостает отца... Я чувствовала бы себя сильной и защищенной. Завидовала тем, чьи отцы вернулись с фронта! Конечно,

таких, как я, были миллионы, но тоски моей это не умаляло.

Война откатывалась на Запад. Покинули нашу местность, отправились с войсками добивать врага и наши постояльцы: фронт двинулся в сторону Германии. А здесь, на освобожденной территории, остались искореженная врагом земля, тысячи воинских захоронений, сотни сирот и много искалеченных судеб.

Людям негде было жить, не хватало еды, не было самого необходимого. Но все знали: Победа уже близка. Женщины ждали мужей, отцов, сыновей, братьев с войны. Даже те, кто уже получил похоронки. Наш бревенчатый дом немцы разобрали для своих военных нужд еще в 43-м году, и мы по-прежнему жили у дальней родственницы тети Ксении. Два сына хозяйки - Вася и Витя - стали моими лучшими друзьями. Мужчины по-прежнему воевали, но стали возвращаться женщины: кто с фронта, кто из немецкой неволи - из Германии.

Моя мама устроилась на работу. Вася и Витя заболели корью. Я периодически забегала к ним в комнату посмотреть на больных, но больше - на два кусочка сливочного масла, которые где-то раздобыла тетя Ксения, чтобы дети быстрее поправлялись. Ни мальчишки, ни я прежде не пробовали масла, не знали на вкус. Исхудавшие, бледные от недоедания, ребята радостно улыбались, хвалились лакомством и даже мне предлагали попробовать. Ах, Боже! Как было сложно отказаться - это же для больных.

Масло было съедено, когда заболела корью и я. Сквозь пелену бреда чувствовала присутствие тети Ксении. Она носила меня на руках по комнате, гладила, что-то тихонько говорила. Мою маму отпустили с работы сердобольные начальники, и, к счастью, в соседний дом вернулась из Германии фельдшер Вера. Она дала мне какие-то немецкие таблетки. Через пару дней я стала поправляться.

Лето 44-го года. С ним у меня связано одно необыкновенное происшествие. Мы, три девочки - девятилетняя Тоня, восьмилетняя Лена-москвичка и я - в ближайшем лесочке набрали земляники, нарвали цветов и только стали выходить на дорогу, как появился мальчишка лет двенадцати, белобрысый, в заношенной, грязной

одежде. «Стойте! Хочу земляники!». Я от страха громко заревела. «Престань, малышка! - сказал «разбойник». - У тебя не возьму: у маленьких не отнимают. Твои ягоды, Тонька, тоже не забираю. Я же тебя знаю».

«А ты, - обратился парнишка к москвичке, - отдай мне кружку!» Девочка стояла испуганная. Мальчишка выхватил кружку, высыпал ягоды в свою сумку и немного в рот. «Вкусно!» - причмокнул подросток. «Теперь идите», - сказал довольный грабитель и скрылся за кустами.

Девочки пришли в себя. Тоня разделила землянику с Леной. Да и Лена окончательно успокоилась. А я шагала вполне довольная, с полной кружкой земляники и думала, что хулиган оказался не такой уж и плохой. Позднее я осознала, что все мы, дети великой войны, по несчастью своему были ее подранками... Миллионы таких знавала история униженной, но не покоренной страны. Это дети, чьи родители погибли или умерли от голода и болезней. Не всех сирот сразу удалось приютить детским домам. Некоторые прятались, иные ходили по деревням, просили милостыню. Таких всегда жалели, давали еду и одежду. Надо сказать, что большинство «подранков» отнюдь не были жестокими. Они не воровали, не чинили разбоев, таких случаев просто не было. Оставались в душах пострадавших, обездоленных добрые чувства, которых, казалось, и не должно остаться вовсе у потерявших самое дорогое - родителей, родной дом, близких. Наверное, такое поведение объяснялось тем, что эти дети не только сами испытали беду и лишения, но были свидетелями страданий многих людей и всей страны в ту страшную войну.

Наконец, пришел май 1945 года. Помню, на станции, через которую шли поезда из Германии в направлении Смоленск-Москва, было незабываемое зрелище! В вагонах, на крышах, в тамбурах и даже на подножках ехали солдаты. Победа! Фашисты разбиты, и теперь живые, здоровые бойцы возвращаются на Родину. Звуки гармошки, песни, смех, шутки, охапки сирени - все дарилось освободителям на этой станции. Поезда идут один за другим, но для гражданских лиц в них мест нет. Только ребятня просачивалась, ребятне военные особенно рады: видели в нас своих что ли...

Один из них, на вид лет 35-40, сказал маме: «Дайте мне Вашу девочку». Он взял меня на руки, сел на свой чемодан, и я удобно устроилась у него на коленях. Тамбур скрипел, качался, буфера скрежетали, тряслись, и солдат поддерживал меня руками. Он ни о чем со мной не беседовал, был сосредоточен и серьезен, наверное, думал о своей семье и детях, с которыми его разлучила война. Все эти годы солдат шел через кровь, смерть, и постоянно в его руках было оружие. А сейчас вместо оружия с ним был ребенок. Помню до сей поры, как бережно он меня держал до самой Москвы, куда мы с мамой и направлялись искать новую жизнь, лучшую долю.

Прошли годы. Всякий раз, когда смотрю на памятник советскому воину-освободителю с немецкой девочкой на руках в Берлинском Трептов-парке, вспоминаю май 1945 года и того молчаливого солдата, который много часов подряд по пути к родному дому заботливо оберегал меня, маленькую незнакомую девчонку.

Мария КОЗЛОВА

Когда пылала Волга...

В СОРОК втором, когда приходили все более тревожные вести о жестких сражениях в Междуречье, я не просто закончила медицинский техникум, но и работала уже в Борисо-Глебске. Наш госпиталь, как и все иные в округе, был переполнен. Дел по «самую маковку», а молодежь все рвалась на фронт. Специалистам мужского пола военная власть категорически отказывала в добровольном уходе в армию. Но зато нас с Катюшей Измайловой главный госпитальный военврач «уступил» комиссариату, когда к зиме 1942-го вовсе худо стало под Сталинградом.

По снежной пороше дотопали мы с подругой до военного аэродрома, откуда добровольцев-медсестер должны были ближайшим «бортом» перебросить в район обороны Сталинграда. Но этого не случилось: назначили истопниками в аэродромных теплушках. Оскорбительное занятие наше длилось ровно две недели – пока наш письменный протест добирался до штаба округа и там рассматривался.

Грешно, но признаюсь: еще не раз жалела я, что командование распорядилось дать истопникам работу на передовой по специальности. У каждого – свой Сталинград. Мне этот город запомнился в руинах, которые видела только издали. Еще запомнилась горящая Волга. Река и в самом деле пылала, потому что взорвала вражеская авиация нефтебазы, а топливо скатилось к воде.

Мы с подругой Катей не считали, кто сколько бойцов перевязал, сколько вынес с поля боя под вражеским огнем. Но одного солдата помню отлично по сей день. Помнила бы и Катя, кабы не погибла той же зимой. Мы

в ту пору обе с ней были уже сержантами: все-таки до прибытия на передовую прошли хорошую госпитальную школу.

А в тот момент, когда в ледяной воде оказался тонущий раненый, не званиями определялся порядок спасения бойца. Из двоих я была мощнее, физически крепче. Стало быть, мне и следовало плыть к утопающему, тянуть за собой веревку, а другой конец выпало держать сержанту Измайловой. Та веревка да еще одинокая льдинка помогли мне спасти синеглазого, замерзающего парнишку, судя по всему, вчерашнего школьника, выброшенного взрывом с пехотной переправы...

Потерявшего сознание, но еще живого бойца далее спасали «транспортники»-носильщики, а меня – теплый Катин бушлат и фляжка подоспевшего старшины, который не считал сделанных мною глотков спирта.

Было много потом и других экстремальных ситуаций по дороге к Берлину: в Румынии, Венгрии, Болгарии. Ни исковерканные тела

умиравших на моих руках бойцов, ни взрывы, ни пули над головой, ни собственное ранение таких ярких впечатлений не оставили, как тихий плеск волжской воды и синева испуганных глаз молодого солдата...

Вся моя послевоенная профессиональная жизнь легко укладывается в несколько строк. Старшим сержантом запаса возвратилась из армии в 1948 году. С семьей поселилась в Сталиногорске (Новомосковске), работала медицинской сестрой в детском саду № 28, откуда и ушла ровно через 40 лет на пенсию.

Владимир БРОВКИН

От Волги на запад

2 февраля - День разгрома советскими войсками немецко - фашистских войск в Сталинградской битве (1943г).

С железнодорожного вокзала Сталиногорска 17-летним я, Владимир Бровкин, уезжал с добровольческим формированием не на войну. Вторая мировая уже грохотала на западных рубежах страны, но вчерашним школьным выпускникам военкомат дал время для обучения боевым ремеслам. Так летом 1941 года на краткосрочных курсах танкистов в городе Пушкине, что под Ленинградом, оказался я среди своих сверстников.

Программу технического училища, танковую модель Т-34 освоил более чем легко: сказалась добротная юношеская подготовка в Сталиногорском аэроклубе. Знаки младшего лейтенанта и должность командира экипажа «тридцать четверки» получал я как доброволец великой войны в день своего совершеннолетия.

Красная слобода казалась и в самом деле местечком до красноты раскаленным. Этот район Сталинграда в адскую жару лета 1942 года постоянно подвергался авианалетам. Бомбежки были столь часты, что войска и население во имя собственной жизни не убирали погибших. В этот зной, черноту пожаров и зловонья из пушкинской зеленой благодати прибыл я, младший лейтенант Бровкин, под броней Т-34, которая только усугубляла пекло.

Если считать календарем мое участие в обороне Сталинграда, то число дней пребывания в Междуречье уложится в неделю. Июль сорок второго был такой, какой в истории сражения можно считать за год. Наша 169-я танковая бригада дралась с бронированными

машинами Манштейна. Громада дивизии этого матерого бандита рвалась на помощь к Паулюсу, уже обломавшему зубы на неприступных кордонах защитников города на Волге. Красная Армия в дни обороны Сталинграда еще не имела преимуществ в воздухе, но исправно работали конвейеры всех тракторных заводов, переведенных «на военные рельсы». Вот такой новенький танк с конвейера и «оседлали» со мной на поле боя механик Соловьев, заряжающий Пашков, радист Васильев. Помню, как командир

экипажа, что на ящиках со снарядами успели выспаться. Может, еще поэтому выиграли сражение, выпавшее на утро. А случилось так, что в той схватке мощных машин у врага оставалось к рассвету семь, а наших только две. Но «тигры» против Т-34 менее разворотливы. Избегая лобовых выстрелов по врагу, я трижды удачно заходил немцу «в ухо». Соотношение машин стало выравниваться, но один из «тигров» тоже оказался удачливым: с тыла снес бронированную

решетку у нашего Т-34 и повредил двигатель. Вращающаяся башня стала у нас единственной надеждой выстоять в бою. Еще поддерживал нас другой экипаж: отвлекающими маневрами. Однополчане подбили еще одного «тигра». Но «полторы» машины против трех все равно мало. Я уже дал бойцам команду готовить к бою личное оружие, когда на помощь пришли другие батальонные танкисты, ранее вызванные по радиации.

С места сражения мою машину тянули на сцепке в прифронтовое подразделение. Командование не дало скучать ни мне, ни моим обстрелянным бойцам. Соловьев, Пашков, Васильев использовали таузу для пополнения знаний и на других участках фронта уже служили с войсковыми знаками различия в звании младших лейтенантов.

А у меня самого появился новый экипаж численностью уже в пять человек, потому что машину я получил тяжелую: «КВ» (Климент Ворошилов). Новое назначение получал в Москве, а машину - в Черни

Тулской области, где формировался 82-й танковый полк.

Сталинграда новая операция уже не касалась. Город на Волке отмечал победу в битве за Междуречье, когда зрели грандиозные сражения на Курском направлении.

Естественно, участвовал в великом танковом сражении и наш полк. Моя фронтовая судьба гусеничным следом проходит через события Корсунь-Шевченковской операции, ведет дорогами Румынии, Венгрии в чехословацкую Трнаву, где война для меня и закончилась радостной победной вестью.

Иван СЕЛИВАНОВ

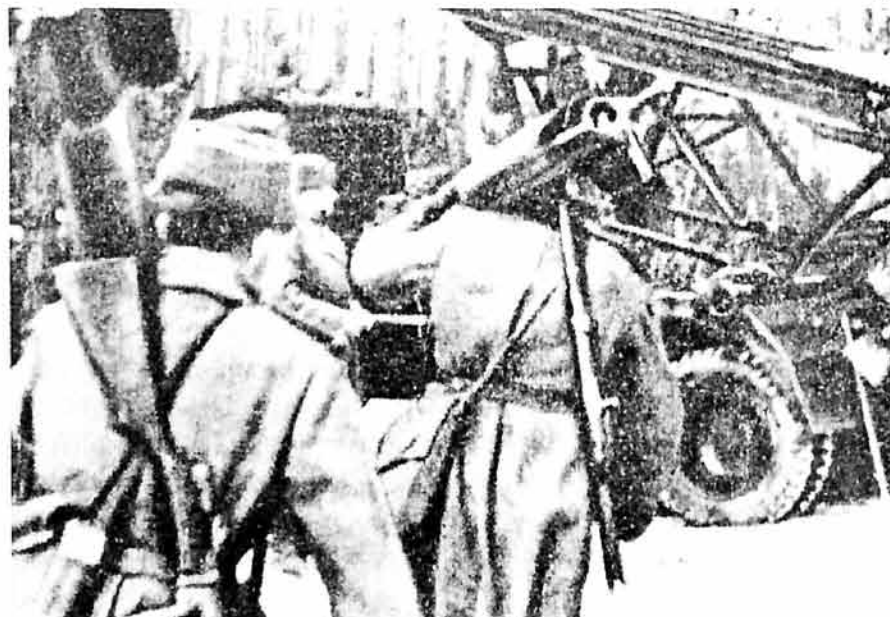
В метельном месяце 1943-го

Февраль – месяц краснозвездный. Россия отмечает День защитника Отечества, который пришел на смену Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, «дню всех мужчин». По случайному совпадению или в связи с обстановкой на фронте я был призван в армию именно 23 февраля (1942 год), а следующий февраль (1943 год) помню по боям против немецко-фашистских захватчиков на Брянском фронте. Вот почему всякий раз в дни майского цветения я обязательно вспоминаю метельные месяцы той войны, которые определили мою фронтową судьбу.

ВОЙСКА 13-й армии, в состав которой входил наш 6-й гвардейский минометный полк, после успешного завершения Воронежско-Касторненской операции вели бои на участке фронта Ливны-Купянск, стараясь не позволить отступавшему противнику закрепиться на реке Тим, и этим помогали успешно выполнять задачи Воронежскому фронту на курском и харьковском направлениях.

Суровые испытания выпали на долю солдат не столько в плане боевой выучки, сколько в преодолении жестоких морозов. Часто приходилось по снежному бездорожью днем или ночью менять огневые позиции.

Боевые машины с трудом продвигались вперед. То и дело наши «катюши» плотно оседали в снегу. Лопатами, а где и фанерными щитами, бойцы расчищали путь, навалившись на машину, толкали ее, помогая перегревшемуся мотору. Пробившись к месту дислокации, боевые расчеты кирками и лопатами всю ночь расчищали место под огневую позицию. Помню, как однажды от усталости мы уже валялись с ног, а дивизион получил срочный приказ сорвать контратаку фашистов залпами по месту их скопления. Приказ командования, конечно, был выполнен, и пехота устремилась вперед, с ходу ворвалась во вражеские окопы, забросала гитлеровцев гранатами.

Опустившаяся ночь прошла относительно спокойно. Досаждал только мороз. Утром новая команда менять позицию. Но враг уже начал обстрел позиций нашего полка. Под разрывами вражеских снарядов двигались боевые машины на дорогу, по которой только что прошел гусеничный трактор, расчищая путь клиновой волокушей.

Новые огневые позиции оборудовать не пришлось: не успевали. Артустановки поставили уступами на дороге и давали залпы по противнику теперь уже на реке Тим. На всю жизнь остался в памяти тот бой. Немцы обрушили на нас бешеный артиллерийский огонь. Не знаю, какой Бог нас берег. Лежали, зарывшись в снег. Тянулись мучительные минуты в ожидании трагического конца. Личному составу батарей повезло, а вот соседи-артиллеристы серьезно пострадали. Речку Тим наша пехота все-таки форсировала успешно. Враг отступил. За пехотой двинулись «катюши».

7 февраля части 13-й армии освободили город Фатеж, а сосед слева – 60-я армия – 8 февраля взял Курск.

Потом было некоторое затишье. На 12-й день месяца войска 13-й армии возобновили наступление. Батареи дивизиона беспрерывно

перемещались под обильным снегопадом и метелями вплоть до конца февраля. Следуя за пехотой по долине, помню, застряли мы серьезно, и в этот трудный момент послышался гул самолетов. Раздалась по цепи команда: «Воздух!». Была реальная угроза гибели подразделения. Ведь колонна в те минуты на белом снегу была видна, как на ладони. Но, зная, у летчиков было другое задание: сбросили бомбы где-то в стороне.

Когда выбрались из долины, настал вечер. Подошла полевая кухня. Мы плотно поужинали, согрелись чаем. Тем временем замполит довел до офицерского состава фронтową информацию. И еще сказал, что Указом Президиума Верховного Совета СССР введены в войсках новые знаки различия, в частности - погоны. Вводились также изменения в форме одежды и новые воинские звания – «солдат», «сержант». Политрук не выразил личного отношения к Указу, тем самым как бы подчеркнул, что он обсуждению не подлежит.

Интендантские службы сработали оперативно. Через неделю уже многие носили погоны. Это было ново, необычно! В скором времени были внесены изменения и в Устав внутренней службы. Например, выражение готовности к выполнению приказа командира звучало не «Есть!», как прежде, а «Слушаюсь!». На приветствие стало положено отвечать не «Здрась!», а «Здравия желаю!». Не сразу, но привыкли.

Как нам объяснял тот же замполит, внешний вид бойцов армии заботил И.В. Сталина. Погоны были введены по его инициативе. В.М. Молотов в беседе с писателем Феликсом Чуевым отметил: «Упразднив в армии институт комиссаров, введя единоначалие и погоны, Сталин повернул белую эмиграцию на свою сторону».

Война между тем продолжалась. Помню, той же зимой нам было приказано занять позиции на окраине одной деревни, только что освобожденной от немцев. Добраться до нее мешал все тот же снег. Радуюсь предстоящей встрече с деревней, надеясь хоть час-другой погреться в доме, мы не чувствовали усталости. Но радость наша была преждевременной. От деревни ничего не осталось. Ни одного целого дома: все в пепле и руинах. Следы недавних боев повсюду. В кювете трупы немецких солдат, прямо на проезжей части догорают останки

боевых машин. На окраине у одинокого дерева – свежая могила наших погибших воинов...

Индивидуальные укрытия мы построили из плотных снежных глыб. Из них строились и траншеи, по которым, пригнувшись, можно было двигаться от огневой позиции к наблюдательному посту. Мне как связисту добавилось много хлопот. По глубокому снегу на морозе и по траншеям тяжело стало ходить на поиск обрывов линий связи. Вернувшись в свое ледяное укрытие, мокрый, промерзший, обогревался только своим теплом.

Вот однажды слышу новый зуммер телефона. С наблюдательного поста начальник разведки гвардии старший лейтенант Сергей Фролов своим сипловатым голосом просит к трубке командира батареи. Оказалось, на глазах старлея сосредоточивается группа гитлеровцев с приданными им самоходками – явно для контратаки. Следовало сорвать этот замысел. Беспокойство разведки имело основание. На нашей стороне сил было недостаточно, чтобы противостоять группировке противника. Ожидалась замена роте, но она опаздывала. Мы не слышали залпа «катюш». Он слился с грохотом рядом стоявших пушек, которые вели огонь с закрытых позиций по той же группировке противника. С наблюдательного пункта сообщили: «Цель накрыта. Самоходки повернули назад, а гитлеровцы попрятались». Контратака фашистов была сорвана. К вечеру подошла и смена.

Вплоть до марта дивизион поддерживал наступающие части. А с приходом весны 1943 года 13-я армия, потеснив противника местами до 30 километров, вышла на рубеж Новосиль-Малоархангельск-Рождественское. Впереди ожидала нас Курская дуга, о которой еще никто не знал как о великой битве с таким названием.

Завершение коренного перелома в войне

Стремясь взять реванш за катастрофу на берегах Волги и вернуть утраченную стратегическую инициативу, гитлеровцы попытались летом 1943 г. осуществить новое крупное наступление на советско-германском фронте. Местом для наступления враг избрал район Курска.

Противник тщательно готовил эту операцию, стянув сюда многочисленные войска, оснащенные мощной боевой техникой. Однако и эта попытка врага провалилась. Советское командование своевременно разгадало замысел фашистов и разработало конкретный план летне-осенней операции. Заблаговременно была создана сильная оборона. В ходе развернувшейся битвы, носившей необычайно упорный и ожесточенный характер, враг был измотан и остановлен. А затем части Красной Армии начали крупное наступление. В сражении под Курском немецко-фашистские войска подверглись сокрушительному удару, до основания потрясшему германскую военную машину. В Курской битве было разгромлено до 30 вражеских дивизий, в том числе 7 танковых.

Александр ПЫРЬЕВ

Фронтовые были в переложении на музыку войны

Иван Григорьевич Селиванов, мой давний знакомый и добрый друг «районки», с какой-то (ну, прямо «ритуальной») последовательностью посещает редакционный кабинет, где с великим удовольствием внимаю я его живописаниям далеких, славных лет великой войны. Рассказчик дядя Ваня отменный, и потому схоже его повествование с музыкой: большей частью – тревожной, но с неизменными тонами победы над силами зла.

В конце июня, как много раз бывало, он снова тихо вошел. Сказал, напоминая, что через недельку – очередная годовщина Курской битвы. «Разрешите доложить?!» - так обычно начинает улыбчивый гость. Во многих решающих, поворотных событиях той памятной войны принимал участие Иван Григорьевич, и потому за год до десятка раз слышим с коллегами его шутовское «разрешите». Но выделяю в этот раз конкретную Курскую битву. Того, считаю, довольно, что о событиях лета на «огненной дуге» вспоминает живой участник и очевидец сражений.

К победе пламенный призыв

СОЛДАТСКУЮ форму надел парнишка из орловской провинции ровно через год после начала войны. Прямо с курсов связистов Ваня Селиванов прибыл в 6-й гвардейский минометный полк - подразделение новое, но уже опаленное жаркими боями в обороне. Полковые «катюши» били прицельным огнем по врагу в Подмоскowie, освобождали тульские Ефремов и Чернь. Восемнадцатилетние обстрелянные парни явно гордились превосходством перед своими ровесниками-новобранцами. «Салажата», впрочем, быстро

сравнились в статусе с другими бойцами: под вражескими бомбами кланялись земле все одинаково шустро и делить больше стало нечего.

Из первых впечатлений новобранца самым ярким запомнилась пламенная речь командира дивизиона, гвардии капитана Николая Бунина. Дословно не повторить, но говорил «отец» своих солдат об уникальности ракетных снарядов, о том, какой ужас царит в рядах фашистов под огнем «катюш». Минометчики – часть мобильная: отстрелялся – отваливай, заряжай с другой позиции. Пехота влюблена в своих «ракетчиков». После их огня прорывали пешие любые оборонительные кольца. Капитан говорил и велел запомнить, что его род войск – элита. Это бунинское высказывание до сих пор часто повторяет фронтовик Селиванов: «Война милостива не к тому, кто хочет жить, а только к умеющему бороться и побеждать!». Так сказал командир в 1942 году. С таким убеждением на всех крутых поворотах судьбы жил и по сей день живет Иван Григорьевич.

Та памятная речь командира перед строем новобранцев под Мценском в деревне Большой Каменке звучала, как гимн, как песня, как боевой клич. Шло второе военное лето, когда фронтовой связист Селиванов познавал науку ненависти к желтому кругу с паучьей свастикой. Два месяца позиционных боев уже порядком надоели, когда неожиданно, просто внезапно был объявлен приказ совершить марш на 500 километров. Где-то там, восточнее Курска, враг прорвал нашу оборону. Полк вошел в состав 13-й армии Брянского фронта и благополучно прибыл к деревне Верхняя Верейка: там приказано было занять огневые позиции. Понятное дело, первыми выскочили из машин связисты. Растащили кабели согласно схеме обороны. И команда «Огонь!» себя ждать не заставила.

Надо было видеть, как воспрянули духом пехотинцы! С первых залпов «РСов» повсюду начали подниматься из оборонительных сооружений солдаты с криками «Ура!». Фашистское командование мало интересовало собственные потери. Вводились все новые и новые свежие силы, чего в наших рядах ожидать не приходилось. Более того, в сражение включились «юнкерсы». Пилоты не разменивались на истребление людей. Весь огонь был направлен против «катюш». Осколком разорвавшейся бомбы поразило вчерашнего школьника Ваню Селиванова. Первый настоящий (не учебный) бой - и сразу ранение. Вот такая досада! Боевые товарищи помогли дойти до медсанбата.

Командующий Брянским фронтом К.К. Рокоссовский сразу высоко оценил «работу» реактивной артиллерии. Иного и не ожидалось: враг не отступил, но и наступательных действий больше не предпринимал. Время было выиграно. Потому рушиться начали гитлеровские планы захвата Сталинграда и городов Кавказа. Радиосообщения о добрых переменах на «огненной дуге» грели души бойцов и звучали всякий раз схоже с песней о родине.

Разрывная пуля снайпера

ДРУГАЯ памятью не стертая песня о жизни и смерти написана была на подступах к Мценску. Высота «208,0» - смешная по военным меркам - запомнилась на всю жизнь игрою случая. Немцы стояли там

очень долго, и потому их укрепления сходу взять не удалось. Когда атака захлебнулась, связист Селиванов свою проволочную бухту перебросил через плечо, туда же отправил винтовку, чтобы сподручнее было подбирать сматываемый кабель. В этот момент и взял бойца на мушку вражеский снайпер. Разрывная пуля вошла в казенную часть «трехлинейки». И этой счастливой случайности обязан наш добрый друг всей своей последующей жизнью.

На той высоте после разрыва пули за спиной и ею же раненый, Иван Селиванов впервые за всю свою фронтовую биографию видел советских воинов с поднятыми руками. Горько плакал солдат, предчувствуя, что и к его виску скоро приставит свой автомат какой-нибудь Ганс. Катушка вдребезги, изуродованный ствол, окровавленная спина – зрелища оказалось достаточно тому фашисту, который ходил добивать наших раненых. Через час или много позднее Селиванов (для всех уже мертвый) приполз в расположение части. Сохраненное табельное оружие, хоть и в непотребном виде, намотанные на локоть полсотни метров кабеля оберегли бойца от вопросов полковых «особистов». В числе других перед строем Ивану была вручена первая боевая награда: медаль «За боевые заслуги». Дороже и памятной награды в жизни он не знал. Хотя вручала их Родина еще не раз.

Бойся, враг, болотных призраков

ПОТОМ был Днепр, была Черниговщина с их кровопролитными боями. Многие другие испытания были. Но белорусские болота все

равно несравнимы по музыкальному трагизму булькающих, чвакающих, чавкающих изнурительных переходов. Вот какую авторскую запись оставил в редакции наш гость: «Удивительный народ гвардейцы-минометчики. Они «катюшу», как новобрачную девицу, носят на руках и защищают. В твердом грунте роют укрытия, а в болотистой местности огораживают бревнами в полтора метра высотой. Несмотря на трудности передвижения, гвардейцы не опаздывали на огневую позицию. Выбравшись из болотной жижи, отдышавшись, радостные, начинают шутить, показывая друг на друга: какие они грязные! Я повторю за писателем Карповым, как шли мы болотами.

Способ ыпередвижения всякие: кто конной тягой, кто машиной, но больше в этот прорыв шли пешком, неся за плечами пулеметы, минометы, противотанковые ружья. Шли по колено в болотной жиже. При близких разрывах падали в эту грязь и вжимались в нее, придавливаемые инстинктом сохранения жизни. Вставали и снова тянули на лямках противотанковые пушки. Что такое тянуть орудие по грязи, знает только тот, кто сам это испытал. Кажется, вот-вот лопнут жилы. От напряжения не пушка тянется, а сначала ты сам ногами погрузишься в жижу. И только когда почувствуешь твердь

земли, упрешься в нее, да не один, а все вместе, да с криком, с матом – только тогда орудие поддается, ползет вперед. Вот так волокли себя и пушки. Да и танки откапывали. Бывало, он, могучий, горячий, забуксует, зароется гусеницами до самых подкрылков, а матушка – пехота быстренько поспособит ему. И он, «сердешный», выбирается из колдобины. Танк бросить нельзя. Впереди – пулеметы: они нас всех «выстригут», если танки их не подавят. Танк – наш спаситель. Он только бы нас до рукопашной довел, а там себя покажем. Столько злости накапливается, пока по этой грязюке ныряем. Как только замелькают вблизи каски и зеленые мундиры гитлеровцев, внутри будто дополнительные клапаны раскрываются: «Ура!», «За Родину!». И мать и Бога – всех вспоминаешь! Тут уж нас не остановить: ни пулей, ни гранатой, что летят навстречу. Страшен и беспощаден русский солдат в рукопашной, бьет врага самозабвенно. Это музыка! Апофеоз! Крещендо!

И только потом, закуривая самокрутку, еще не отдышавшись, оглянешься вокруг и с ухмылкой сам же удивляешься: «Надо же! Чего натворили!!!».

Так дрались мы и побеждали!

Аркадий ПАЛЬГУЕВ

Заговоренный

Александр Павлович и Екатерина Григорьевна Пальгуевы старшего сына в семье – Аркадия - всегда считали продолжателем своего крестьянского дела. Но военное лихолетье распорядилось судьбою наследника по-своему.

ВНАЧАЛЕ все шло по плану. Еще мальчишкой я вполне пообвыкся с ролью продолжателя животноводческих колхозных начинаний. Но случилась война. В 1943 году страна призывала на бой с фашистами юных, еще не обстрелянных 18-летних пацанов.

Приставила армия меня, нижегородского парня, к зенитному оружию. Золотухинский район, что под Курском, стал местом боевого крещения. Громада гусеничных машин - не менее 500 единиц - второй танковой армии выдвигалась к месту предполагаемой встречи с фашистскими бронированными самоходками.

Боевой расчет первой на моей памяти зенитки разместился в соседстве с другими 5 июля. «Восьмерка» еще не успела толком окопаться, как налетели вдруг на расположение зенитчиков вражеские самолеты. Впервые видел я в тот день, как падают рядом друзья, с которыми еще минуту назад по кругу докуривал папиросу.

Стояли в деревне Прилепы, вблизи станции Помери, которая позднее вошла во все исторические справочники о Курской битве. Был страшный бой. Зенитчикам хватало работы, потому что самолетов с бомбами, казалось, было не счесть. Летали и наши, но силы авиации были не сравнимы в ту пору. Немцы бомбили расположение нашего батальона с большой высоты по квадратам:

размеренно, с высокой точностью. На легких крыльях они только добивали наших растерянных стрелков вчерашнего призыва. И это была суровая правда первых дней противостояния под Курском. Защищались как могли. Случалось, когда тяжелые «хенкели» «разгружались», наши скромные 37-миллиметровые зенитки приспускали стволы и лупили легкие самолеты практически прямой наводкой. В том августовском бою трех таких стервятников удалось завалить батарее, где я служил. Командиры орудий были отмечены в приказах, представлены к орденам командованием фронта. Курсовик по военной специализации, я получил первую свою медаль - «За отвагу». И еще фронтовые сто граммов. Это тоже было узаконено в условиях военного протокола.

В том же июле того же 1943-го пережил я самый большой на памяти стресс. Вражеская мина упала к моим ногам и ногам собрата по оружию Несерчука. Какая сила бросила меня за бруствер окопа, теперь не помню. Но замешкавшегося соратника позднее собирали

по кусочкам...

Ряды защитников Курского плацдарма таяли. Лейтенант, командир взвода Морин погиб. Но согласно последнему его указанию стал я дальномерщиком. Это тоже солдатская должность, но специализация иная. Курсовик - одно, дальномерщик - другое. Определить курс опасного противника и расстояние до него - вот так упрощенно все выглядит.

Как ни суди, ни ряди, но артиллерия все-таки бог войны. Зенитная - тем более.

Помимо той первой медали, есть у меня и другие награды. Под Курском батарея выжила. За дальнейший поход - на Украину, в Румынию, Молдавию - отмечен орденом Отечественной войны II степени. «Красную Звезду» получил где-то между Варшавой и Берлином.

Медалей считать не стану: дело это пустое - враз не вспомнишь. А вот то, что всю войну прошел без царапины (Бог миловал), фактом считаю знаменательным. Заговоренный что ли? Была одна контузия. Но кто считает такой «пустяк» за серьезное событие на фронте?!

О послевоенной жизни тоже скажу, что все сложилось в целом удачно. Вернувшись с фронта «заговоренным», отслужил в войсках еще более четверти века. С женой Серафимой Дмитриевной вырастили Танюшку и Оленьку. Обе они давно выучились на инженеров, работают. Внук Андрей тоже силен в инженерном деле: наш «менделеевский» вуз за спиной.

Военспецом служил я в Германии, в Сибири, в Подмоскovie, много лет преподавал после отставки военное дело: в учебных заведениях Новомосковска как военрука меня еще помнят. И сам я о ребятишках не забываю: часто бываю у них в гостях, иногда и без приглашения.

Алексей БОНДАРЕНКО

Прочнее танковой брони

Давно ушел Федор Иванович Гоник в отставку, но все годы он по-прежнему остается на посту. И кто знает, скольким людям спас он жизни своим добрым словом о водителях, о их нелегкой работе.

ЭТОГО человека знают тысячи новомосковцев и практически все автомобилисты города. Многие знают лишь заочно, по его былым регулярным публикациям в газете с указанием «должности» — «внештатный автоинспектор». После ухода на пенсию, по самым скромным подсчетам, он опубликовал свыше 200 статей, корреспонденций, бесед на темы дорожной безопасности. И это не считая публикаций в многотиражных газетах химиков, строителей и даже в сельской «Ниве».

На снимке вы видите Федора Ивановича Гоника: он ветеран Великой Отечественной, бывший танкист, бывший гвардеец.

Начало жизненного пути у многих людей схоже между собой. Не было исключением и Федя Гоник. Детство и школьные годы его прошли в знаменитой киевской Дарнице - чудесном районе столицы Украины. Не по годам рослый и крепкий парень сразу после семилетки пошел в школу ФЗО, причем специальность выбрал не так себе, а кузнеца - под стать своим физическим данным. Восемнадцати лет не было, а он уже «кузнечил» на заводе.

Надо напомнить, что до войны престиж летчиков, танкистов, моряков был очень высоким - все мальчишки мечтали стать военными командирами. Гоник тоже мечтал: о военно-морском училище.

Оказалось, не судьба - «забраковали». Благо, у комиссии выбор был большой.

- Но я твердо решил стать военным, - рассказывает Федор Иванович, - не получилось из меня моряка, давайте еще хоть кем-нибудь: танкистом, например.

Направили Федора в полковую школу резервного танкового полка учиться на механика-водителя. Это было в 1940 году. Отлично освоил Федор Гоник технику вождения танка. Попутно - и стрельбу из пушки, пулемета. В бою ведь надо уметь заменить любого члена экипажа. Школу Федор окончил с отличием, в звании сержанта. И был направлен в отдельный танковый батальон, находившийся в Западной Украине. Не знал и не ведал, что там его застанет война.

Достался ему танк «БТ-7» - средний по весу, маневренный, быстроходный. «Броня крепка, и танки наши быстры...» - пели танкисты перед войной. Началась она, как известно, внезапным нападением гитлеровской Германии на нашу Родину. Уже на второй день пришлось вступить в бой. Танк, ведомый Федором Гоником, делал все, что было возможно, для отражения первых атак фашистов. Замешкались, попятились немцы, хотя силы были неравны. И тут тяжелый снаряд угодил в «бэтэушку», рванул, приподнял в воздух и опрокинул. Таким получилось у Федора боевое крещение и... первое серьезное ранение.

Как его вытащили из танка, как доставили в госпиталь - не любит он вспоминать. Ведь и бой-то длился всего несколько часов. А лечиться пришлось несколько месяцев. После лечения - снова в строй. Своему роду войск Федор Гоник не изменил за всю войну, после всех трех тяжелых ранений.

Федор Иванович вспоминает свою первую встречу с «королевскими тиграми» немцев. Одно название чего стоит - «тигр»! Или не менее «страшное» - «пантера».

- Поневоле оторопь брала, - говорит Федор Иванович. - Но мы вскоре поняли: не так страшен черт, как его малюют. Я в то время был механиком-водителем «иэски» - тяжелого танка «Иосиф Сталин». Пушка на нем могучая, бронебойные снаряды калибра 122

миллиметра. При удачном попадании насквозь прошивали «королевских тигров». Бережно хранит Федор Иванович скромно изданный (тиражом всего в 500 экземпляров) альбом о боевом пути 65-й армии. В нем фотоснимки боевых генералов, политработников, групповые фотографии ветеранов армии, схемы боевых действий, немного текстовых пояснений. Путь - от Сталинграда до логова фашистского зверя, до Эльбы. Федор Иванович комментирует:

- Первый мой бой был под городом Владимир-Волынский. Продолжалось отступление под натиском врага в направлении Сталинграда. Дрались танкисты, не щадя себя. Достаточно сказать, что из 60 танков нашей бригады уцелело всего два.

Припомнил Гоник такой примечательный факт. Когда Сталину доложили о состоянии 4-й танковой армии, о том, что ей воевать уже нечем, он задумался. Потом будто бы спросил: какой последний номер нашей общевойсковой армии? Ему ответили: 64-й. «На базе 4-й танковой надо развернуть 65-ю общевойсковую армию», - сказал он. Слово Главнокомандующего было законом. Но в 65-й общевойсковой сохранились дух и традиции танковой. И брони там было достаточно. А самое главное, что было прочнее любой брони, - негибаемое мужество ее воинов, от рядового солдата до командующего Павла Ивановича Батова.

В числе других «захлопнувших» сталинградский «котел» была 65-я армия, наносившая удар с севера. Сполна расквитались наши воины с наглыми захватчиками. Только плененных из группировки фельдмаршала Паулюса было свыше 300 тысяч солдат и офицеров. Да и сам фельдмаршал оказался в плену.

Если следовать по маршрутам 65-й армии, то каких только городов там нет. И Калач, и Севск, и Шостка, и Гомель, и Бобруйск, и Минск, и Брест, и Варшава, и другие, пока не вышли на побережье Балтийского моря в районе Гданьска. А сколько рек форсировали! И все это с боями, с победами и потерями, со слезами радости и печали на глазах.

После окончания войны Гоник, как и большинство других воинов, мечтал о демобилизации, возвращении к мирному труду. Но он был уже офицером. Откладывалась демобилизация - и поневоле стал он

кадровым военным. Служил семь лет в Китайской Народной Республике, потом - Дальневосточный военный округ, Забайкальский. Служил, солдат учил, и свой боевой опыт передавал, и в чинах-званиях подрастал. Вроде бы незаметно, а полная выслуга для пенсии получилась. В тресте «Новомосковскпромстрой» оказалась вакантная должность начальника штаба ГО. А гражданская оборона в ту пору была делом очень важным, за нее спрашивали полной мерой. Федор Гоник энергично взялся за дело, и вскоре его работа ставилась в пример другим организациям. Избрали Федора Ивановича и неосвобожденным секретарем парткома треста, и «гаишники» почти 20 лет использовали его активность как внештатного автоинспектора. Вел профилактическую работу Федор Иванович в школах, с малых лет приучая ребят к соблюдению правил дорожного движения. И в детсадах занимался с совсем малыми детьми. Польза от таких занятий огромна и неоценима. С начала существования горсовета ветеранов войны и там для Федора Ивановича нашлась «нагрузка». И все это - на общественных, бескорыстных началах.

Служит людям и общему делу ветеран войны. Наверное, в этом он находит не только удовлетворение, но и смысл нынешней жизни.

Евгений ЖИМОЛОСТОВ

Через бои... за профессией

В СОРОК третьем, когда исход войны уже был предreshен, молодых, хорошо зарекомендовавших себя на службе, образованных бойцов командование со всех фронтов стало направлять в военные училища. Так страна восполняла поредевшие офицерские ряды Красной Армии. На мою долю выпало военно-политическое училище. Там «нашли» меня две награды. Получил медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». И там закончилась моя солдатская судьба.

Честно скажу, жизнь рядового бойца - многотрудная, смертельно опасная - все-таки нравилась больше. Много послевоенных лет довелось носить офицерские погоны, но мундир с иголки мне не был дороже солдатского бушлата.

Все потому, наверное, что в начале войны бывшие школьники по сути оставались пацанами: бесшабашными, отчаянными, не обремененными семьей и тоской по оставленной профессии.

С Ваней Симоновым, другом детства из деревни Любовка (сам я из соседней Ильинки), прибыли в Сталиногорский горвоенкомат летом 1942 года. Гитлеровцев мы помнили по прошлой зиме, когда несколько дней они лютовали в наших деревнях. Понятно, в бой рвались: хотелось поквитаться с врагом. Однако к фронту идти пришлось через пересыльные пункты. Когда, наконец, прибыли в свой истребительный противотанковый дивизион, случилась незадача: как «сосунков» нас никто в атаки сразу отправлять не собирался. Потом, через годы, отеческую заботу фронтовых командиров мы оценили. Но осенью 42-го сильно обижались на сержантов, которые доверяли новобранцам только погрузку пушек на платформы да еще кнуты при транспортировке орудий лошадиными упряжками.

На Волховском фронте под Ленинградом в короткие дни передышки

«экстерном» сдавали мы экзамены на умение владеть прицелом, скрытно подносить снаряды, быстро менять дислокацию. В первом бою враги не накрыли своим танковым встречным огнем наши пушки-«сорокопятки» (45-й калибр). Выжили боевые расчеты - вот и весь экзамен! После «крещения» началась настоящая солдатская война: новобранцы считались уже обстрелянными.

Ваню Симонова командир батареи назначил своим ординарцем, почувствовав в крестьянском парне хозяйскую закваску. Новой должности друга мы порадовались. Уже шла зима, и Ваня первым устанавливал на всяком новом месте походную командирскую палатку. С помощью солдат заготавливались для «буржуйки» дрова, и потому в лютые холода под комбатовским брезентом грелись столько бойцов, сколько вмещалось вокруг чугунной печки. При этом офицеры батальона охотно теснились: не принята была субординация, когда речь шла о тепле или питании, - все было на фронте общим.

В метельном январе 1943 года греться и дремать у огня приходилось все реже. Войска нашего Волховского фронта шли на соединение с Ленинградским. Фашистов наша армия уже погнала от северной столицы. После ожесточенных боев ближе к весне мы вновь заняли глухую оборону. На смену холодам пришла другая беда: авитаминоз и повальная «куриная слепота». В сумерках и ночью отстреливаться были способны считанные бойцы. В дополнение к сухим пайкам пили густо заваренный чай с настоем хвои. Благо, этого добра достаточно - только руку протяни. Вяжущая горечь вскоре избавила всех от недуга.

Весна и лето порадовали не только теплом. Жарко было от самой работы. Батарея каждый день меняла позиции. Фронт уходил к юго-западу, и нам постоянно требовалось держаться на расстоянии выстрела от бегущего восвояси противника.

Далеко позади остался освобожденный Ленинград, когда я узнал, что дважды награжден медалями. Но вручение произошло уже в военно-политическом училище.

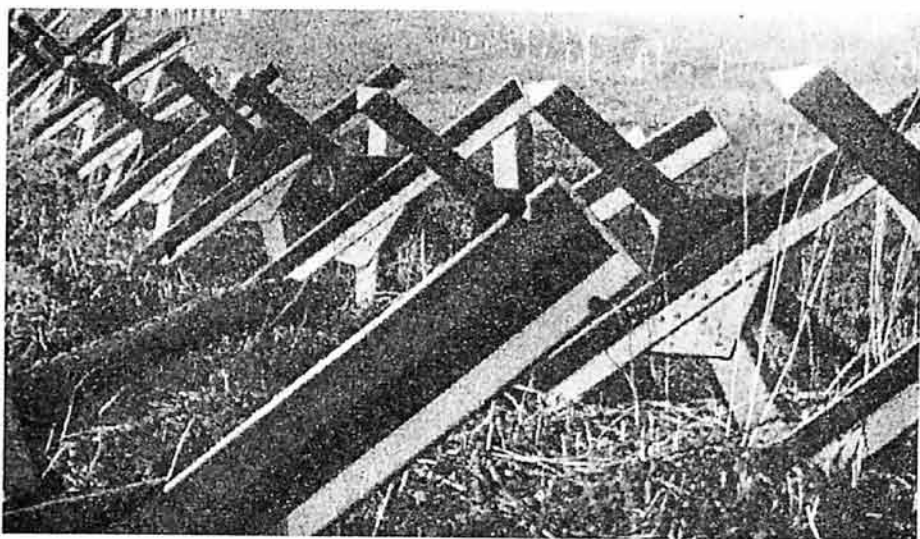

Вернусь к началу войны. Это любопытно, потому что в армию я «призвал» себя... собственноручно!

А случилось так. Сталиногорский военкомат пользовался услугами наиболее грамотных парней из ремесленного училища № 3: мы по соседски приглашались заполнять бланки воинских предписаний. 26 августа 1942 года я собственноручно каллиграфическим почерком выписал призывной документ на свое имя. На следующее утро только перешел улицу, чтобы стать солдатом величайшей в истории планеты войны.

К месту проверки новобранцы шли в сопровождении друзей и родственников. А далее - пешком до Узловой под присмотром кадровых военных. «Телячьи» вагоны шли через Тулу к Москве, пополняясь на каждой станции бритоголовыми парнями. В землянках под Горьким проходило «сватовство»: армейские офицеры искали бойцов для пополнения своих подразделений. Меня «купили» моряки общевойсковой береговой пехоты. Этому обстоятельству я был рад, потому что закадычный друг и сосед по деревне Ильинка Ваня Симонов тоже попал в Севморфлот: вдвоем-то и горе не беда.

Присягу приняли в Мурманске как моряки, но воды за всю войну под Ленинградом мы с Ваней не видели, кроме болотной.

Кони, люди, орудия, кухня, палатки - все смешалось в лесах пригорода. Где-то там, далеко, на родине давно освободили Сталиногорск с

милой сердцу Ильинкой, речкой Любовкой, а вокруг северной столицы только ту же сжималось кольцо осады. В своем отдельном истребительном противотанковом дивизионе Волховского фронта мы впервые «стрельнули» из пушки. «Салаги» к 45-миллиметровым орудиям допускались только для подноски снарядов. Мне повезло. Назначили заряжающим: как-никак, «ученый», ремесленник, технар. Повезло и Ваньке. Как я уже сказал.

Заряжающим я был оборотистым и старательным. В жарком бою подменял наводчика. Батальонный командир приблизил к себе, «сделав» комсоргом батареи. Газеты читать перед бойцами, посылки с большой земли делить среди ребят - это привычное дело. Но лучше теплых носков, сладких сахарных камней и кисетов для махорки грели нас, молодых защитников Ленинграда, девичьи письма. Сотни, тысячи заочных подруг писали нежные слова в далекий заснеженный лес, который к весне оказывался болотом. Писали просто: бойцу. Следующей почтой уже называли девочки своего героя по имени. Случалось, на третье, пятое письмо отвечали заочнице командир, комиссар или комсорг: «...геройски погиб».

О «своих» боях под Ленинградом не могу сказать как о самых жестоких. За месяцы обороны я даже не был ранен. Дивизиону по сути не менялась задача. Держали «коридор» в пять километров, который к весне сорок третьего расширили до двадцати. Дислокацию меняли исключительно с тем, чтобы не дать врагу возможности пристреляться: сегодня - здесь, завтра - там. Ряд позиций даже

элементарно обжечь успели.

Ваню, земляка своего, потерял из вида в январе сорок третьего. Пострадал друг, в госпиталь уехал. Потом минометчиком в другую часть был переведен. Где-то на западном направлении он сложил голову героем. О том и теперь помнят в Ильинке.

И еще должны помнить сталиногорские старожилы тогдашних северных временок дядю Захара. Сам я фамилию этого 50-летнего солдата, дивизионного ездового запомнил, но знаю: уходил на войну дядя Захар из барака № 8. Нашелся бы кто из потомков, рассказал бы я, как свято служил, как героически погиб в бою солдат Захар летом 1943 года. Хоронили бойца всем батальоном. По чести, совести он был равен лучшим воинам дивизиона. По годам и солдатской мудрости не имел равных.

Период обороны Ленинграда для меня прервался внезапно. В сентябре 1943-го вдруг явился посыльный из штаба дивизии. Было

велено сдать оружие и явиться к комдиву. Начальник штаба вручил пакет, приказал передать в политуправление фронта. Прибыл по приказу, а там таких же бойцов еще более тридцати. И все с пакетами. Входили к начальству по одному. Когда мой черед пришел, командир в моем присутствии вскрыл пакет. Оказалось, нес я в том пакете собственный перевод и назначение в военно-политическое училище. Определен был в Харьковское, которое квартировало в Кировской области.

Тут и заканчиваю рассказ об участии в защите блокадного Ленинграда. Далее вся судьба связана с профессиональной военной службой. Младшим лейтенантом еще успел принять участие в победоносном продвижении Советской Армии через Восточную Пруссию, в штурме Кенигсберга. В Пилау (нынешнем Балтийске) встретил Победу. В общей сложности 45 лет жизни отданы мною воинской службе.

Раиса ЛАЗУТИНА

Лед идет

СПОКОЙНО на Ладоге скоро будет, почитай, семидесятая навигация...

В свое время я пережила весь ужас гитлеровской осады северной столицы, борьбу блокадного города за выживание. 900 дней и ночей в Ленинграде провели еще многие другие из наших земляков. Но большинство из них по причине тогдашнего детства слабо помнят или вовсе не помнят все происходившее с ними в блокаду, но я уже глазами взрослого человека воспринимала ленинградскую эпопею с первых дней гитлеровского нашествия.

С последнего дня пребывания в осажденном Ленинграде начну свой рассказ. К началу цепочки событий еще вернемся. А пока - самый счастливый день медсестры Лазутиной, т.е. мой. К весне, казалось, все уже было позади. Открылась лазейка, та самая «дорога жизни», по которой ночами город подпитывался боеприпасами и продовольствием, в обратную сторону вывозились люди. Свой эвакуист я получила 8 апреля 1942 года. До вывоза подопечных пациентов из седьмого корпуса госпиталя им. Карла Либкнехта о такой «дорожной карте» военному медработнику и думать не было дозволено. И вот оно - на том берегу Ладоги - моё счастье!

Но природа после крутых морозов первого года войны словно взяла реванш у погоды. Весна одела ладожский лед в голубые пятна малых озерец на поверхности. Уже совсем не каждая «полуторка» удачно преодолевала ослабевшую поверхность ледяного зеркала. Помню солдата-парнишку, который оставался на подножке кабины, пока не оказался в воде по пояс, а машина и вовсе сгнула в темени ночи. Благо, уже недалеко и до берега оставалось. Люди благополучно повыскакивали, но пожитки мало кто прихватить успел. Утонул и мой чемоданчик. Водителя девчата угощали папиросами, какие нам, медикам, взамен хлеба часто давали. А еще бегом спасался парень от холода.

А теперь вернусь к началу. ...В Ленинграде я появилась с целой

группой земляков. Выпускники нашей первой образцовой школы летом 1939 года выезжали покорять институты северной столицы. Надо заметить, все пятнадцать человек поступили: в военные училища, связи, в педагогические и медицинские вузы.

Когда грянула Великая Отечественная война, мальчишки-студенты из сталингорских вместе с другими военными ушли на фронт, девчатам тоже было предписано явиться в военкоматы. Студенткам-медикам

пути к эвакуации были закрыты. Посменная работа в госпитале не так изматывала, как обязательное участие в рытье оборонительных сооружений. Первые налеты вражеской авиации мы с подругами пережили под открытым небом в непосредственной близости к Бадаевским складам стратегических запасов продовольствия.

Видела я, как в зареве пожара текли по мостовым расплавленные сахар и масло, замешанные на крови сотен убитых и раненых. Это была последняя картина продовольственного изобилия. У местных, особенно живущих в пригородах, какое-то время еще оставались

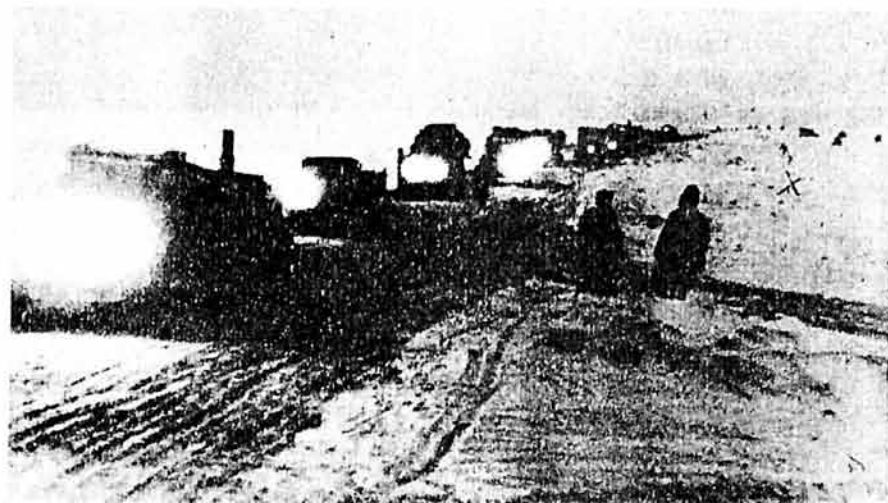
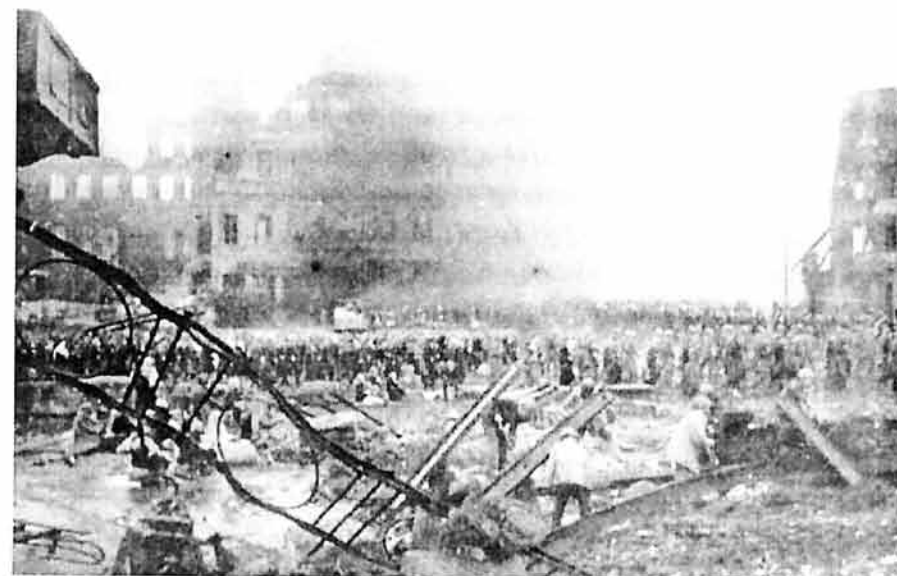

припасы. А мы, студентки-медики, в своем общежитии довольствовались кипятком и хлебом, которого по карточкам выдавалось все меньше и меньше.

Далее, опуская другие эпизоды эвакуации по ладожскому льду, вспоминаю товарный открытый вагон, который в составе эшелона тянется с 8 апреля до 1 мая 1942 года на Кавказ: там молох войны еще не проносился. Эваколисты давали право нам, ленинградским беженцам, на скудное питание. Но всякий раз - в Ярославле, Костроме, Тамбове, Сталинграде - перед походом к полевой кухне мы помогали военным подвешивать на специальные лебедочные крюки трупы умерших в пути. Помню, что в Минводы наша платформа пришла наполовину свободной.

Черные от бомбежек в дороге и паровозного дыма уцелевшие беженцы (беженки, потому что мужчины сразу были востребованы армией) поступили на пункт санобработки. Стригли нас наголо, раздевали и мыли здоровенные сибиряки, военные санитары. Никто не испытывал стыда. После месяца невзгод, лишений, слез и ужасов смертельно опасного ночного передвижения сотни нагих женщин нежились в теплой воде и мыльной пене.

На утро освобождали барак санпропускника для новых

эвакуированных. Молодых ленинградцев расселяли по квартирам. Вспоминаю, как зажиточная кабардинка захлопнула калитку двора перед носом офицера-интенданта. Военный крикнул хозяйке через забор: «Ты, мать, готовь сына! Завтра он получит повестку. Штрафную роту «за уклонение» гарантирую!».

Калитка распахнулась. Меня обогрели, накормили, до самой осени «сдували пылинки» с дорогой «гостью». Только после сбора урожая хлебов мне, как всем ленинградским беженцам, военная комендатура дала «вольную».

В родном Новомосковске много лет после войны работала экономистом в отделе сбыта «Азота». С химкомбината и уходила на пенсию. Однажды перед одним из юбилеев Победы посетила город своей тревожной юности. Следов войны в нем осталось мало. На Ладожском озере шел лед. Потому что в права вступила новая весна.

Анна НЕЧАЕВА

Белый снег. Белое безмолвие...

СЧАСТЬЕМ считала, я, провинциальная девчонка, свое поступление в Ленинградский пединститут. Не сильно противились решению родители. Куда ж я денусь после окончания естественного факультета? Домой и вернусь - «учителкой» или агрономом.

Все к тому и шло. Мы, институтские «ботаники», как и положено после второго года обучения, выехали на практику в ленинградский пригород. Там, на пахотных землях опытной станции, летом 1941 года застала нас первая воздушная тревога.

В широком поле отделались легким испугом. Бросились к станции, чтобы в город уехать. Вот там и натерпелись страху. Огонь полыхал ужасно: прицельно атаковала вражеская авиация.

Возвратившихся практикантов институт откомандировал в распоряжение комитета обороны. Копали мы противотанковые рвы под Кингисеппом, что почти у финской границы. По несколько раз в день низко «кланялись» собственным раскопкам. Еще дым и гарь не

рассеивались, когда снова вступали в работу лопаты. Были потери, но факультетских беда пока обходила.

Примерно через месяц глубокой ночью старшая подняла землекопов: «Немцы идут! Уходим капустным полем. Лопаты с собой! Кто бросит – под трибунал!». В городе «задним умом» мы сообразили, что напрасно не взяли даже капусты в

дорогу. Ленинградцы уже жили по продовольственным карточкам, магазины были пусты.

Помню наволочку сатиновую своей рукой расшитую узорами. Ее сумела поменять на плитку столярного клея. Варено походило на холодец. На нем дотянула до первого казенного обеда в столовой.

В сентябре в здание факультета угодила бомба – занятиям пришел конец. Нам снова вручили лопаты. Рыли окопы уже на городской окраине. Еще не прямой наводкой, но вполне прицельно стреляла вражеская артиллерия. По детству и юности случалось мне и прежде видеть покойных. Но смотреть на убитых рядом было ужасно.

Когда красноармейцы заняли оборону в окопах, бросили нас, институтских девчат, на помощь мебельщикам. Фабрика полностью специализировалась на сколачивании оружейных ящиков и других – длиною в рост человеческий. С наступлением холодов вторая позиция была отменена: городу уже было не до почестей. Хоронили погибших и умерших от голода в саванах. А когда полыхнули Бадаевские стратегические склады и город снова уменьшил продовольственную норму, хоронить перестали вовсе.

Зима 41-го оказалась на редкость суровой. Студенты в своем общежитии жгли вначале мебель, потом прощались с любимыми книгами, даже конспекты шли в ход ради кружки кипятка.

Первую из умерших подруг мы оплакивали, завернув ее в одеяло. Для всех других слез не оставалось, и теплых вещей с покойниками мы уже не выносили к тротуару, с которого похоронные бригады далеко не каждый день увозили тела.

К Неве за водой с чайником ходили по очереди. Остававшиеся лежали исключительно ради сохранения силы, которой крайне мало давал хлеб с примесями овса, сои, солода, жмыха и даже древесной муки.

В декабре военный завод, восполняя кадровые потери, принял в числе других студентов на конвейер. Рабочая карточка в 250 граммов хлеба и столовский суп с дрожжами – почти роскошь. Но за это и спрос был, и каторжный труд. Комсомольские путевки в госпиталь для ухода за ранеными и даже на обработку хлоркой кладбищенских завалов казались прогулками в сравнении с грохотом заводских машин при штамповке противопехотных мин.

Весна 1942 года стала праздником для студентов пединститута им. Герцена. Правительство и военное командование приняли решение эвакуировать вуз в глубь страны, на Урал, где уже готовились площадки для его размещения.

Не знаю, сколько студентов, сколько моих сокурсниц-«ботаников» доехали до места, вырвавшись из железного кольца блокады. Серьезно подорвав здоровье голодом, неженским трудом, я прежде всего решила навестить родителей. В барачном Сталиногорске люди доедали горелый хлеб разбомбленного в 41-м элеватора. Но это был хлеб, настоящий. А с молоком – необыкновенного вкуса продукт.

Перевелась я в Московский педагогический на заочное отделение. И началась новая, вполне мирная, размеренная жизнь. Была принята экономистом на химкомбинат, который в ту пору залечивал военные раны. Была еще работа в тресте «Домостроение». Семья, ребенок, прочие радости были, огорчения случались – все как у других.

Спрашивают меня часто, как через призму прожитых лет

представляю блокаду?

Ярче всего помню... белый снег. Белое безмолвие после очередной бомбежки. Еще помню шипение «зажигалки» на крыше, которую надо успеть погасить. Огромное в белом мареве небо – единственный враг ленинградца. И еще подушку помню в разбитом окне общежития, да любимую книгу с фотографиями полевых цветов.

Николай **НОВИКОВ**

Марш победителей в памяти участника

24 июня - исторический Парад Победы на Красной площади (1945 г.)

ЛЕТ, наверное, двадцать назад какой-то из военкоматовских чиновников усомнился в моем, участии, как фронтовика-североморца в историческом Параде на Красной площади 24 июня 1945 года.

Я впервые понял тогда, как слабо защищены настоящие герои, действующие лица главного парада столетия, люди, олицетворяющие всенародный подвиг. Страна не учредила знака отличия для участников событий на своей главной площади, нет даже банальных удостоверений для этой категории людей.

Что касается меня лично, то «буквоеда» в погонах убедить оказалось несложно. В удостоверении к медали «За победу над Германией» стоит подпись командира сводного парадного полка Северного морского флота. Награды с такой подписью вручались в войсках строго перед командировкой в Москву для участия в марше победителей.

Еще одно документальное свидетельство моего визита в столичное предместье соловьиной весной 1945 года, а затем и дождливым днем 24 июня на Красную площадь получил я сравнительно недавно. Когда еще в ходу были кассетные бытовые «видики», диктор новорожденного канала «Культура» объявила однажды, что вечером будет показана в эфире цветная версия кинохроники с Парада Победы. Мельком себя, своих сослуживцев по флоту я и прежде видел на экране. Но тут «картинка» обещалась в цвете! Вот и «скатали» дети хроникальную ленту на магнитофон. А на нем уже устроили для всех домашних покaдровый просмотр.

Для порядка назову тех, кто в кадре слева направо. Это сослуживцы по сводному парадному полку ВМФ: капитан второго ранга, Герой Советского Союза Зюзин (его имя я сейчас не припомню), командир соединения катеров-охотников за подлодками, лейтенант, тоже Герой Борис Тимофеевич Павлов. Далее пошли командиры отделений. Самый высокий Николай Ковалев, а рядом с ним - я, командир второго отделения я.

Теперь самое время рассказать об обстоятельствах, предшествовавших памятного параду, и причинах включения меня, фронтового морского связиста, в элитный сводный полк. Во-первых, у меня по советским меркам безупречная биография. Крестьянский сын из Веневской деревни Крюково. Хорошо учился в школе и в «ремеслухе». На нашем «Азоте» проходил практику в газогенераторном цехе. Еще закончил механический техникум при Министерстве путей сообщения, к 1939 году выучился в военно-морской школе ОСОАВИАХИМа (предшественник ДОСААФ и РОСТО). Далее - комсомольский призыв на флот, «учебка» в Кронштадте. Аккурат к войне с Финляндией (короткой, но кровопролитной) флотское соединение охраны пополнилось корабельным радистом в моем лице.

Великая война для меня с первого дня - это жизнь «на нерве». Сторожевой «Смерч», на котором служил, перевозил десантников, конвоировал наши суда со стратегическими грузами, сопровождал боевые эскадры, находился в дозоре, охранял базы флота. Случалось, сотни дней проходили с боями, и «Смерч» оставался неуязвимым. Бывало, страдало судно, затем быстро латалось. Но однажды прямо в порту на мелководье от вражеской бомбы пошел ко дну сторожевик. Затонувшего героя подняли сравнительно быстро, но около года ремонтировали. Из 70 человек экипажа далеко не все вернулись на борт: к новому подъему флага многие из нашей команды погибли в сражениях на других судах, в морской пехоте, в портовых службах, на базах флота.

Когда в 1945-м Москва, Госкомитет обороны, Иосиф Сталин готовили исторический парад, конечно, на глаза народов всей планеты, считалось, должны были попасть только герои войны. Сторожевой

«Смерч», отлично сражавшийся, тонувший, воскресший, продолживший службу, оказался в числе лучших. А в экипаже командиры считали лучшим меня, старшину-радиста, гидроакустика и

локаторщика.

«Глаза и уши» корабля - так меня и называли. Не ожидал я такого подарка судьбы. Радиорубка и кубрик матросский уже за счастье считались на войне, когда было тихо. А тут целых два вагона молодых, рослых, неунывающих, толковых моряков, у которых от соленых вод накрепко просолены и шутки-прибаутки. Трое суток в такой развеселой компании поездом по специальной ветке через районы вечной мерзлоты от Мурманска до подмосковных Химок показали мне райским круизом. Командующий флотом Арсений Головко еще на базе в Полярном сказал: «Ведите себя достойно! Могу и приказать, но я вас, мужики, прошу...»

С парада вернулись мы с честью. Но на отдыхе своего не упустили. Весна, ребята! В Полярном нас перед парадом «гоняли». В Химках муштра была много строже: через день наведывались то один, то другой кремлевские «смотрящие». За пару дней до марша победителей были сведены все полки вместе.

Родина обула и одела каждого из нас по роду войск и по конкретному торжественному поводу. Та «форма №3» из флотского перечня по сей день хранится в моей семье. Поблекла, обветшала за долгие десятилетия. Но чтима она и детьми, и внуками.

Утром 24-го после построения оказалось, что мы, моряки, стоим строго напротив мавзолея. Офицеры и командиры отделений вовсе в

первом ряду. Рокоссовского, командовавшего парадом, всенародно любимого Жукова видел я буквально с десятка метров. Уже когда отгремело «Ура!» приветствий, понял я, что не вижу главного на этой площади. Скривив губы, шепнул тезке Коле Ковалеву: «А где Сталин?!». Тот также шепчет в ответ: «Посчитай слева...до коротенького, седого!»

Я и теперь помню, как был разочарован. Сталина с детства видел на портретах чернявым, усатым гигантом. А тут... Даже усы у вождя оказались обвислые с проседью.

Разумеется, был после парада банкет. Друзья - Герои - рассказывали: старших офицеров фронтов и соединений присутствовавший Сталин приветствовал лично. Но это известно мне только со слов...

Прозвучала команда, и тысячи военных прошли перед трибуной, высоко подняв по маршевой науке свои подбородки. Как падали поверженные вражеские знамена, сам знаю только по кадрам хроники, сделанным в день величайшего торжества на площади.

Зато лично убедился, как любила Москва своих защитников, победителей в страшнейшей войне. Никто из нас, товарищей-краснофлотцев, вниманием обижен не был. Но самыми обласканными были Павлов и Зюзин. Этих Героев Советского Союза буквально на руках носили. Я на ту пору имел только орден Красной Звезды да еще с полдюжины медалей.

Теперь наград за труд у меня стало много больше, чем за солдатскую доблесть. А все потому, что мой производственный путь в химии, в проектной инженерной службе оказался гораздо длиннее. Раз в десять в сравнении с военным.

Александр ПЫРЬЕВ

«Радистка» из Сталиногорска

Отчасти потому, что недолгой была оккупация Сталиногорска гитлеровскими захватчиками, не успели фашисты собрать полную информацию о комиссарах, партизанах, обо всех активно сражавшихся в нашем краю против непрощенных гостей. Но оснований тревожиться за свою и детей жизнь у Музы Емельяновны Рожковой было зимой 1941-го предостаточно: в противостоянии систем, мировоззрений, идеологий наша почтенная землячка играла свою роль уже с 1939 года.

Потом пришла беда

НА ШАХТЕ «Октябрьское поле» (район Скопина) комсомолка Рожкова очень скоро была замечена: ударница прикипела к работе, а учеба в горнопромышленной школе только упрочила ее позиции в горняцком коллективе.

Как часто случалось с лучшими людьми на производстве, рекомендовали партийные лидеры Музу в школу совпартактива. А вот из Тулы обратная дорога на шахту у девчонки не получилась. Сталиногорский горком комсомола запросил образованного верного ленинца для работы на идеологическом фронте.

В редакцию Сталиногорского радиовещания Рожкова пришла к таким же девчатам, которые «без году неделю» работали в эфире. Две Вали – Тюленева и Гришина – правда, уже

пообжились на студии, в прямых передачах радио. А Надя Шишкина вовсе опытной была: годами постарше и в должности редакторской состояла.

Шахтерское дело, ясно, оставить пришлось. Но былой четырехлетний опыт и горнопромышленная «учебка» пригодились во всей оставшейся творческой жизни «радистки». Кстати, всегда и всех работников радио коротко называли «радистами»: удобно и понятно.

Девчата делили свои обязанности по «отраслевому» признаку. Передачи с шахтерским участием лучше получались у литработника Рожковой. Наука, смежные производства отрасли получали свое освещение по радио тоже устами Музы Емельяновны. Подруги отвечали за информацию с предприятий химии, объектов строительства.

Вести из села, панораму новостей готовили вместе, по очереди выходили в прямой эфир, потому что в ту пору просто не было записи передач как таковой. Девчонки только слышали, что где-то буржуи научились повторять сказанное в микрофон.

До самого лета 1941-го транслировали наши «радисты» Москву, в положенное время выходили в эфир с рапортами о победах в деле строительства социализма. Казалось, ничто не предвещало беды, какая случилась в июне. Помнит Муза Емельяновна, готовилась студия к приему выпускников школ Сталиногорска. Передача планировалась на вечер 22 июня. Однако Москва своим сообщением нарушила планы дня. Изменило всю жизнь вероломное нашествие фашистов на нашу страну.

С микрофоном на врага

ГЛАВНОЙ темой работников радиовещания стала защита Отечества. Наша землячка помнит сотни лиц. Уходившие на фронт сталиногорцы клялись у студийного микрофона в стремлении защитить своих родных, всех сограждан, всю страну от ненавистного врага. Звучали в эфире выступления организаторов сопротивления в Подмоскovie и Сталиногорске.

Если читатель представляет жизнь нашего города без телевидения,

то может понять, как ждали, как верили люди сообщениям по радио. Газеты по-своему хороши: там подробности, там портреты, узнаваемые имена и всегда какие-то надежды. Но радио – это оперативность, краткость, суть. Беда, что сутью в лихую годину являлись вести о больших потерях, о взятии врагами все новых и новых рубежей нашей обороны...

Сталиногорское радио смолкло с приходом фашистов. В толпе на площади с изваянием Иосифа Сталина никто не показал пальцем на пропагандиста и агитатора Рожкову, жену красноармейца, уже прославленного отвагой в боях.

Впрочем, и немцы не торопились с карательными делами. Верили, что пришли навсегда. Видела Муза, как манерно целовали господа офицеры ручки симпатичным «мадамам» и «фрейлинам». Тягловую силу, помнит «радистка», разместили в здании нынешней школы № 1, превратив ее в конюшню. Сами квартировать стали в домах, на которые командиры пальцем указали. К тем домам и технику подогнали. Барачная халупа, где жила с детьми Муза Емельяновна,

фашистов не прельстила. Повезло: без «квартирантов» бедовала солдатка.

В первый час трагедии порабощения города с радостными воплями «Сталин капут!» вандалы свергли с постамента статую вождя.

Третье, пятое ли утро наступило, когда разбудила дочка в лунном свете: «Смотри, мама, на улице два дяденьки дерутся!». Окна выходили аккурат на Дом культуры химиков (ныне ГДК). Муза в секунду задернула штору. Сообразила, что двое повешенных окоченели на лютом морозе и качаются на ветру, касаясь друг друга. Святая простота – малышка – и подумала, что «дерутся».

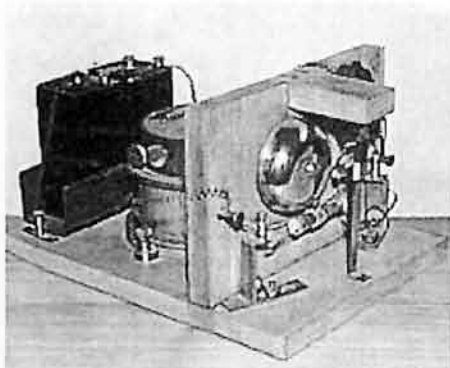
Партизан фашисты отправляли на виселицы еще в ряде сталиногорских районов, расстреливали людей при малейшем сопротивлении новому порядку.

Ударный труд на пепелищах

ПОЗДНЕЕ «радисты» сталиногорского вещания рассказывали в передачах о времени решительного контрнаступления наших войск, о зверствах врага. В выступлениях партийных деятелей, руководителей подполья, воинов-освободителей нашлись теплые слова признательности всем девчатам, обеспечившим устойчивую связь со слушателями до момента вторжения врага и сразу после его изгнания.

За те слова спасибо. Но не ради благодарности начальства работали в годы войны десятки тысяч сталиногорцев от мала до велика. Возрождались из руин электрическая станция и химический гигант, носивший в ту пору имя главы государства. Восстанавливалось все: и что сами взрывали, и что гитлеровцы порушили. Город в лучшие довоенные годы не имел такого количества тружеников, сколько было привлечено на стройки после изгнания варваров. Люди, особенно неквалифицированное население – молодежь, старики, домохозяйки – выходили на объекты буквально за дополнительную краюху хлеба.

Вахтовым методом круглосуточно работала редакция радиовещания. Транслировалась Москва, и с четкой, привычной периодичностью динамики на площадях, в цехах предприятий и в квартирах сообщали о ходе восстановления важнейших объектов

народного хозяйства. «Все для фронта, все для победы!» - этот лозунг стал лейтмотивом каждого эпизода вещания. Чуть позднее его сменил призыв: «Добить врага в фашистском логове!».

Все сказанное Муза Емельяновна относит к радио вообще. А сталиногорское выделяет ежедневными передачами с участием бойцов трудового фронта.

«Погоду» местного вещания определяли во времена ликвидации последствий нашествия выступления энергетиков, химиков, строителей и особенно уважаемых Рожковой шахтеров. В информационных выпусках, в дикторском тексте особенно грели души сталиногорцев сообщения о первых в городе киносеансах, танцевальных вечерах, о школьных утренниках, об открытии детского дома для осиротевших ребят. Даже театр появился в Сталиногорске задолго до Великой Победы. Вместе с коллегами из нашей газеты (теперь это «НП») писала репортаж о первой постановке Муза Рожкова. К тому событию появился у «радиистов» и первый магнитофон – тяжеленная громадина с бабинами и размером с чемодан средней величины. В аппаратной студии радиовещания разместились «МЭЗы» - системные блоки воспроизведения магнитных записей.

Жизнь налаживалась. В день Великой Победы и еще за несколько суток вещания без сна студийный микрофон «радиисты» включали, казалось, сотни раз. Сталиногорск ликовал, и уверен был народ в счастье на века.

Не знала, да и знать не могла русская «радиистка», работница идеологического фронта Муза Рожкова, что еще много трудностей судьба уготовила пострадавшему народу и даже его потомкам. Впереди были и волна новых репрессий, и холодное лето 1953-го, и кукурузный хлеб пополам с мякиной, и карточная продовольственная система, и новые локальные войны...

Вещание продолжается

ПОЗЫВНЫЕ Новомосковского (Сталиногорского) радио как будто звучат для всех нас и поныне. В том числе и для ветерана самого оперативного и массового средства информации. Сменялись на местном радио люди. Далеко увел новых специалистов технический прогресс. Давно оставила службу на идеологическом фронте ветеран труда М.Е. Рожкова. Так давно, что пришедшие на смену «радиисты» 70-х годов тоже стали седыми, воспитали своих преемников.

Выросли дети. С войны Галину (она теперь учительница) и Анатолия (он шахтер) растила жена красноармейца одна: стрелок Сергей Васильевич с фронта так и не вернулся. Ждала, вместе с детьми надеялась получить хоть какую-нибудь весточку. Ото всюду шли ответы: «Среди живых не значится. В числе убитых не назван». Внуки и правнуки о главе рода знают только от старших.

Валентин ВОРОБЬЕВ

В эфире – Сталиногорск

Я НЕ ХУДОЖНИК слова. Участвую в юбилейном издании без всяких надежд на высокую оценку. Однако считаю необходимым это свое участие. Сотни, тысячи километров киноплёнки где-то еще хранит Тульская студия, перекочевавшая в областной центр. Надеюсь, хранит.

Покажу лишь часть личного фотоархива, образовавшегося от передач сталиногорского эфира. Богатые по всем советским меркам горняки Подмоскovie могли себе позволить «дорогую забаву», какой считался наш телецентр.

Но студия с трехмиллионной аудиторией очень быстро выросла из музыкально-развлекательных подростковых «штанишек»: превратилась в мощный вещательный, пропагандистский рупор. Говорю без всякой иронии, потому что 60-70-е были годами стремительного подъема ведущих отраслей народного хозяйства. Вместе со всей страной сталиногорцы оправались от последствий гитлеровского нашествия. Наша студия устами победившего народа-труженика рассказывала обо всех преобразованиях в ходе ликвидации послевоенной разрухи и продолжении работ на ниве созидания.

Красиво сказал, не правда ли? Между тем, задачей всей трудовой жизни, служебной, профессиональной,

режиссерской обязанностью считал красивый показ! Телевидение – это «картинка» в первую очередь. Как дитя своего времени, как сталиногорский «абориген», с рождения очевидец всех свершений до войны и после выставляю на обозрение земляков те «картинки», которые делал сам или репродуцировал с оригиналов снимков гостей студии. А побывали передо мной в павильоне на моих мониторах, в эфире Подмоскovie (и позднее – Тульского ТВ) десятки тысяч героев первых пятилеток.

В своей подборке делаю упор только на те кадры, которые прежде никто из современников не видел. Все-таки, юбилейные издания! Читайте, мое ретро из фото и есть моя «фишка».

ОБ АВТОРЕ: Валентин Алексеевич Воробьев – из тех редких интеллигентов, которые, по его собственному признанию, на производстве ничего, кроме телекамеры, в руках не

держал. Иное дело, что камеры те на стационаре Сталиногорской студии телевидения весили до сотни килограммов... И было их в павильоне не менее трех «под командой» у первого режиссера.

НА СНИМКАХ:

- Телебашня в пос. Гипсового комбината в год строительства.
- Первый выход в эфир Сталиногорской студии ТВ.
- Спортивный праздник на городском стадионе.
- Музыкальная передача.
- Передача для горняков с участием полных кавалеров орденов шахтерской славы.
- Новомосковские телевизионщики на освещении Олимпийских игр в Москве (1980 г.)
- В аппаратно-студийном блоке (АСБ) В. Воробьев с ассистентами.

Александр КАМЕНСКИЙ

Вещали небо и земля

Отца Нины Андреевой (в девичестве Урбанской) звали Сигизмундом Феликсовичем. Принадлежал он к древнему польскому роду-племени, но почти девять десятков лет назад женился на русской и осел в стране красных знамен и высоких идей.

Дочь же по отчеству Сергеевной величают для простоты произношения. Она и не обижается. Нину Урбанскую знают все, кто помнит передачи первых лет, транслировавшиеся на нашем телевидении.

По ту сторону телеэкрана

В ТОТ день в Доме культуры первостроителей Сталиногорска работница гипсового комбината читала Константина Симонова. Конферансье бойко объявил, что «Сына артиллериста» исполнит дочь морского офицера, геройски погибшего на Ленинградском фронте, Нина Урбанская!

*«Был у майора Деева –
Товарищ – майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов...»*

Знал эту поэтическую балладу любой сталиногорский мальчишка. Но слушал зал затаив дыхание, как жил в артиллерийском полку при казарме Ленька, как говорили ему оба майора: мол, на свете два раза не умирать, что из седла ничто в жизни не вышибет настоящего воина...

Исполнительница поклонилась, окончив чтение, приподняла краешки ситцевого платица да и в три шажка сгнула за портьерой кулисы.

Потом, позднее, Нина много десятилетий дружила с двумя художниками – Дмитрием Федоровичем Усольцевым и Дмитрием Федоровичем Островским. А в тот памятный концертный День Советской Армии состоялось их знакомство. Молодые парни 23 февраля 1957 года еще носили удостоверения литсотрудников «Сталиногорской правды», но оба уже знали, что работать будут на телевидении.

Оба в один голос пригласили Нину попытать счастья в роли ведущей. Хотелось бы знать сейчас такую девчонку, которая не бредит кино или престижным местом по ту сторону телеэкрана. В пятьдесят седьмом романтики ТВ не существовало. Да и в городе нашем самих «ящичков» с линзами, на Москву настроенных, с десяток было, а то и того меньше.

Кроме нашего - второго в Советском Союзе - телецентра в Ленинграде, еще в ряде крупных областных и краевых центров «под копирку» с нашим строились здания со студиями для прямого вещания. Но только у нас вслед за Москвой обкатывалось в 1956 году трансляционное оборудование, отрабатывались первые контакты со столицей в телеэфире...

Был конкурс...

ГЛАЗУ привычной телевышки, что на поселке гипсового комбината, еще не было (она только строилась), когда созрели технари радиосвязи для передачи павильонной «картинки» в эфир. Антенну в экспериментальном порядке пришлось водрузить на самое высокое в городе сооружение. В 1956-м таким оставалась башня на территории нынешнего мельничного комбината. Урбанской об этом только рассказывали первые инженеры радиотелецентра. А сама Нина Сергеевна на пробы пришла в павильон, доселе существующий под телебашней. Кстати, замечает наша гостья, знаменитая, стране и миру известная «Шабаловка» и наш телецентр по архитектуре и оснащению в 50-е были словно близнецы-братья. По-разному на

небосводе смотрелись только вещательные вышки, но это уже особенности творений конструкторов-инженеров связи...

Итак, вошла в ярко освещенный павильон Нина Урбанская. В стайке оробевших конкурсанток она оказалась много шустрее: видимо, потому, что сценой была приучена к слепящим «юпитерам». Заметил это и оператор Юрий Фролов, тоже «вчерашний» корреспондент газеты: работал в «Кочегарке».

Вначале искали, куда бы посадить испытуемых. Разместили на скамейке, предназначенной, кажется, для хора. Нашлась в хозяйстве еще какая-то тумбочка. Пожалуйте в эфир! Первой «пожаловала» Урбанская. С места «отмолотила» текст на камеру, почти не заглядывая в подsunутую режиссером газетную информацию. С пульта по громкой связи: «А теперь встала! Что-нибудь наизусть, пожалуйста!».

В голову пришел из школьной программы пушкинский «Памятник».

Вот он и звучал, покуда не был оборван новым сообщением с пульта: «Пробы закончились! Всем спасибо! Свободны!». «Юпитеры» погасли.

В тот памятный день от директора студии Валентина Павловича Шепелюка Нина узнала о дате своего первого выхода в эфир Сталиногорска и, стало быть, о перемене места работы. Много ли потерял шахтерский коллектив гипсового комбината с увольнением Урбанской, никто определенно не знает, но Сталиногорское (а потом и Тульское) телевидение обрело известного, памятного народу собеседника. Не получается сказать, добавить, мол, на долгие годы. Диктором Нина Сергеевна была первым и уже потому более памятным в истории вещания нашей студии. Довольно скоро (по телевизионным меркам) ушла Урбанская «за кадр». «На вырост» взял ее к себе в помощники режиссер Владимир Александрович Большаков, тоже известный в городе и области человек, «сделавший» себе имя в журналистике и писательском творчестве.

В дикторском кресле долгие годы позднее оставались очаровательные подружки Урбанской – Тоня Владимировна, Люся Дьякова. Еще позднее по многу лет профессионально вещали Алла Кирилова, Володя Егоров, которые не без успеха «делали» и собственные передачи.

Авторские передачи (или, как теперь модно говорить, проекты) на Тульском телевидении начали осуществляться тоже гораздо раньше, чем где-либо, хотя региональные студии появились в большинстве областей, краев, республик. И это логично.

Например, первая (еще английская) передвижная телестанция (ПТС), опробованная на Центральном телевидении, прямиком проследовала в Сталиногорск, где в автономном режиме вещала на область и столицу из театров, концертных залов, со стадионов, площадей и из заводских цехов.

Полеты во сне и наяву

ГОДКОВ, наверное, десять было Нине, когда снился девочке сон, будто уносит ее ураган, да такой, что держится бедняжка за ковыль-

траву. И летит вдруг белая-белая птица. И кричит: «Держись, девочка, за землю!» - «Не могу!» - отвечает. С тем и проснулась в холодном поту.

Может, с год спустя в приходе епифанском поведала Нина видение памятное батюшке. Погладил он девочку, косы русые потрогал: «То не птица была, дочь моя. То ангел-хранитель тебе являлся. И велел он не летать высоко – земли держаться».

Так и сложилось все у Нины Урбанской. Ах, как хотелось ей, как бредилось хоть в Москву, хоть далее улететь в карьере своей перспективной! Но пошла в горный техникум. С «блеском» завалила экзамен на... Советской Конституции. Где же теперь место ближе к земле искать?

В ту пору целину народ поднимать начал. Чем не земля, хоть и залежная? Были еще в жизни Дальний Восток, Камчатка, Белоруссия... Далеко улетала, но всегда оседала на землях крестьянских: то одинокая по молодости, то с мужем.

Так произошло и после трудоустройства на телевидение. Все «студийцы» были молоды. И все обязательно учились: кто операторскому делу, кто режиссуре. Девчонки педагогический заканчивали, библиотечный или – явно не по профилю – химию изучали. Тут и Нина себе Богородицкий совхоз-техникум присмотрела. После третьего курса оставила заочница наше телевидение, потому что нашла себя в агрономии. Так сказать, определилась в выборе. Не уверена, что ангел небесный из вещего сна влиял на это решение, но приглашение на работу от управления рекультивации земель приняла Нина Сергеевна в одну минуту. В Советском Союзе такая производственная структура – промежуточная между горняцким делом и земледелием – была впервые создана именно на родине героя войны Урбанского. Кимовский район стал экспериментальной площадкой в реализации идеи возвращения в оборот гигантских раскопов.

Попробую объяснить столь резкий переход в жизнеописании нашей знакомой незнакомки. Вполне перспективный помощник режиссера студии телевидения, Нина Урбанская по заданию руководства не раз

«вызывала», а потом и «затаскивала» для участия в передачах эфира лидеров сельскохозяйственного производства, известных шахтеров, людей самых разных профессий. Тогда и узнала Нина Сергеевна из речей в прямом эфире о формировании уже упомянутого управления. Гордится гостя, что 19 лет, лучших лет работы, отдала она облагораживанию земель своими насаждениями на возрожденных угодьях: осинниками, ельниками, дубравами, березняками.

Через крохотную деревеньку Карачево, что в Кимовском районе, любили проезжать операторы и журналисты старой гвардии. Летом сживали на лужайке у домика, похожего на скворечник. Зимой топила Нина Сергеевна для гостей печь на дровах да угле. Случалось, незатейливый ужин плавно переходил в посиделки с песнями и воспоминаниями о светлых днях совместной работы на Сталиногорском ТВ.

В год сорокалетия областного телевидения собирались на студии в Новомосковске. Десятка три ветеранов еще можно было насчитать. Полувек юбилей не собрал и половины? Из тех, кто выходил в эфир в ночь на 1957-й год, дал бы Бог теперь троих-четверых увидеть-расцеловать.

Таня ЩЕРБАТЫХ (январь 2002 г.)

... И к штыку приравняли перо

У всякого журналиста много своих героев. Но исключительно редко читатель берется за перо, чтобы рассказать о журналисте. Перед нами как раз такой редкий случай: я никогда не работала в прессе.

Всем известна роль печатного слова. Как сказал кто-то из великих, «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Именно эти качества средств массовой информации особенно остро проявились в годы Великой Отечественной войны.

Старые пожелтевшие страницы «Сталиногорской правды» (так называлась наша «НП» - районная газета) свидетельствуют о годах военного лихолетья. Мой собеседник - Алексей Сидорович Бондаренко. Фронтовик. Офицер. Журналист. Интересный человек. Он известен сегодня как Почетный гражданин Новомосковска. Алексей Сидорович, заслуженный работник культуры, 40 послевоенных лет, из которых 26 лет был редактором «Новомосковской правды», отдал газете. Бережно перелистываем подшивку «Сталиногорской правды» военных лет. Алексей Сидорович охотно делится воспоминаниями.

Потом пришла война...

В ТОМ ДАЛЕКОМ сорок первом Алеша Бондаренко заканчивал

химико-механический техникум, но мечтал стать журналистом и уже был внештатным корреспондентом «Сталиногорской правды». 16 июня успешно защитил диплом. Сколько надежд! Сколько планов! Был уверен, что осуществит многое, ведь впереди целая жизнь.

Но грянула война, вмиг разрушив все. Через 20 дней неопределенности и ожидания Алексей получил повестку из военкомата: приказано отправиться в Калининское военное химическое училище. Прощай, журналистика, о которой мечтал. Теперь у всех одно общее дело, одна обязанность - защищать Родину.

После окончания военного училища лейтенант А.С. Бондаренко был направлен в действующую армию, участвовал в жесточайших сражениях на Западном фронте. В перерывах между боями писал письма родным и статьи в «Сталиногорскую правду» о том, что видел на фронте, о зверствах фашистов. С особой радостью - о победной поступи армии. Несколько заметок об освобождении Кенигсберга. Горькой была правда о войне.

Второе рождение «районки»

ИЗ ПИСЕМ родных Алексей узнал, что зимой 41-го бомбили Сталиногорск, что фашисты захватили его и некоторое время зверствовали, стараясь навести немецкий порядок. Жители не дали врагу использовать мощности ГРЭС и химкомбината. Было выведено из строя и оборудование типографии как важного стратегического объекта.

Восстанавливали после освобождения города опять-таки в первую очередь хлебокомбинат и типографию: людям одинаково нужна материальная и духовная пища.

Все мужчины призывного возраста ушли на фронт, в том числе и журналисты. Но уже в январе 1942 года вышли первые номера газеты.

- Как это могло произойти? - с удивлением спрашиваю я Алексея Сидоровича.

- Энтузиазм молодых, вера в силу печатного слова, желание приблизить победу.

Алексей Сидорович берет подшивку.

- Смотрите: сводки Информбюро, письма с фронта, стихи из окопов, приглашение в местный театр, репортаж с субботника, фотографии передовиков... Вот оно, второе рождение «районки»!

Трудные будни

О СВОЕЙ газете мой собеседник знает все. Помнит имена всех ее работников. Смотрю на Алексея Сидоровича и вижу, как теплеют его глаза, когда он рассказывает о журналистах, возродивших газету: Дмитрие Богачеве, Константине Разине, Евдокии Рыбак и многих других.

Их рабочий день был труден: надо оперативно собрать материал, обработать, написать, сдать в набор. Набиралась-то газета вручную! Не хватало мощностей. Наборщики, верстальщики, корректоры, печатники работали и ночью. Зато утром сталингорцы имели возможность открыть свежий номер газеты. С грустной улыбкой вспоминает А.С. Бондаренко о том, что работникам выпускной бригады очередного номера за самоотверженный труд выдавалась премия: буханка черного хлеба. Тогда это была великая радость и поддержка. Несмотря на трудности, газета жила. Ее ждали.

Из номера в номер на первой полосе публиковались сводки «От Советского Информбюро», сообщения о героически погибших земляках. Поразила меня целая страница под названием «Любите Родину, как любил ее Сергей Кукунин». Читаю рассказ о его подвиге, стихи, посвященные герою, письма однополчан, страстные заверения сталингорцев, обещавших отомстить врагам за его смерть. Как едины в своих порывах были они!

А жизнь продолжалась. Люди влюблялись, женились, смотрели кинофильмы и спектакли, сдавали кровь для раненых, думали об урожаях, учились и приобретали профессии. Обо всем этом рассказывают публикации тех лет.

Обращаю внимание на постоянные рубрики: «Письма из Красной Армии», «Литературная страница» (стихи воинов-поэтов), «Солдаты шутят», «Наказы гвардейцев». А вот актуальные лозунги того

времени: «Колхозники Подмосквья, выходите на соревнование за наибольшую помощь фронту!», «Шахтер в забое - на линии боя!».

Алексей Сидорович словно угадывает мои мысли о нерасторжимости ратных и трудовых подвигов и произносит давно каждому знакомое:

«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд!».

В суровые дни войны наш город стал центром угледобычи, столицей Мосбасса. Работало более сотни шахт. Возникла необходимость открытия специальной газеты для горняков. Ею стала «Московская кочегарка».

Одной из главных тем «Московской кочегарки» была угледобыча как основа помощи фронту. Газета писала: «Каждый добытый тобою килограмм угля равен снаряду по врагу».

Все старались работать ударно, а «Сталингорка» и «Кочегарка» вдохновляли людей на доблестный труд, воспитывали чувство патриотизма, призывали делать все для фронта, для победы.

Это надо живым

ПРЕКРАСНЫЕ журналисты работали в «Сталингорской правде» во время войны и в послевоенные годы. Люди с трудными, подчас трагическими судьбами.

Возвратились после победы на свои рабочие места ответственный секретарь Иван Шестеркин, заведующий отделом культуры Александр Косоруков. Не суждено было увидеть послевоенный Сталингорск корректору Михаилу Захарову: в одном

из сражений он пал смертью храбрых... Алексей Сидорович гордится тем, что несколько лет работал в «Сталиногорской правде» Ярослав Смеляков, что талантливый поэт-фронтовик Степан Поздняков тоже сотрудничал в нашей газете.

Судьба самого Алексея Сидоровича Бондаренко сложилась, к счастью, удачно. Демобилизовавшись в 1947 году, он 10 лет проработал в «Московской кочегарке», затем перешел в «Сталиногорскую правду», став впоследствии ее редактором.

...Я перевернула последнюю страницу подшивки «Сталиногорской правды» периода сражений с фашизмом, этой бесценной летописи военного времени. Замечательно, что существует на свете мужественная профессия - журналист, которая дает возможность запечатлеть время, события, судьбы и передать память о них следующим поколениям.

ОБ АВТОРЕ: Таня Щербатых весной 2002 года закончила школу. Приведенная выше публикация - ее первая попытка исследовательской работы, тема ее последнего сочинения в 10 классе школы №18. Сочинение той же весной было отмечено на областном конкурсе специальной наградой.

Максим ЗАГОРУЛЬКО

О войне без фальши

Уж если пишешь о войне – от души или по служебному долгу – знать ее историю надо. И коль скоро всего знать о великом противостоянии сил мира и фашистской военщины нет никакой возможности, всегда, во всякой поездке, любопытно: а как у них? Автор этих заметок принимал журналистов страны в дни семинара и церемонии награждения победителей Всероссийского конкурса «Патриот России». Это председатель Волгоградской областной Общественной палаты, почетный гражданин города-героя Максим Матвеевич Загорулько.

Общался он со всеми представителями СМИ и с каждым журналистом в отдельности, если было на то их желание...

- ЗАМЕЧУ, что в последние годы все больше издается литературы по истории Великой Отечественной войны. Но одновременно идет поток публикаций, авторы которых пытаются пересмотреть ее итоги. Более того, просматривается хорошо спланированное активное наступление концептуального «переосмысления» истории события 1941-1945 годов. Кое-где закрываются музеи и даже сократили должности руководителей. Порадовался я, узнав, что в Тульской области, напротив, повсеместно создаются такие музеи или по меньшей мере уголки и экспозиции Славы русского оружия. Как фронтовик считаю: наступлению лжецов, намеренно искажающих историю великого сражения, надо противопоставить широкую доступную источниковую базу, как можно более полно раскрывающую

великий подвиг народов России. Документы - живые свидетели истории, хотя и хранятся в архивах, музеях. Я и сам много пишу о войне. Но вот что замечаю. Механизм ознакомления и использования документов, особенно не рассекреченных, довольно сложный. Для широкого читателя они доступными становятся лишь после публикации. Отдельные коллекции десятилетиями находятся на секретном хранении. Ввод их в научный оборот после снятия грифа и дает основание некоторым недобросовестным обозревателям к пересмотру или оценочным поправкам, уточнениям, как в фактическую сторону события, так и в непозволительные выводы и оценки.

Неполнота информации - хорошая основа как для не осознанного, так и преднамеренного искажения исторических реалий с вытекающими отсюда политическими и экономическими выводами.

Я с нескрываемым удовольствием получил подборку наиболее значимых публикаций «Новомосковской правды» за последние три года, узнал, как ваша Тульская губерния издает свою «Книгу Памяти», в которую и теперь еще вносятся все новые и новые имена павших героев. Не знал прежде, что действуют у вас следопыты, что останки красноармейцев обретают покой на городском кладбище в присутствии сотен сограждан: ветеранов и юных патриотов. В рамках подготовки к юбилею Великой Победы тульские издательства готовят сборники воспоминаний ветеранов войны, участников обороны Тулы и Подмосковья. Это прекрасно. И отлично, что местные журналисты в этой работе тесно «завязаны».

Понятно, что у моего города с миллионным населением всегда больше возможностей. В Волгограде многие годы по истории Сталинградской битвы издаются сборники документов и материалов. Только в последние годы изданы: «Сталинградская группа войск. Февраль - май 1943 г.», «Сталинградский городской Комитет Оборона в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы», «Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения 1941-1945 гг.».

Возвращаясь к теме правдивости, исторической выверенности фактов, сообщаю, что по предложению областной Общественной палаты губернатор при Комитете по управлению архивами администрации Волгоградской области создал общественный экспертный совет. В него входят ученые, общественные деятели, журналисты, работники архивов области, представители музеев музеев крупных предприятий и учебных заведений.

Главная задача этого совета - на общественных началах проводить экспертизу готовящихся к изданию сборников документов по истории Волгоградской области на предмет полноты использования рассредоточенных по различным учреждениям архивных документов. Я специально выделяю этот опыт организации издательской работы в Волгограде. Знаю, у вас подобной практики чтения готовящихся к публикации материалов перед их изданием нет. Догадываюсь, нет и в других регионах.

Была одна война. Одна на всех. Так давайте все вместе и создадим настоящую источниковую базу этого великого подвига.

Такая источниковая база патриотического воспитания на опыте Великой Отечественной войны по-настоящему сегодня, увы, еще не сформирована. И это на руку фальсификаторам истории. Координационный центр, думаю, мог бы провести инвентаризацию уже опубликованного. А пока нам, пишущим о войне, приходится проводить особое исследование, чтобы узнать, опубликован ли тот или иной документ и где.

Одним из главных факторов и источников Победы в Великой Отечественной войне была наша государственная власть. Издав решения, другие документы и материалы ГКО СССР, распоряжения городских комитетов обороны, мы будем иметь широкое, во многих случаях цельное представление по многим вопросам, которые сегодня являются предметом фальсификации.

Полная коллекция документов Сталинградского городского комитета обороны в Волгограде издана. Полагаю, и туляки, и сталингорцы хотели бы увидеть, узнать, как выглядит ваша область в решениях ГКО СССР (1941-1945 гг.). Таким документом по вашей

Туле хотел бы располагать всякий историк, краевед, журналист. Вот тогда вместе и сумели бы общими усилиями сохранить для потомков в чистоте героическую историю поколения защитников Родины и всего народа.

Ольга ДЕРГАЧЕВА

Маршал прославленный и... неизвестный

МОЖЕТЕ верить на слово: работая с детьми, постоянно и много читаю об истории Великой Отечественной и о роли маршала Жукова в этой военной эпопее прошлого века. Но жизнь полководца, как и сама война, хранит еще много не раскрытых для наших современников очевидных фактов.

В недавней поездке активистов новомосковского городского совета ветеранов на

родину Георгия Константиновича не было дилетантов. Пятеро из десяти лично участвовали в боях на фронтах второй мировой. Есть и такие, кто при разных обстоятельствах видел Жукова, сражаясь в дивизиях его фронтов. Тем не менее в государственном музее, действующем на территории бывшего Угодского железодобывающего завода (ныне город Жуков Калужской области), даже выдавшие виды фронтовики поняли, что прославленный полководец по сей день остается не раскрытым в своем военном и человеческом облики.

Положим, известно каждому, что уже на 19-м году в империалистическую войну произведен был солдат Жуков в унтерофицеры, что связано это было с его получением двух Георгиевских крестов – свидетельств личной отваги. Но таких храбрых бойцов было много. Оказывается, учтено было, что в одном из эпизодов не просто отвагу проявил в бою Георгий Жуков, а пленил

германского офицера. Стало быть, не только храбрость явил, но и силенку недюжинную обнаружил...

Отмечаю для себя такой малый «пустячок», как курение, которое бросил Георгий Константинович на 40-м году жизни. За секунду смял пачку папирос и до конца дней более не возвращался к пагубной привычке. Редкий наш современник способен повторить такой очевидный человеческий подвиг в личной жизни. А ведь годом позднее – в 1937-м - мог бы сорваться: молох сталинских репрессий реально нависал. Арестованы, расстреляны были многие военные из окружения Жукова. Георгий Константинович пошел ва-банк: написал лично Сталину и Ворошилову. Поставленная «на карту» офицерская честь оказалась твердой. Жукова оставили в покое. Хотя, как оказалось, только до поры...

Чего еще я не знала о Жукове (и сам Георгий Константинович не писал об этом), так это об интересе к нашему будущему маршалу

Победы со стороны... гитлеровской разведки. В музее лично видела оригиналы публикаций вермахта о кадровых офицерах Советской России, датированных 1940-м годом, где Жуков проходил под номером 1. По сути немцы раньше нашей верховной власти усмотрели в нем полководческое дарование. Знать, пристально наблюдали еще с боев Жукова с самураями.

Не ведала я до поездки на родину Жукова, что Угодский завод – это богом забытое местечко российской провинции – дал стране Советов... 8 Героев Советского Союза! Понятно, что Жуков среди них самый прославленный. Но каков факт! Столько героев не насчитывают даже некоторые крупные областные центры.

Не знала, что «Правда» в самое ответственное время сражений под Орлом дала портрет командующего фронтом генерала армии Г.К. Жукова со сталинского «благословения». В ту пору не было принято вообще показывать старших офицеров. Интрига состояла в том, что не желательный исход сражения легко можно было бы свалить на конкретного человека, которого знает по прессе вся страна, кому Сталин доверял, на кого так надеялся...

К чести Иосифа Виссарионовича надо сказать, что именно он позднее заявил Берии, что не «сдаст» Жукова. Лаврентий Павлович после войны насчитал среди военных 75 заговорщиков против страны и Сталина. Все были расстреляны, и только Жуков был отправлен в «уральскую ссылку» на унижительную должность командующего округом. Были и другие «сталинские милости» в последующие годы

жизни маршала. Даже персональная дача в Сосновке, которую по фрегментам начали растаскивать «сталинисты» после кончины маршала.

Знаю давно, что имя Жукова носят горная вершина на Алтае, малая планета в космосе, что всех своих наград никогда разом Георгий Константинович не носил: неподъемен этот груз. Но только что узнала: не приезжал герой на открытие музея и собственного бюста в город своего имени. Сказал: «Не дело это – ставить памятники живым». Зато первый экземпляр «Воспоминаний и размышлений» маршал прислал именно землякам с дарственной надписью: «Музею Угодского – Заводского района Калужской области на память...». Было это 22 мая 1969 года.

Александр ПЫРЬЕВ

Особо чтимый из сограждан

Газетная статья «Народный маршал» («НП» №78 от 21 июля 2009 г.) вдруг получила неожиданное продолжение. Коллеги из «районки» «Жуковские вести», оказывается, хорошо помнят и Георгия Константиновича, и Василия Пескова, «комсомольского правдиста», мною упомянутого только как личного знакомого, а калужскому городу Жуков просто родного. Песков очень много сделал для увековечения памяти «Маршала Победы», включая реализацию идеи открытия музея Г.К. Жукова.

ГУК «Музей Г.К. Жукова» идет уже шестое десятилетие. Полвека назад все его экспонаты размещались на площади в 12 квадратных метров. Неустанными заботами и ревностным попечением земляков

классика военной науки при участии государственных министров музей вырос в один из крупнейших центров патриотического воспитания.

В граде-Жукове, рожденном на месте соседствующих селений Угодский завод и Протвино, создан музей исключительно для удобства паломников. Но каждый из них предпочитает вначале съехать с автомагистрали на 5 километров юго-западнее, где по сей день бережно храним незатейливый бревенчатых домик крестьянствовавшей семьи. Это «гнездышко» в черно-белом изображении видел я еще 30 с лишним лет назад на снимках Василия Пескова. Теперь вся деревня Стрелковка – это дворы наперечет, среди которых лишь один домик обрел всероссийскую и международную известность. Архитектурно-скульптурным ансамблем «Родина Маршала Жукова» этот паломнический дворик стал называться с момента сооружения памятника Георгию Константиновичу и прилегающей площади с брусчаткой.

Чего не сумею показать читателю, так это диараму штурма Берлина. Это 36-метровое живописное полотно изготавливалось во времена оные для музея группы советских войск в Германии (г. Вюнсдорф). После вывода наших частей Министерство обороны РФ передало уникальное произведение в дар музею Г.К. Жукова, где оно и было выставлено в 1996 году в специально сделанной пристройке.

Кто бывал на Поклонной Горе, легко представит, как выглядит главный выставочный павильон музея Маршала Победы. К этому законченному произведению архитектурно-монументального искусства примыкает скромный зал периодически выставяемых музейных новинок, предметов из запасников, передвижных выставок других хранилищ с военной тематикой.

Случилось так, что прошлым летом на открытии очередной временной экспозиции первыми посетителями в 10 утра стали журналисты. Местная тамошняя «районка» решала свои репортерские проблемы, а я вошел в дирекцию и выложил на стол упомянутую уже собственную публикацию. Каково же было удивление, когда через неполный час осмотра моя «Новомосковская правда» с «Народным маршалом» в развороте оказалась за стеклом раздела новинок музея..

Более того, даже старушки-смотрительницы успели прочесть написанное мною для новососковцев о Жукове, его дочери Маргарите и о Василии Пескове. Из частных бесед понял: прославленный земляк бесконечно дорог горожанам; журналиста «Комсомолки» знают и уважают; Маргариту Георгиевну недолюбливают как сводную по отношению к другим дочерям маршала. Но ценят земляки в «Марго» ее титанический труд пропагандиста воинского наследия маршала Жукова. Рукопожатиями хранителей музея было передано мне ощущение, что в городе имени прославленного военачальника двадцатого столетия каждый полон гордости за этого великого земляка.

Вера ГЛАДЫШЕВА

«Читая солдатские письма...»

Скажи, солдат, так что тебя хранило...
В. Суворов

9 декабря 1941 года наше село Гремячее было освобождено от немецких захватчиков. Каждый год накануне этой памятной даты в краеведческом музее Гремячевской средней школы проходят экскурсии, классные часы, на которых непременно присутствуют ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, старожилы села. Незабываемым для гостей школы и старшеклассников стал и вечер, прошедший в музее в конце прошлого года.

«ЧИТАЯ солдатские письма...» - такое название для него было выбрано не случайно. Ведь в школьном музее хранится не один десяток пожелтевших от времени довоенных и фронтовых писем.

Мрачной страницей в истории школы стали годы Великой Отечественной войны. Мужественно переносил трудности учительский коллектив: пять лет без отпуска, почти два года без зарплаты, разрушенное здание школы.

В музее висит фотография 1938 г., на которой - учительский коллектив Гремячевской средней школы, только что реорганизованной из школы колхозной молодежи. Многие из запечатленных на ней педагогов, включая директора Ивана Ивановича Васина и завуча Алексея Романовича Белобольчева, погибли на фронтах Великой Отечественной.

А вот с довоенной фотографии смотрит на нас красивый мужественный красноармеец в буденовке со звездой. На обратной стороне фотографии надпись: «Марусе Столяровой - неизменной

спутнице жизни - от любящего мужа. 13 мая 41 г. Л. Ефимочкин». Учитель русского языка и литературы в ШКМ, а потом в Гремячевской средней школе, Леонид Дмитриевич Ефимочкин, по воспоминаниям учеников, был увлеченным, талантливым человеком, прекрасно знал литературу, очень любил творчество Пушкина, знал наизусть роман «Евгений Онегин», сам писал стихи. Некоторые из них, как и отрывки из письма погибшего на войне учителя, старшеклассники услышали на вечере.

Прозвучал на нем и рассказ о почтальоне военных лет А.П. Субботиной. Не счесть писем, которые в тяжелой сумке, еще будучи школьницей, пришлось разнести юной хрупкой девушке в 1941-1943 гг. Желаящих выполнять такую морально трудную работу не нашлось, и отец Анны Петровны, колхозный бригадир, приказал дочке, чтобы почту разносила она. Вот и бежала после уроков семиклассница Аня в почтовое отделение, сортировала письма и до самого вечера разносила их по дворам. Как никому другому, ей было известно: в каждом доме матери, сестры и жены с нетерпением ждали маленьких солдатских писем-треугольников с новостями о судьбах близких им людей.

Письма, принадлежащие семье Молчановых, совсем недавно стали достоянием нашего музея. Более 60 лет берегли их родные Виктора Молчанова - бывшего ученика нашей школы, солдата, сгинувшего в огне войны. На вечере были прочитаны отрывки из писем Виктора Федоровича Молчанова, Федора Федоровича Шуленина и других бойцов - наших земляков.

Минутой молчания участники вечера почтили память солдат, не вернувшихся с той жестокой страшной войны. Тихая тревожная музыка и зажженные поминальные свечи донесли до сердца каждого смысл писем, прочитанных на этом вечере.

Потом ребята еще не раз соберутся в школьном музее. Будет тихо звучать фортепиано, на котором девятиклассница Оля Сорокина вновь сыграет «В землянке», «Огонек», «Темную ночь», школьники раскроют пожелтевшие треугольники, написанные чернильным карандашом, и фронтовые письма заставят их задуматься о многом...

Александр ШУРИН

Чтобы помнили...

Концентрационный лагерь Веймар-Бухенвальд не имел той мрачной славы, какую носили иные подобные учреждения гитлеровской системы уничтожения пленных из других стран и противников режима внутри самой фашистской Германии. По сути это была гигантская «перевалочная база» для всех доставляемых туда узников.

КОНЕЧНО, на «базе» гибли люди: русские, поляки, англичане, французы, чехи, немцы-антифашисты. Конечно, стреляли в каждого выказавшего малейшее неповиновение. Оружием пресекались бунты. Плита с латинскими K.L.V. напоминает о сотнях погибших в концлагере Бухенвальд из сотен тысяч прошедших через его бараки-накопители.

Но крематорий лагеря большей частью простаивал. Комнаты пыток здесь не создавались. Не дымились беспрерывно зловещие печные трубы, как, скажем, в Освенциме, который автором этих строк тоже посетил с познавательной целью.

«Еден дас зайне» («Каждому свое») на кованых воротах Бухенвальда – по сути отражение главной задачи концлагеря. Здесь определялось, кому сгорать в печи другого заведения или стать «рабочим материалом» для фашистских медиков-экспериментаторов, кого «осчастливить» правом трудиться на стройках Вермахта (в каменоломнях, в оружейных цехах), кому быть публично казненным за измену народу (это о немцах, не принявших идеи фашизма).

Во время экскурсии по мрачному заведению, освобожденному и ставшему мемориалом еще 19 апреля 1945 года (за 20 дней до капитуляции Германии), общался с немцем Шульцем Ротенбергом. Этот 85-летний веймарский «колясочник» на вполне сноском русском объяснил, что на войну уходил под знаменами Гитлера, стоял в оцеплении Бухенвальда с внешней стороны колючей проволоки.

Мог ли я упустить возможность спросить врага моего Отечества об его отношении к ТОЙ войне? Впрочем, мудрый Шульц произнес вполне ожидаемую, «дежурную» фразу: «Мы были солдатами...».

Он был хорошим солдатом: не сложил оружия до прихода русских и освобождения заключенных. Но он же, образцовый воин за мировое господство, все последующие дни после нашей Победы решительно осуждает «ошибку Гитлера», как и все идеи немецких неофашистов. Лично знает веймарских активистов новых «коричневых». Морально и физически пострадавший, Шульц считает, что нация в целом извлекла уроки из бесславного прошлого.

«Мир - это единственное состояние, с которым надо стремиться в будущее». Это высказывание «Маршала Победы», оказывается, я только напомнил старцу. Шульц закивал согласно и даже привел еще несколько мыслей Жукова из его «Воспоминаний». Сталина мой нечаянный знакомый не приемлет никак, хотя и читал его произведения и понимает, что он – личность историческая.

Политические узники из различных европейских стран еще в середине прошлого века воздвигли памятник жертвам концлагеря Бухенвальд. А немцы (дабы не щекотать нервы) снесли бараки, оставив лишь их фундаменты для общего представления о внушительности и размахе «базы сортировки» пленных. Но один из бараков оставлен в том виде, в котором перешел под контроль советских войск. В это строение заглянуть без содрогания невозможно: многоярусные нары для здоровых плененных воинов. Иных сюда просто не привозили, занедуживших мелкими группами отправляли в печи.

Сохранились еще ворота с чугунным напоминанием, что «каждому своё», мрачный пункт «сортировки» и все, чем располагало лагерное начальство с солдатами той самой «обслуги» и охраны. В те строения Шульц Ротенберг на своей коляске не ездит, хотя посетителям созданы для этого все условия, включая пандусы и подъемники к этажам...

Ирина СТУПИНА

Весенний мотив

НЕ ПИСАЛА тебе, папа, с поры твоего ухода в мир иной. Ты помнишь, я и при жизни не баловала тебя весточками. Просто пришла весна, которую мы вместе всегда так любили. Знаю, это равнодушие к пробуждению в природе пришло к тебе еще в Туркмении, где только весной цветут алые маки: огромные пылающие поляны предгорий. А еще в ту короткую дивную пору цвели сады: и в горных аулах, и на твоей пограничной заставе.

Я по сей день помню нехитрый быт офицерской семьи и воинские казармы, горную речушку с маленькими шустрými рыбками «маринками» и пучеглазыми крабами.

Еще помню, как такой же весной ты бросил меня в прогретый солнцем бассейн погранзаставы, как перепугана была и как визжала от счастья, когда уже сама через день переплывала водоем.

В тот первый заплыв и в долгие годы плавания по житейским

морям, в любые штормы я чувствовала уверенность. Она всегда исходила от твоих крепких рук. Не знала я - знала мама, - что сила твоя не была такой до войны с фрицами. Великая ненависть к врагу закалила, заставила возмужать до срока всех парней поколения сороковых годов. А когда война закончилась, ты остался в армии среди лучших сынов Отечества, чтобы охранять его границы от новых посягательств.

МНЕ повезло уже в том, что ты осчастливил маму, что родилась я, что помню те любимые нами весенние краски горного края. А еще ты дал мне великую радость, которую сам по щедрости своей не помнишь. В городе Мары, куда служба забросила тебя с семьей, я в тайне от всех переняла от новой подружки один незатейливый фортепьянный мотивчик. Потом в солдатском клубе, в его полутемной прохладе, я простучала тебе и случайным свидетелям «Жили у бабуши два веселых гуся...».

И уже на другой день (помнишь?) в кузове зеленого войскового грузовика ты держал меня за руку, машина неслась, а рядом, покачиваясь, блестел солнечными бликами черный МОЙ инструмент. Откуда в знойном туркменском городишке взялось это фортепиано с названием сибирской реки «Иртыш»? Сие не ведомо. Сомневалась мама в разумности траты денег (500 рублей!). Ворчали сестры: «Бросит Ирка через год эту музыку!». Старшие, они знали, что водить меня в «музыкалку» им придется.

Спасибо, отец. Вероятно, ты первым подумал: «А вдруг, судьба?!». Так и случилось.

Поначалу «судьба» явилась в образе милой, бескорыстной туркменской девушки, к которой заниматься я ходила за пределы погрангородка по мостику через речку Маргаб. Потом были успешные вступительные экзамены. Гаммы, этюды, пьесы часто прерывались моими «походами в разведку» с командой бритоголовых пацанов-сверстников, детей наших же военных. Родня - мама и сестры — отлавливала меря, водворяя на вращающийся «пяточок» близ незыблемого «Иртыша».

И.СНОВА спасибо, дорогой мой папа. Лишенный собственного

детства, ты лучше всех понимал свою младшую девчонку с мальчишескими повадками и озорством. Я почти выросла, когда после твоего увольнения в запас мы переехали в Россию, в «Новую Москву». Ты сумел представить меня новой учительнице музыки. Ты помог, поддержал меня в трудные годы занятий в училище. И всякий раз, каждой новой весной ты усаживался в первом ряду на отчетном курсовом концерте пианистов. Были еще многие весны, когда на таких же концертах мы сидели уже вместе, и оба волновались. Ты переживал по-прежнему за меня, за мои успехи, хоть и в ином качестве. А я - за своих воспитанников. По сути - за внуков и даже правнуков людей того поколения, к которому отношу лучшего в мире воина, продолжателя фамилии - моего отца.

Папа! Я счастлива, что еще при жизни твоей сумела оценить и понять всю значимость твоего воинского и отцовского подвига. В очередном победном мае, увы, мы не увидимся. Это будет первая из любимых наших весен, где в красочном цветении не окажется тебя в парадном мундире. Но явится, знай, ко всем живущим всеобщая воинская Победа. Она снова напомнит о всеобъемлющей любви солдат второй мировой к тем, за кого воевали. Спасибо, родной!

Александр ПЫРЬЕВ

История канареечного «Ганса»

Вы не поверите: в окно служебного кабинета увидели мы с Юрием Титовым эту бодрую немолодую женщину. Если честно, заметили вначале поклажу. То был аккордеон. Добитый, истерзанный, с потертыми мехами и кожаными ремнями, инструмент хранил первозданный канареечный (и потому веселый) цвет.

Отследив бабулю взглядом, пошли догонять «аккордеонистку». На задворках редакции присела она на скамейку, дав нам фору в «охотничьем» журналистском забеге.

«X» № 39035

БЕЗ ТЕНИ смущения Валентина Иосифовна Гречишная стала отвечать на вопросы. Грешно, но начали мы со знакомства... с инструментом. Аккордеон под номером 39035 оказался раритетным. Сомневаемся, что нечто подобное хранится в самой Германии. Разве что у наследников фирмы «Хохнер» еще найдется такая штукovina. Ведь храним же мы первые «Москвичи», «трехлинейки», буденовки или, скажем, грампластинки.

- А скажите, уважаемая, э - э...

- Тетя Валя.

- Скажите, тетя Валя, откуда сия диковина?

- Ой, сынки, это такая длинная история.

Мы не торопились. Тем более, что и сама Валентина Иосифовна уже пришла. Встань она чуть раньше со скамейки, поднимись на второй этаж – не знали б мы (и вы не знали бы) удивительную историю путешествия музыкального инструмента, изготовленного каким-нибудь Гансом или целой командой довоенных немцев.

История любопытна вдвойне, потому что теснейшим образом переплетены в ней судьбы немецкого аккордеона и простой советской девчонки, подранка великой войны.

С «немцем» на службе кинопроката

ВАЛЯ (до замужества Ярымова) состояла на государственной службе, когда с фронта возвращались солдаты, большей частью израненные и решительно не знавшие, к чему приложить свои руки в уже подзабытой за годы военного лихолетья мирной жизни. Вполне благополучная по меркам того времени телефонистка могла себе позволить обменять буханку хлеба на трофейную вещь.

Ярко-желтый аккордеон ей был буквально навязан каким-то контуженным фронтовиком. Ударили по рукам участники сделки, и унесла юная Валя домой «игрушку», в которой ничегошеньки не понимала.

Позднее знакомая девчонка - довоенная курсистка - обучила нашу героиню «нажимать на клавиши». Два-три вальсочка, танго да еще пару любимых солдатами песенных мотивов бойко играла Валентина на курсах киномехаников в Арзамасе, где училась крутить «шарманку» проектора, а потом и в сталиногорском летнем парке. Площадки той уже нет и в помине, но осталась в памяти старого киномеханика радость от встреч под небом послевоенного города юности. Бойкая

девчушка «наяривала» свои вальсы, и народ подтягивался к началу сеанса. Одни просто потанцуют, другие, глядишь, и за билетами в кассу пойдут. План сборов за прокат был делом серьезным. И затейница с аккордеоном в летнем кинотеатре всегда выполняла задания, за что в конторе своей не раз получала премии.

«Крутить кино» было непросто чисто физически: «динама» выматывала все силы, особенно когда фильмы состояли из восьми или десяти частей. Соседские пацаны, постигнув сию «премудрость», помогали девушке, подменяя ее у аппарата, чем очень облегчали труд демонстратора. На третьей или четвертой киношной части Валя отпускала ребят досматривать фильм уже в зале. Вся эта безотцовщина была несказанно рада такому «заработку» в службе кинопроката. А еще была у мальцов великая привилегия: в дни повторных показов вместо «кина» оставаться в будке и нажимать на кнопки и клавиши «фашиста» с номером 39035.

Что была другая музыка

ТРУДОВЫЕ будни кинодемонстратора проходили в поездках по шахтерским клубам. В горняцкие коллективы с большой охотой увязывались юные друзья Валентины. Они помогали натягивать простыню на сценическом заднике, в очередь становились крутить «динаму» и отдельно – по другой очереди – к «инструменту». Эта «другая» очередь была не менее заинтересованной, но вовсе исчезала, если приходила в прокат новая кинолента. Чаще поступали трофейные фильмы. Цензура отслеживала содержание каждого сюжета, хотя большая часть этих лент даже не была озвучена. Чужие кинокартины не тиражировались и потому часто рвались. Зал свистел, кричал «Сапожники!», но милостиво замолкал, когда Валя с пацанами заново ставила склеенный ролик.

Уже соседствовало немое довоенное кино с озвученным послевоенным. Уже без «динами» крутились отечественные и зарубежные фильмы... Помнит Валентина Иосифовна, как в ключья изодранные иноземные «Бродяга» и «Тарзан» повторялись на всех площадках по просьбам зрителей.

По времени прокатный бум совпал со сдачей в эксплуатацию кинотеатра в центре Новомосковска, известного землякам под названием «Победа». Строили его пленные солдаты вермахта. В ту пору обрела Валентина Иосифовна постоянное рабочее место: роскошное по тому времени помещение кинопроекции.

Затосковал получивший временную отставку аккордеон киномеханика Гречишной, хотя и выделено было ему почетное место рядом с новыми проекторами. В холле дома кино перед сеансами народ по-прежнему отдыхал под музыку. Но играл для зрителей уже духовой оркестр. Так было.

Мелодии над волнами

СЛУЧИЛСЯ в жизни супружеской пары Григория Семеновича и Валентины Иосифовны Гречишных период, когда оба они поехали на заработки. Профессиональный моряк был занят на плавучей рыболовецкой базе своим делом, а супруга – своим. На борту трудились по сменам в общей сложности около семисот человек. В путь работу была напряженной, но кубрик матросский в часы пересменки всегда наполнялся до отказа. Смотрели по многу раз и

все подряд: в запасниках «борта» и десятка фильмов не насчитывалось. Вот там, в Охотском, Японском, других морях, разгулялась «канареечная» клавиатура. К аккордеону присоединились пара баянов и всегдашние на флоте гитары. Свои «вальсочки» Валентина играла уже редко, потому что на судне трудились с десятков вполне сносных музыкантов. Свои самые большие потертости хранит «Хохнер» со времени тех морских походов советских промысловиков.

Дочерние суда плавбазы «Чуев» добывали морского зверя. Зубы одного из кашалотов до сих пор хранит Валентина Иосифовна в качестве сувенира от гарпунёров. Еще ловили крабов. Парочку из них, вымоченных в формалине, сделала семья украшением гостиной в новомосковской квартире, как и дюжину ракушек небывалой красоты. Промышляли минтая. Но рыба эта в хорошие времена считалась сорной, на экспорт не шла, и потому база делала из минтая корм для зверей или консервировала его исключительно «для наших».

Снова у родного экрана

РЫБОЛОВЕЦКИЙ период творчества массовика-затейника и ее мужа-промысловика закончился с накоплением необходимых денег для обустройства быта в родном Новомосковске. Любимица-дочка Тамара детскими пальчиками еще в раннем возрасте стала добывать нотки из клавиатуры трофейного аккордеона. И родители совсем не удивились, когда это общение с инструментом определило профессиональный выбор дочери: она уже много лет музыкант.

За время отсутствия на малой родине Валентина Иосифовна потеряла квалификацию киномеханика, потому что техническое оснащение точек проката в Новомосковске кардинально осовременилось. Привычный судовой кинопроектор против наших широкоформатных можно было уже относить к разряду «динозавров». После курсов усовершенствования заняла гостя нашей страницы свое место в кинотеатре «Дружба». Знают и помнят этот былой очаг культуры горожане постарше. На два кинозала одновременно работала проекторная.

«Человека с бульвара Капуцинов», свою любимую отечественную киноленту последних десятилетий, близкую сердцу светлой идеей мировой «синемы», крутила Валентина Иосифовна уже в «Восходе». Приход широкоформатного кино наша собеседница считает самым главным событием в развитии системы киноиндустрии и проката.

Не готова говорить пенсионерка, ветеран труда о дальнейшей судьбе кинематографа, о возможностях современного кино- и видеобизнеса. Техническую часть, службу обеспечения показа она еще способна представить, но решительно не понимает, что вообще творится с «важнейшим из всех искусств». Повидала (поверить нетрудно) Валентина Иосифовна на своем веку всяких-разных фильмов столько, сколько воробьев мы с вами не видели. Но всякий раз теперь коробит ветерана кинопроката предлагаемый зрителю репертуар.

Засилие иностранных лент на рынке проката уже не удивляет: не можем сами снимать – помогут, всучат, сбегрят свой киномусор иностранцы. Это рынок, это понятно. Не понятно, почему приобретается столь сомнительный товар. Не отличаются высокой художественностью и многие отечественные кинопроизведения.

Не сетует Валентина Иосифовна. Не ей, считает, оценивать труд кинематографистов. В конце концов далеко не все фильмы плохи. Из недавних с удовольствием смотрела «Есенина», «Идиота», «Мастера и Маргариту». Тем более, что есть возможность сравнивать: сама «крутила» предыдущие версии этих же историй.

У Гречишной своя тоска. Уходит в прошлое большой экран. Кинозритель страны, как и наш новомосковский, разбежался по своим квартирам, домам. Кинопрокат еще дышит, но выживет ли?

В бывшем «Восходе», там, где когда-то была кинопроекторная, купила намеренно Валентина Иосифовна гребень для своих седых волос. В зале забытого театра, примерно в бывшем десятом ряду, приобрела чистящее средство, чтобы помыть своего друга «Хохнера». Аккордеон этот старый, с хрипотцой, но верный и добрый помощник по жизни. Прописать к себе, настроить его взялась давняя и добрая знакомая из числа профессиональных музыкантов.

Александр ПЫРЬЕВ

Пою мой город

Под сенью клена вижу трогательную картину. Девчушка (наверное, пятиклассница) складывает перед собой пальцы в квадратик, затем, разнимая ладони, переносит карандашом все увиденное на ватман, скрепленный с мольбертом. В штрихах уже узнаю силуэт кинотеатра «Победа».

- А почему, - любопытствую, - ты, дочка, решили рисовать здесь, на площади?

- Это же главная площадь! Здесь все до войны строилось. И задание у меня - рисовать на тему возрождения города, его послевоенной жизни.

ТАК ПОЯВИЛАСЬ моя новая тема. Журналистская. Подкреплена сиюсекундная мысль была еще и тем, что с таким же мольбертом «прицеливался» к известной ротонде юный пацан-художник. Еще две подружки с косичками от эскизов уже перешли к акварели, смешивая краски на палитре, уложенной прямо на траве.

Город родной, его парковую архитектуру, здания, улицы, памятники дети рисуют давно. Ребятишек в одной только школе художественного творчества начинающих живописцев сейчас больше трехсот.

Уже в кабинете ловлю себя на мысли, что «куцей» окажется тема Новомосковска, если отразить ее только через творчество юных. Положим, назову и взрослых, маститых мастеров ваяния, живописи, зодчества. Все равно неполным буде перечень всех «творцов», влюбленных в город своей юности, расцвета в личной судьбе.

И вы знаете, до чего додумался? Я просто пробежался мысленным

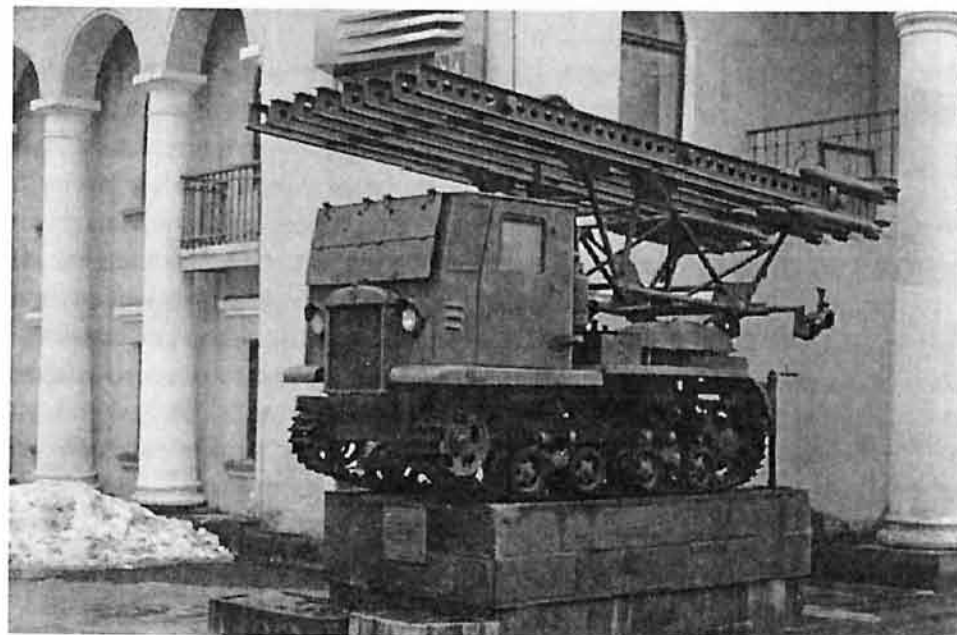
Но динамика жизни в новом столетии придала особый импульс творческому поиску коллектива. Одновременно с журналистами главной газеты нашего города влились в создание новой летописи дорогого нам Новомосковска представители всех форм творчества, всех жанров, всех видов искусства.

Коллеги из местной телевизионной компании, радиоредакции столь же преданно любят Новомосковск, гордятся им, сколь болезненно воспринимают неудачи. Все мы даже в критике своей конструктивны.

В духе созидания живет каждый художник, какой бы музе он ни служил. Таких же ребяташек, каких довелось видеть за мольбертами минувшей соловьиной весной, встречаю на экране местного телевидения. Знать, одинаково близка моим коллегам тема юности родного города. Лично у меня не сразу сложилась «любовь» с Новомосковском. Объехавший полстраны, я не считал новое место жительства лучшим. Только с годами увидел «изюминку». Усмотрел в здешней архитектуре неподчинение... математике. Неповторимость облика! Появлялись новостройки, памятники, рождались новые

взором по страницам родной «Новомосковской правды». Не по передовым статьям, не по обзорам хозяйственным, хотя и в них все признаки достоинства города и его обитателей-трудяг. Листаю «НП». Вот фотографии из семейных альбомов читателей: первомайские демонстрации, октябрьские шествия, встречи почетных гостей. Вот делегации из зарубежья. Вот знакомая школа, когда-то приютившая сотни раненых фронтовиков. А вот и сами герои минувших лет: лет строительства флагмана отечественной химии, прославленного предвоенного гиганта энергетики, городских кварталов «Новой Москвы».

Прелюбопытнейшая картина! И как тут себя не похвалить, если газета действительно во все годы существования была и остается зеркалом всех добрых перемен на пути к нынешнему облику. Героическая судьба города химиков, энергетиков, строителей, шахтеров всегда была в центре внимания журналистов «районки».

градостроительные решения. Даже в строгой ритмике березовой рощи, давшей название одной из улиц, в первом снеге на зеленых ветвях вижу всякий раз музыкальную неповторимость. Вижу в своем Новомосковске вполне алтайские (свои) березы. Воспеваю белоствольные. И озера здешние, и хлебосольство людей, в точности совпадающее с тем, что знавал в таком же русском городе центра

Западной Сибири.

Надеюсь, почти уверен, такую же привязанность испытывает к городу у истока Дона вся наша литературно-художественная, музыкально-артистическая, архитектурная, - любая братия, не на словах, а на деле воспевающая город. При этом, замечу, далеко не все мастера пера, кисти, литья, лепки, фото- и кинохудожники родились здесь. Очаровывает сам Новомосковск, его богатейшая и славная история, сжатая в календаре времени в десятилетия, уходящая корнями в века.

«Осели» здесь или выросли рожденными многие десятки прославленных поэтов, прозаиков, музыкантов, художников. Каждый из них внес свою лепту в развитие творческого потенциала населения нового (в историческом измерении) города. О нашем общем доме и его истории писали многие творцы. Книголюбы имеют у себя на полках произведения самых близких, знакомых, любимых авторов. О нашем крае теперь пишут многие авторы из Донского, Северо-Задонска, Кимовска, Узловой - со всей округи. И это отлично, потому что былой наш Бобрикстрой когда-то именно здесь «черпал» и свою рабочую силу, и традиции, и ...творческий потенциал нынешних мастеров всех профилей, жанров, видов искусства.

Содержание

Дорогие земляки!	4	Завершение коренного перелома в войне	66
Ушли, чтоб вернуться	5	А. ПЫРЬЕВ Фронтовые были в переложении на музыку войны	67
И. СЕЛИВАНОВ Дни и ночи строителя	6	А. ПАЛЬГУЕВ Заговоренный	70
М. РАКИТИН Работа во имя и во благо людей	10	А. БОНДАРЕНКО Прочнее танковой брони	72
22 июня - День памяти и скорби. (1941 г.)	12	Е. ЖИМОЛОСТОВ Через бои... за профессией	74
А. ГЛАДКОВ, Ю. НАЛИВАЙКО Как укрощали «Тайфун»	13	Р. ЛАЗУТИНА Лед идет	77
Е. КОМОВА Мы помним	16	А. НЕЧАЕВА Белый снег. Белое безмолвие... ..	79
А. ПЫРЬЕВ Битва за Москву в документах, цифрах, воспоминаниях	18	Н. НОВИКОВ Марш победителей в памяти участника	81
Н. КРЯЖКОВ Уйти, чтобы остаться	22	А. ПЫРЬЕВ «Радистка» из Сталиногорска	83
А. ПЫРЬЕВ Три смерти жизни ради	25	В. ВОРОБЬЕВ В эфире – Сталиногорск	86
Т. САМОЙЛЕНКО Ночная ласточка	27	А. КАМЕНСКИЙ Вещали небо и земля	89
И. СЕЛИВАНОВ Парад фронтовой осени	29	Т. ЩЕРБАТЫХ (январь 2002 г.) ... И к штыку приравняли перо	92
Ю. НАЛИВАЙКО О , боях-пожарищах... ..	31	М. ЗАГОРУЛЬКО О войне без фальши	95
В. ВОРОБЬЕВ Соловецкий мотив	33	О. ДЕРГАЧЕВА Маршал прославленный и... неизвестный	97
В. СКОПЦОВ О чужой войне глазами детства	34	А. ПЫРЬЕВ Особо чтимый из сограждан	99
П. МИХЕЕВА (ГУСЕВА) Каравай	36	В. ГЛАДЫШЕВА «Читая солдатские письма...»	101
С. ПРЕСНОВ С донесением «3581с-43г.»	38	А. ШУРИН Чтобы помнили... ..	102
Пока в пути солдатский треугольник «Круглый стол» (январь 2007 г.)	39	И. СТУПИНА Весенний мотив	104
Работал на Победу гигант химии «Круглый стол» (апрель 2007 г.)	43	А. ПЫРЬЕВ История канареечного «Ганса»	106
И. КУСАКИН В пламени войны рождалось единство	47	А. ПЫРЬЕВ Пою мой город	109
А. КАМЕНСКИЙ Лихолетьем начиналась биография	49		
А. КАМЕНСКИЙ Войну прошли такие непохожие... ..	51		
А. Пырьев Юность в шинели	54		
А. ШУРИН Юбилей взывает к памяти	57		
В. ВАСИЛЬЕВА Дети войны	59		
М. КОЗЛОВА Когда пылала Волга... ..	61		
В. БРОВКИНОт Волги на запад	62		
И. СЕЛИВАНОВ В метельном месяце 1943-го	64		

Сталиногорцы: от Бобрикстроя до марша Победы

Альманах под общей редакцией Лидии Снегиревой
Редактор-составитель – Александр Пырьев
Иллюстрации – ТАСС, АПН, ИТАР-ТАСС, архивы
Военно-исторического музея, Музея Вооруженных Сил.
Использованы также фотоработы Юрия Титова, снимки
из личных архивов авторов публикаций
Оригинал-макет и версия обложки - Татьяна Сафронова
Компьютерная обработка и набор - Ирина Грызунова, Оксана Вдовиченко.
Корректоры -

Отпечатано ООО «Реком»,
301650, Тульская область, г. Новомосковск, ул. Маяковского, 25.
Тел/факс (48762) 6-44-85.
Заказ № 294-10, тираж 500 экз.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Уважаемый читатель!

Счастливым стечением обстоятельств (юбилей Великой Победы и юбилей родного города) – первое из оснований для того, чтобы собрать воедино публикации как наших известных земляков, так и о них самих. Не ищите в этом альманахе стройной календарной или исторической хронологии, ибо нет в нашей жизни четкого деления на «до» и «после»: наш город в истории своей объединяет муки рождения, радость бурного расцвета, развития, спады и взлеты.

Говорим и пишем сегодня о триедином Новомосковске: от первого колышка в его основании до дней послевоенных и нынешних. Устами живых свидетелей и участников строительства города мы хотели бы еще раз напомнить о героизме первостроителей, о светлых мечтах отцов и дедов, об энтузиазме поселенцев «копай-города» и «Новой Москвы». В этом юбилейном издании очевидцы и защитники Сталиногорска рассказывают о подвиге наших земляков при обороне столицы, Тульского края и нашего города-труженика.

Таким образом, история Сталиногорска от Бобринского до наших дней тесно переплетается с историей развития отечественной энергетики, химии, угольной промышленности, с военными подвигами на разных фронтах Второй мировой войны, на восстановлении города после оккупации.

Главное отличие и преимущество данного альманаха не в строгой документалистике, хотя она широко используется в фабуле повествования. Самое ценное – в конкретике личных восприятий людей времен строительства города, его защиты от врага, восстановления из руин и в воспоминаниях тех фронтовиков, которые уходили защищать свою малую родину Сталиногорск на поля сражений.

Литературную запись выступлений, очерковые материалы на безвозмездной основе обеспечивали журналисты «Новомосковской правды», внештатные активисты газеты, краеведы, пресс-группа совета ветеранов. Полиграфические услуги предоставил депутат Собрания депутатов МО город Новомосковск Александр Коган, за что творческий коллектив альманаха весьма ему признателен.

